

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ХОРЕЗМСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

В 1954-1956 гг.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

МАТЕРИАЛЫ ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Под общей редакцией С. П. Толстова

Выпуск 1

ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ХОРЕЗМСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
В 1954-1956 ГГ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1959

РЕДАКТОРЫ

С. П. Толстов и М. Г. Воробьева

С. П. Толстов

РАБОТА

ХОРЕЗМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

в 1954—1956 гг.¹

Центральной научной проблемой работ Хорезмской экспедиции в пятой и начале шестой пятилетки была проблема истории древних русел Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и базирующихся на них первобытных, древних и средневековых ирригационных систем. Сейчас разработка этой проблемы близится к концу. Выходит в свет коллективная монография «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. (История формирования и заселения)»², подготовленная коллективом экспедиции, в состав которого на данном этапе входят не только археологи и этнографы, работники Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, но и геоморфологи, сотрудники Института географии АН СССР.

¹ В 1954 г. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция работала с 18 июня по 20 ноября. В ее состав входили четыре стационарных археологических отряда: Кой-крылганский, Беркут-калинский, Кокчинский и Кюзели-гырский, три маршрутных археологических отряда: Акча-Дарьинский, Сарыкамышский и Узбойский, археолого-топографический отряд и три этнографических отряда: Каракалпакский, Узбекский и Туркменский. Были проведены рекогносцировочные раскопки на Базар-кале, на Айбугир-кале, на оссуарном могильнике Куба-тау.

Одним из сотрудников экспедиции проведены археологические работы в Кызыл-Ординской обл. Казахской ССР в составе Сыр-Дарьинского отряда Ин-та географии АН СССР во главе с А. С. Кесь. Работы продолжались с 6 апреля по 16 июля.

В 1955 г. Хорезмская экспедиция работала с 1 июня по 1 ноября; в состав экспедиции входили четыре стационарных археологических отряда: Кой-крылганский, Беркут-калинский, Кокчинский и Канга-калинский археолого-топографический отряд и два этнографических отряда: Туркменский и Узбекский.

Было проведено четыре разведочных маршрута: южно-кызылкумский, южно-туркменский, акча-дарьинский и дарьялыкский. Кроме того, отдельными сотрудниками были проведены небольшие рекогносцировочные раскопки на могильнике Куба-тау и на стоянке Уй-кала-1.

В 1956 г. экспедиция работала с 15 апреля по 22 октября. В состав экспедиции входили шесть стационарных археологических отрядов: Кырк-кызский, Кой-крылганский, Анкинский, Кават-калинский, Куюк-калинский и Барак-тамский, археолого-топографический и три этнографических отряда: Каракалпакский, Туркменский и Узбекский.

Было проведено два разведочных маршрута: узбойский и акча-дарьинский. Кроме того, отдельными сотрудниками и группами осуществлялись работы на архайском поселении близ Дингильдже, на керамических печах в районе Уй-калы, на первобытных стоянках Кават-2 и Кават-3 и в районе Базар-калы и Уй-калы в местах находок оссуариев.

² «Материалы ХЭ», вып. 3. Работа находится в печати.

На первое место выдвигается большая, разработанная еще крайне слабо, проблема истории окружающих Хорезмский оазис древних и средневековых степных племен, тесно связанных с Хорезмом и игравших крупную роль в его истории. Разработка этой проблемы уже сейчас позволяет по-новому осветить оставшиеся неясными вопросы истории самого Хорезма.

* * *

Длительные маршрутные исследования Акча-Дарьинской дельты³, самой восточной и наиболее древней из северных дельт великой среднеазиатской реки, расположенной в пустыне к востоку от современной Приаральской дельты, начатые в 1954 г. и продолженные в 1955—1956 гг.⁴, дали исключительно богатый материал. Кроме известных памятников кельтеминарской культуры неолита и энеолита и тазабатябской культуры бронзового века, обнаруженных в предшествующие годы в южной части Акча-Дарьинской дельты и в 1954 г. в так называемом «акча-дарьинском коридоре», соединяющем северную и южную часть дельты, нами в 1955 и 1956 гг. в центральной части Северной дельты открыты многочисленные поселения нового варианта культуры энеолита, которая получила название «камышлинской» по имени расположенного в начале северной части дельты колодца. Эта культура, датируемая первой половиной II тыс. до н. э., характеризуется окрашенными в красный цвет сосудами с лощеной поверхностью, со штампованным или нарезным елочным орнаментом (рис. 1), а также обильными кремневыми и кварцитовыми орудиями, формы которых восходят к рубежу III и II тыс. до н. э. Особенно интересна одна стоянка близ северного мыса возвышенности Уч-Таган, где было найдено в одном месте десять прекрасно обработанных кварцитовых наконечников стрел, большой кривой нож и обломок крупного копья из того же материала (рис. 2). Эта культура очень близка к раннему, до сих пор мало нам известному этапу суярганской культуры (мы думаем, что можно даже говорить о камышлинском этапе суярганской культуры) и, как и последняя, несомненно имеет южные связи, ведущие в Иран и Закавказье, где близкие формы керамики характерны для времени от середины III до середины II тыс. до н. э.⁵

³ См. С. П. Толстов. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956), СА, № 4, 1957, рис. 6.

⁴ В 1954 г. маршрут продолжался с 22 августа по 3 сентября под руководством С. П. Толстова. В состав отряда входили: научные сотрудники Т. А. Жданко, М. А. Итина, А. С. Кесь, топограф Д. Т. Псел, коллектор А. Т. Ларичев, фотограф Г. А. Павлиди, шоферы экспедиц. автобазы АН СССР Н. С. Горин, Н. Ф. Дрожжин, И. И. Бобков и шесть рабочих-землекопов. В сентябре работы на Акча-Дарье были продолжены научными сотрудниками А. С. Кесь и Н. Н. Вактурской.

В 1955 г. отряд работал с 19 сентября по 25 октября под руководством С. П. Толстова. В состав отряда входили: научные сотрудники Т. А. Жданко, А. С. Кесь, М. А. Итина, В. Н. Ягодин, научно-технические сотрудники В. А. Лоховиц и Е. И. Шумилов, топограф Н. И. Игогин, фотограф Г. А. Павлиди, фельдшер Абилов, шоферы экспедиц. автобазы АН СССР Н. С. Горин, И. П. Волков, Ф. Г. Пехин, В. Мошкин и пять рабочих-землекопов.

В 1956 г. отряд работал с 27 сентября по 19 октября под руководством С. П. Толстова. В состав отряда входили: научные сотрудники Т. А. Жданко, А. С. Кесь, М. А. Итина, научно-технические сотрудники А. С. Кузнецова, Е. И. Шумилов, М. И. Земская, топограф Н. И. Игогин, фотограф Г. А. Павлиди, врач Р. П. Миф, шоферы экспедиц. автобазы АН СССР Н. С. Горин, И. П. Волков, П. П. Стефанцев и четыре рабочих-землекопа.

⁵ Б. А. Куйфин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. LXXV и LXXVII. К. Campbell-Thomson and M.-E. L. Mallosvan. Excavations at Nineveh, 1931—1932, «Annales of Archaeology and Anthropology». XX, 1933, табл. LI, 13; табл. LIII, 6,7; A. Spieser. Excavations at Thepe Gawra, 1. Philadelphia, 1935, табл. LXVIII, 109; т. V, Arne. Excavations at Chah Tepe. Stockholm, 1945, стр. 173, рис. 302, табл. LI, 404a.

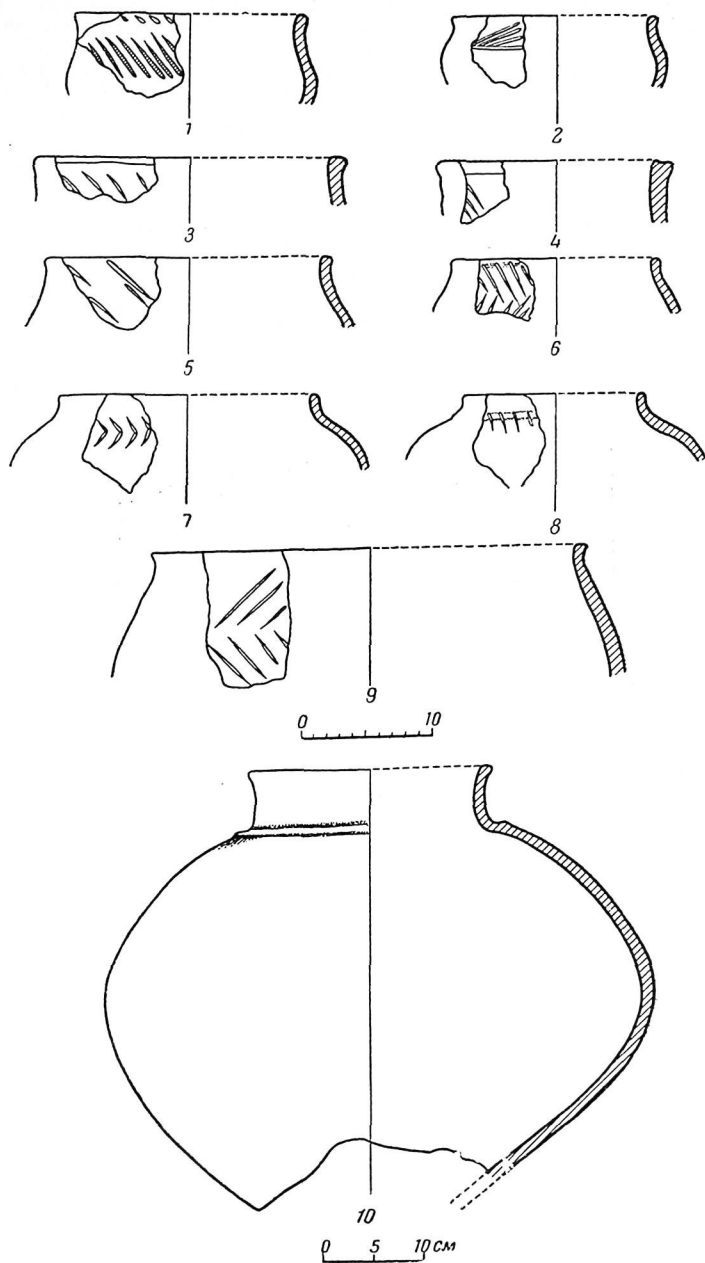

Рис. 1. Камышлинская культура. Керамика

Характерно, что в южной части Северной дельты, от колодцев Чарылы на юге до широты бугра Бузгул на севере, более поздних памятников не зарегистрировано. Севернее открыто много стоянок, несущих на себе признаки смешения сурганской и тазабагъябской культуры, с явным преобладанием последней, и датировемых различными отрезками второй половины II тыс. до н. э. Есть все основания утверждать, что южная часть Северной дельты была в это время необитаемой. Это может объясняться тем, что прорвавшиеся на рубеже III и II тысячелетия через «Акчадарьинский коридор» на север воды Акча-Дарьи, вслед за которыми двинулись

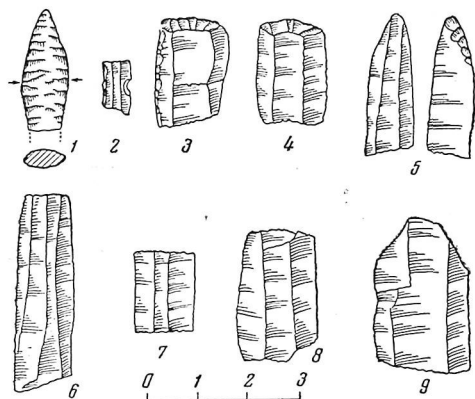

Рис. 2. Камышлинская культура. Стоянка Уч-Таган-2.
Изделия из кварцита и кремня

с юга камышлинские племена, за полтысячелетия вновь заполнили своими запасами древние протоки дельты и были вынуждены искать стока в обход Султан-Уиздагских гор с запада, в направлении современной дельты. Возможно и то, что связанный с этой же тенденцией процесс замедления течения вод, привел к заболачиванию узкого Акчадарьинского коридора и примыкавшего к нему клиновидного участка Северной дельты, сделав его неудобным для обитания человека — особенно земледельца и скотовода бронзового века. Во всяком случае, связь между южными и северными акча-дарьинскими тазабагъябскими племенами осуществлялась в обход Султануиздагских гор с запада, вдоль широтных западных протоков Северной Акча-Дарьинской дельты и по восточным берегам древнего Хорезмского озера.

По руслу Жаны-Дарьи до сих пор не открыто памятников бронзового века, и можно предполагать, что связи между тазабагъябскими и западно-андоновскими племенами осуществлялись через восточное побережье Арала, где зарегистрирован ряд меридиональных русел, связывающих Сыр-Дарью с низовьями Жаны-Дарьи и Акча-Дарьи. Археологическое исследование этих русел — одна из очередных задач наших работ.

Весь собранный материал свидетельствует об исключительно густой заселенности зоны Акча-Дарьи в неолите, энеолите и особенно в бронзовом веке.

Новым открытием 1955—1956 гг. была находка многочисленных стоянок полукочевых племен раннежелезного века (середина II тыс. до н. э.), расположенных на песчаных островах между протоками дельт Акча-Дарьи

и Жаны-Дарьи, вплоть до Аральского взморья, которого нам в 1956 г. с большим трудом (ввиду подтопления песков морскими водами) удалось достигнуть. Стоянки дали оригинальный набор инвентаря: керамика с орнаментом, сохраняющим традиции бронзового века, грубые кварцитовые и шлифованные песчаниковые орудия, бронзовые раннескифские наконечники стрел и остатки железодельного производства — шлаки и крицы. Перед нами впервые предстает примитивная культура приаральских племен раннеантичной эпохи, называемых греческим географом Страбоном «массагетами болот и островов». Они, по-видимому, тождественны упомянутому другими античными источниками большому союзу племен «апаснаков», что в переводе значит «водные саки» (скифы). Эта своеобразная культура, впервые обнаруженная нами в 1955 г. на побережье древних озер, ныне солончаков Кокча-Тенгиз и Акча-Тенгиз, расположенных в левобережье нижней Жаны-Дарьи, названа нами кокча-тенгизской культурой.

Исследования 1956 г. показали, что позднее, на рубеже нашей эры и в первой половине I тыс. н. э., традиции кокча-тенгизской культуры продолжают жить в культуре «варварских» племен низовьев Акча-Дарьи, современной античному Хорезму периода его расцвета. Как установлено экспедицией, «варварские» поселения этого района базировались не на водах Акча-Дарьи, в это время уже прекратившей свое существование, а на водах Жаны-Дарьи, заполнивших нижние отрезки акча-дарьинских русел, превратившихся таким образом в многочисленные озера, и частично на водах восточных протоков современной Приаральской дельты, заполнивших широтные западные протоки древней Акча-Дарьи.

В многочисленных поздних апасиакских поселениях сочетается «варварская», сохраняющая еще традиции бронзового века керамика и даже кварцитовые и песчаниковые орудия с классической хорезмской кангюйской керамикой. Любопытна находка в одном из таких поселений варварского сосуда с львиноголовой раннекангюйской ручкой (рис. 3).

Одним из объектов наших раскопок был позднеантичный, датируемый IV—V вв. н. э. памятник, расположенный в низовьях Акча-Дарьи — Барак-там, культура которого также продолжает в еще более позднюю эпоху кокча-тенгизские, апасиакские традиции. Но на этом памятнике мы остановимся ниже.

Подводя итоги, отметим, что комплексные археолого-географические работы экспедиции показали, что история Акча-Дарьи очень сложна. Как установила геоморфолог экспедиции А. С. Кесь, к востоку от Акча-Дарьи пролегает, видимо относящееся к нижнечетвертичному времени, так называемое Чакалакское русло, которое, вероятно, было одним из протоков древней Сыр-Дарьи, протекавшей некогда через центральные Кызыл-Кумы. Позднее, почти одновременно с прорывом в верхнечетвертичный период вод Аму-Дарьи на север к Аральскому морю русло Сыр-Дарьи также передвинулось к северу. Параллельно древнему, брошенному рекою руслу Сыр-Дарьи, частично используя его, и расположилась наиболее древняя

Рис. 3. Налеп в виде головы льва на ручку кувшина из поздне-апасиакского поселения в окрестностях Барак-тама

из приаральских дельт Аму-Дарьи — Акча-Дарьинская. Еще позднее, в конце четвертичного периода, уже на грани исторического времени, основное направление Аму-Дарьи передвинулось к западу, и река образовала обширную Присарыкамьшскую дельту со стоком вод Аму-Дарьи из Сарыкамьша в Каспий по руслу Узбой. В связи с заносом русел Присарыкамьшской дельты аллювиальными отложениями и начавшимся новым поворотом реки к востоку, Акча-Дарья в эпоху неолита и особенно энеолита и бронзового века была вновь частично обводнена. Поэтому, когда в эпоху ранней античности, около VII—VI вв. до н. э., начали создаваться крупные ирригационные системы правого берега, они не могли уже базироваться на таком неверном источнике, как постоянно пересыхающие и вновь возобновляющиеся протоки затухающей Акча-Дарьи; головы античных каналов были перенесены на Аму-Дарью, к истокам крупных протоков Акча-Дарьинской дельты. Возможно, что именно создание ирригации правого берега явилось одной из причин окончательного затухания Акча-Дарьи.

В неолитическую эпоху были заполнены водой древние протоки Южной, Верхней, дельты Акча-Дарьи, на окраинах которой и на внутридельтовых возвышенностях расположены многочисленные стоянки кельтеминарской культуры.

Надо отметить зарегистрированное южно-кызылкумским маршрутом 1955 г.⁶ распространение памятников кельтеминарской культуры далеко на юго-восток, — кельтеминарские стоянки были открыты в районе колодцев Беш-Булак, в районе одного из древних озер в старорежье Пра-Сыр-Дарьи, к северу от гор Тамды-тау и на древнем озере Лявлякан, питаемым древними северо-западными протоками Зеравшана.

Лишь в эпоху энеолита (на рубеже III и II тысячелетий до н. э.) происходит прорыв вод Акча-Дарьи по акча-дарьинскому коридору и повторное обводнение Северной, Нижней дельты. С этим связано дренирование Южной дельты, которая густо заселяется суярганскими, а затем тазабагыбскими племенами, создающими здесь в XIII—XII вв. до н. э. древнейшие памятники первобытной ирригации. В Северной, Нижней дельте, не обводненной и почти не заселенной в неолите, теперь создается водный режим, напоминающий тот, который был на юге в эпоху неолита; поэтому и расселение племен бронзового века здесь напоминает расселение неолитических племен юга. Поселения концентрируются преимущественно на внутридельтовых грядах коренных песков. Лишь в конце бронзового века появляются отдельные поселения на такырах в северной части дельты, что связано, несомненно, с новым затуханием дельты, вызванным начавшимся в середине II тыс. до н. э. и завершившимся на рубеже II и I тыс. до н. э. поворотом основной массы аму-дарьинских вод в направлении современного русла⁷.

Очень важным для этнической истории населения Древнего Хорезма было открытие в 1954 г. первого могильника, относящегося к бронзовому веку (конец тазабагыбской культуры, третья четверть II тыс. до н. э.). Могильник расположен к югу от горы Кокчи, одного из отрогов хребта Султап-Уиздага, к востоку от которого проходит основное русло Акча-Дарьи, и получил условное название Кокча-3 (рис. 4). На его территории обнаружено выше ста могильных ям, выступивших на поверхности такыра, однако общее число погребений значительно превышает эту цифру.

⁶ Маршрут проведен в мае-июне 1955 г. геоморфологом Ин-та географии АН СССР А. С. Кесь и научн. сотр. Ин-та этнографии АН СССР Н. Н. Вактурской в составе экспедиции Ин-та географии АН СССР. См. статью Н. Н. Вактурской в наст. сб.

⁷ См. С. П. Толстов и А. С. Кесь. История первобытных поселений на протоках древних дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. «Вопросы географии». Сб. статей для XVIII Международного географического конгресса. М., 1956.

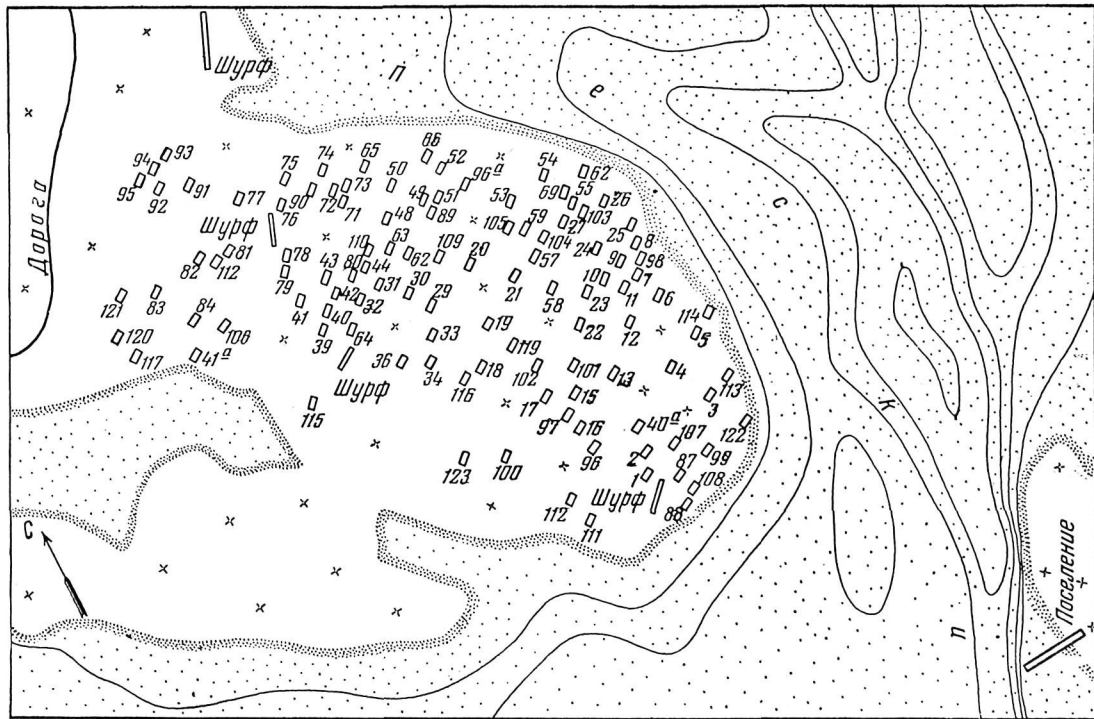

Рис. 4. Могильник Кокча-3. План

В том же году произведены небольшие раскопки могильника под руководством автора настоящего сообщения⁸. Материал, полученный из 16 вскрытых погребений, оказался весьма своеобразным. Собранная керамика (богато орнаментированные целые сосуды), бронзовые предметы (браслеты, подвески, шилья), а также крашиологические находки и наблюдения над погребальным обрядом (погребения, как правило, скорченные, ориентированные на запад, парные, разнополюе, причем мужской костяк всегда справа) позволили сделать некоторые предварительные выводы⁹ и поставили экспедицию перед необходимостью продолжить работы по исследованию этого чрезвычайно интересного памятника.

В 1955 г. раскопки продолжались под руководством М. А. Итиной и автора¹⁰. За два года вскрыто 76 погребений, из них 15 парных, 29 одиночных погребений взрослых и подростков, 25 детских погребений. Начаты раскопки расположенного рядом с могильником и, по-видимому, синхронного поселения.

Раскопки подтвердили важный вывод, сделанный в итоге первого сезона. Керамические изделия — многочисленные горшки (в коллекции сейчас 60 сосудов), обнаруженные во всех погребениях, — по форме и орнаменту (рис. 5, 2) ближе всего напоминают керамику бронзового века степей Западного Казахстана, западноказахстанский вариант андроновской культуры, хотя и несут некоторые черты, общие со срубной культурой Поволжья; бронзовые украшения отличаются от казахстанских и обнаруживают тесные связи с Поволжьем и Кавказом (рис. 5, 1). По физическому типу погребенные могут быть разделены на две группы, одна из которых близка к типу носителей андроновской и срубной культуры, другая — к типу населения неолита и бронзового века Южного Узбекистана, Таджикистана и Северного Ирана. Сопоставление с современными антропологическими типами ведет нас еще дальше на юг, в Индию, в область распространения дравидоидного типа экваториальной расы¹¹.

Раскопки на могильнике Кокча-3 в еще большей мере, чем результаты исследований в Северной дельте Акча-Дарьи, показывают сложность этнического состава древнего населения Хорезма, его разнообразие связи с отдаленными странами. Хорезм и впоследствии являлся перекрестком этнических и культурных связей между Средней Азией, Ираном, Индией, Восточной Европой и Сибирью. Сейчас эти связи отодвигаются в еще более отдаленное прошлое.

Большие работы в районе тазабагъябских поселений Кокча-1—3 проведены в 1954 г. археолого-топографическим отрядом (руководитель

⁸ В 1954 г. отряд работал с 10 по 20 сентября в следующем составе: научные сотрудники Т. А. Жданко, О. А. Вишневецкая, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудиновская, науч. сотр. Республ. Каракалпакского краеведческого музея С. Мадьяров, научно-технические сотрудники И. В. Пташников и В. С. Козлов, студенты-практиканты Е. Ю. Думашова, В. Н. Степина, А. В. Гудкова (МГУ), В. Н. Ягодина (Ивановский пед. ин-т), фотографии Г. А. Аргиропуло и Г. А. Павлиди, художник И. В. Савицкий, топограф Д. Т. Песел (Моск. ин-т инженеров землеустройства), шофер Н. С. Горин и четверо рабочих-землекопов.

⁹ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. «Советское востоковедение», 1955, № 6, стр. 92—103.

¹⁰ Отряд работал с 17 августа по 21 сентября под руководством С. П. Толстова и М. А. Итиной. В состав отряда входили научные сотрудники Т. А. Жданко, А. С. Кесь, С. А. Трудиновская, А. С. Амитров, В. П. Ягодина (Респуб. Каракалпакский краеведческий музей), аспирант А. В. Виноградов, антрополог-реставратор Н. И. Ильенко, научно-технические сотрудники Р. Л. Садовик, И. В. Пташников, В. А. Лоховиц, Л. Н. Корнев, Р. Г. Калантаров, Л. М. Левина, Е. И. Шумилов, завхоз Л. И. Жолудева, шофер экспедиц. автобазы АН СССР Ф. Г. Пехин и семь рабочих-землекопов.

¹¹ См. Т. А. Трофимова. Палеоантропологические материалы с территории Древнего Хорезма. СЭ, 1957, № 3.

Б. В. Андрианов)¹². Открыты остатки ирригационных сооружений и следы древних полей времени от последней трети II тыс. до н. э. до первых веков I тыс. до н. э.

Исследование их внесло много ценного в разработку вопросов о происхождении орошаемого земледелия в Средней Азии.

Система первобытной ирригации в этом районе очень своеобразна и в миниатюре напоминает примитивную бассейновую систему архаического Египта. Из дамбированных русел небольших боковых протоков дельты вода в период высокого стояния попадает на маленькие огороженные глиняными валиками поля¹³.

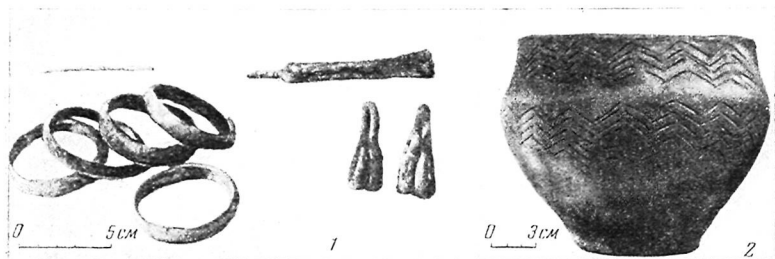

Рис. 5. Могильник Кокча-3.

1 — бронзовые украшения и 2 — горшок с слочным орнаментом

У поселений поздне-суярганской культуры (Базар-1 и 3) оросительная система сложнее: устраивались короткие (несколько десятков метров) водоотводные каналы, которые, позже, на амирабадских полях достигали уже нескольких километров, а система была усложнена более мелкими ответвлениями.

Таким образом, исследования в районе Кокчинских поселений позволили определить одну из первых ступеней еще очень примитивной ирригационной техники.

Кокча-3 — первый раскопанный нами в 1954—1955 гг. погребальный памятник бронзового века Хорезма, в основном подтвердил выводы, сделанные нами в результате рекогносцировочных работ прошлых лет, и вместе с тем позволил значительно расширить материал для исторических обобщений. В 1956 г. мы впервые приступили к систематическим раскопкам поселений бронзового века Южной дельты. Результаты работ уже сейчас дают много нового для характеристики хозяйства и быта носителей тазабагтябской культуры и сулят впереди еще больше интересных наблюдений.

Начаты раскопки двух поселений. Первое из них — Ангка-5 открыто во время сплошного обследования зоны древнего канала Кельтеминар археолого-топографическим отрядом экспедиции еще в 1953 г., но в 1954—1955 гг. оказалось закрыто мощной движущейся песчаной дюной, что не

¹² В 1954 г. отряд работал с 15 июля по 1 октября в следующем составе: начальник отряда Б. В. Андрианов, студенты-практиканты В. Н. Корнилова и Н. М. Трубецкая (Моск. ин-т инженеров геодезии и картографии), шофер экспедиц. автобазы АН СССР П. И. Миноченков и один рабочий. Кроме исследований в районе поселений первобытной культуры, велись работы и по уточнению археологической карты в районе, орошаемом древней ирригационной системой Кельтеминар.

¹³ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., стр. 97—98 и стр. 100, рис. 10; С. П. Толстов и Б. В. Андрианов. Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме. КСИЭ, XXVI, 1957.

дало возможности начать здесь раскопки в 1954 г., как мы намечали. В 1956 г. благодаря передвижению песков стоянка вновь вышла на дневную поверхность¹⁴.

Ангка-5 — часть большого поселения, отдельные пункты которого были зарегистрированы ранее (стоянки Ангка-1, 3, 4). Первая из них, Ангка-1, зарегистрирована еще в 1940 г., и материал из нее, опубликованный в 1941 г., вошел как наиболее характерный тазабагъябский комплекс в монографию «Древний Хорезм»¹⁵.

Рис. 6. Ангка-5. Общий вид жилища

Поселение Ангка-1—5 тянется более чем на 2 км вдоль южного берега сильно разрушенного широтного отрезка одного из главных протоков Акча-Дарьи, огибающего с севера крепость Ангка-кала, примерно в 1,5 км от нее. В 1956 г. раскопан один из двух хорошо заметных на поверхности такрыра прямоугольных домов (Ангка-5, дома № 1 и № 2).

Жилище Ангка-5, дом № 1 представляет собой несколько заглубленную в такрырную поверхность постройку 12,2×7,4 м, вытянутую с юго-запада на северо-восток, с расположенным на торцовой северо-восточной стороне длинным коридорообразным входом (рис. 6). Сейчас стены углублены по сравнению с современным уровнем не более чем на 10—15 см, но, учитывая интенсивный процесс разрушения такрыра, надо полагать, что заглубление первоначально было значительно большим, и постройку, возможно, следует отнести к категории полуземлянок, о чем, в частности, свидетельствует и длинный коридорообразный вход. Стены были обмазаны глиной, насколько можно судить по найденным близ них следам обожженной обмазки. Конструкция стен неизвестна, так как они выше заглуб-

¹⁴ Отряд работал с 12 августа по 2 сентября в следующем составе: начальник отряда М. А. Итина, аспирант А. В. Виноградов, топограф Н. И. Игонин (Моск. ин-т инженеров геодезии и картографии) и пять рабочих-землекопов.

¹⁵ П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 66—67.

ленной части жилища не сохранились. Пол глинобитный, плотный, слегка обожженный, толщиной около 1 см, подстилается материковой супесью. Перекрытие состояло из жердей — обожженные жерди толщиной в 1,2—1,5 см, лежащие поперек постройки, хорошо сохранились особенно вдоль северо-западной стены. Никаких следов столбовых ям не обнаружено.

В центре жилища находился очаг, остатки которого сохранились в виде расположенной в центральном углублении большой линзы спекшегося пепла (размер $1,6 \times 0,9$ м при толщине около 25 см), ниже шел пятисанти-

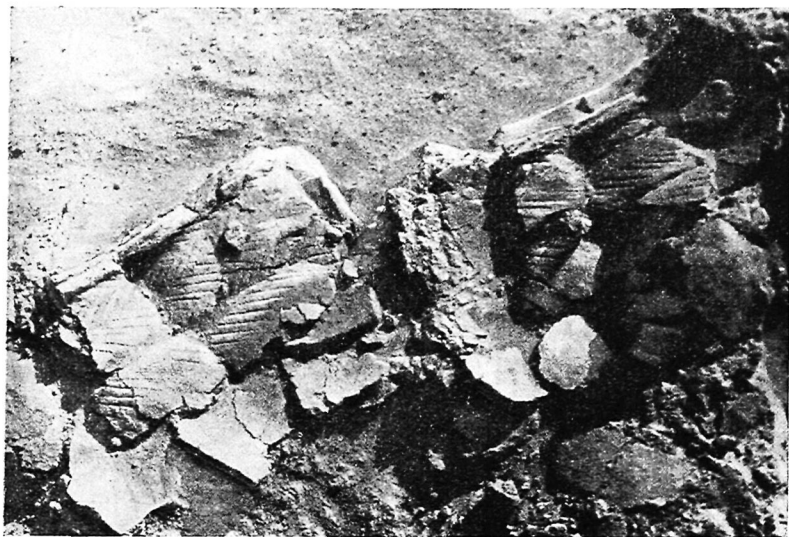

Рис. 7. Ангка-5. Раздавленные сосуды на полу жилища

метровый слой прокаленного красного песка. По своему характеру очаг чрезвычайно напоминает центральный очаг неолитического жилища стоянки Джанбас-4. К юго-западу от очага располагалась глиняная вымостка размером $1,3 \times 1,2$ м. Вдоль стен, особенно северо-западной, обнаружено большое количество преимущественно крупных сосудов, раздавленных, повидимому, рухнувшей кровлей и стенами (рис. 7).

Отсутствие костей и других кухонных остатков, обычных в культурном слое втоптаных в землю обломков керамики, заполнение очага белым пеплом, а не обычными продуктами неполного сгорания — прослойками золы и сажи, типичными для кухонных очагов, свидетельствует, вероятно, об особом назначении постройки¹⁶. Об этом говорит резкое отличие жилища Ангка-5, дом № 1 от открытого археолого-топографическим отрядом одного из жилищ стоянки Кават-3, раскопки которого начаты А. В. Виноградовым. Найденное в сходных условиях, оно также прямоугольное, немного больших размеров (12×15 м), с коридорообразным входом и сходной стратиграфией. Однако характер слоя оказался весьма отличным от Ангка-5, дом № 1. Слой насыщен многочисленными фрагмен-

¹⁶ Подробно о раскопках на поселении Ангка-5 см. в статье М. А. Итиной в наст. сб.

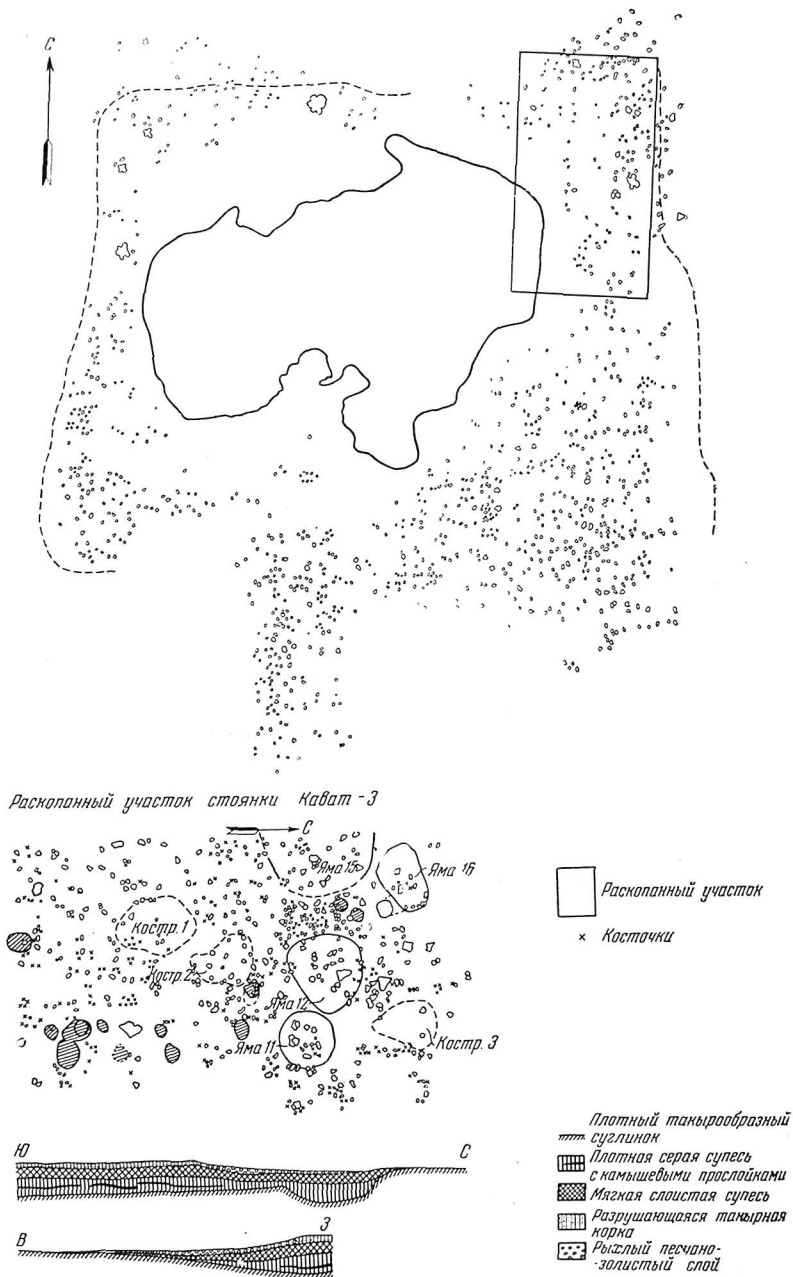

Рис. 8. План стоянки Кават-3.

тами разнообразной керамики¹⁷ и костями мелкого и крупного рогатого скота. На раскопанной части жилища обнаружено несколько кухонных очагов и столбовых ям (рис. 8).

Оба поселения почти синхронны; они датируются третьей четвертью II тыс. до н. э., предположительно XIV в. до н. э. Лишь некоторые признаки позволяют видеть в Кават-3 памятник несколько более поздний, поэтому есть основания полагать, что в обоих поселениях встретятся сходные варианты жилища. Очевидно, раскопки всех сохранившихся домов обоих поселений позволят окончательно решить вопрос о назначении своеобразного дома № 1, Ангка-5.

В 1955—1956 гг. во время работ археолого-топографического отряда было открыто несколько новых поселений последнего этапа первобытной истории Хорезма — амирабадской культуры. Среди них отметим обследованную А. В. Виноградовым в 1955 г. стоянку Уй-кала-1 и особенно обследованную в 1956 г. В. Н. Ягодиным стоянку Кават-2.

* * *

Исследование памятников античной эпохи Хорезма в зоне древнего Кельтеминара ознаменовалось открытием в 1955 г. в урочище Дингильдже поселения архаического периода, эпохи «городищ с жилыми стенами»; здесь в 1956 г. велись раскопки под руководством М. Г. Воробьевой¹⁸. Поселение синхронно с верхним слоем Кюзели-гыра и может быть датировано временем не позже середины V в. до н. э.

Это большое многокомнатное здание площадью свыше 2600 м² (53×50 м), подквадратное в плане. Планировка его хорошо прослеживается на такыре (рис. 9). Стены сохранились над полом на высоту от 5—10 до 50 см. Соответствующую толщину имеет и хорошо сохранившийся внутри помещений культурный слой. Здание окружает внешняя стена мощностью свыше двух метров. Вдоль северной стены идет внешний трехметровый коридор — возможно, пережиток внутренних коридоров «жилых стен». Перпендикулярно ему расположен внутренний коридор, делящий здание на две части, далекий прототип «далиса» современной народной архитектуры Хорезма. В здании выявлено 17 прямоугольных жилых, хозяйственных и производственных помещений различной величины, с разнообразными квадратными и прямоугольными выкладками из квадратных сырцовых кирпичей, типичных для сооружений верхнего слоя Кюзели-гыра размеров и пропорций (42—44×10—11 см)¹⁹. Вероятно, это очаги и суфы. Обильный материал, особенно керамика из трех раскопанных пока помещений, позволяет достаточно разносторонне охарактеризовать позднекюзелигырский комплекс, который мы еще недостаточно знали по сильно разрушенному верхнему слою Кюзели-гыра. Анализируя его, можно проследить появление при сохранении архаического облика большинства типов сосудов ряда форм, намечающих переход к классическим типам раннекангуйской керамики — хумчей с росписью, новых форм красноангобированных чаш и кувшиновидных сосудов и др.

М. Г. Воробьева, исследовавшая материалы из Дингильдже, справедливо отмечает близкие аналогии в керамике Южной Туркмении, особенно Древней Маргианы и, в меньшей степени, Анау-IV. Ей же удалось

¹⁷ См. статью М. А. Итиной в наст. сб., рис. 9.

¹⁸ Работы велись с 3 по 10 июля, в работе принимали участие науч. сотр. М. Г. Воробьева, коллекторы М. И. Земская и Е. И. Шумилов и двое рабочих-землекопов. Подробнее о раскопках этого памятника см. в статье М. Г. Воробьевой в наст. сб.

¹⁹ По материалам раскопок, проводившихся на поселении близ Дингильдже в 1959 г., там еще употреблялся и прямоугольный кирпич (52×45×12 см), по пропорциям приближающийся к квадратному.

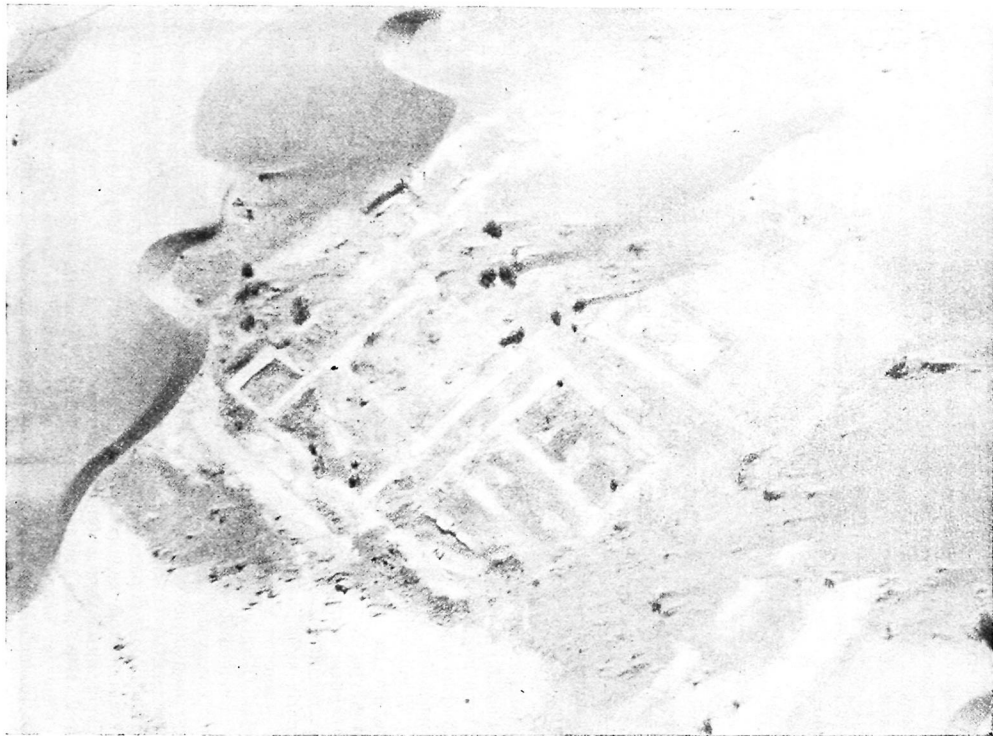

Рис. 9. Дом на поселении архаического периода близ Дингильдже.

Аэрофото

установить генетические связи ряда кюзели-гырских форм с материалом более ранних памятников Южной Туркмении — Намазга-VI и Анау-III²⁰. Здесь надо особо отметить вазообразные сосуды на высокой ножке, характерные в Хорезме только для Дингильдже и верхнего слоя Кюзели-гыра. Появление в слое V в. до н. э. в Хорезме этих, явно южных, форм заставляет поставить вопрос о пересмотре верхней даты Анау-III и Намазга-VI в сторону хронологического приближения их к датам наших памятников.

* * *

Новый интересный материал получен из продолжавшихся раскопок античного укрепления Кой-Крылган-кала (IV в. до н. э. — I в. н. э.)²¹, расположенного ниже по течению древнего Кельтеминара и явившегося в последние годы основным объектом стационарных работ непрерывно с 1954 г.²² Укрепление было центром обширной земледельческой округи; оно состоит из центрального, по-видимому, храмового назначения здания в виде огромной цилиндрической башни со сводчатыми помещениями внутри и внешней стены, идущей вокруг. Пространство между ними сплошь застроено лабиринтом жилых и хозяйственных помещений, в ко-

²⁰ См. статью М. Г. Воробьевой в наст. сб.

²¹ Раскопки велись под нашим руководством. Начальник западного раскопа М. Г. Воробьева, восточного — Ю. А. Рапопорт.

²² В 1954 г. Кой-Крылганский отряд работал с 18 июня по 1 октября в следующем составе: начальник экспедиции С. П. Толстов, зам. начальника Т. А. Жданко и Г. П. Снесарев, начальник западного раскопа М. Г. Воробьева, начальник восточного раскопа Ю. А. Рапопорт, начальник центрального раскопа О. А. Вишневская, научные сотрудники Н. Н. Вактурская, Е. Е. Неразик, С. А. Трудновская, науч. сотр. Респуб. Каракалпакского краеведческого музея С. Мадьяров, научно-технические сотрудники И. В. Пташникова, М. Ф. Грошева, Е. И. Шумилов, В. С. Козлов, архитектор М. С. Лапиров-Скобло, художник И. В. Савицкий, фотографы Г. А. Аргиропуло, В. Б. Ирицкий, Г. А. Павлиди, студенты-практиканты Б. И. Вайнберг, А. В. Гудкова, В. Казакбаева, Л. М. Левина, Е. Ю. Думашова, В. Н. Степина, Г. П. Чижова, В. А. Гуляев, Ю. М. Иоффе (МГУ), Ю. В. Стеблюк (Моск. архитек. ин-т), В. Н. Ягодин (Ивановский нед. ин-т), А. Сафонов (Моск. полиграфический ин-т), врач Г. Ф. Афоничев, моторист Э. И. Ленский, шоферы экспедиц. автобазы АН СССР Н. С. Горин, И. П. Волков, Ф. Г. Пехин, П. И. Бобков, К. С. Гузов и сорок рабочих-землекопов.

В 1955 г. отряд работал с 1 июня по 31 августа в следующем составе: начальник экспедиции С. П. Толстов, зам. начальника Т. А. Жданко и Г. П. Снесарев, начальник западного раскопа М. Г. Воробьева, начальник восточного раскопа Ю. А. Рапопорт, научные сотрудники Е. Е. Неразик, С. А. Трудновская, А. С. Амитров, архитектор М. С. Лапиров-Скобло, фотографы Г. А. Павлиди, Г. А. Аргиропуло, художник И. В. Савицкий, аспирант А. В. Виноградов, научно-технические сотрудники Р. Л. Садоков, А. В. Гудкова, В. Я. Гунина, М. Ф. Грошева, В. А. Лоховиц, В. Я. Ильин, Л. М. Левина, И. В. Пташникова, Е. И. Шумилов, Е. Я. Золотницкая, студенты-практиканты В. А. Башилов, А. Б. Чернов, В. Казакбаева (МГУ), В. С. Бельский (Моск. историко-архивный ин-т), М. Араляев и Г. К. Кулагина (Моск. полиграфический ин-т), электрик-моторист В. М. Григорьев, шоферы экспедиц. автобазы АН СССР Н. С. Горин, И. И. Кручинин, И. П. Волков, Н. В. Петунина.

В 1956 г. работы велись с 15 июля по 2 сентября отрядом в следующем составе: начальник экспедиции С. П. Толстов, зам. начальника Т. А. Жданко и Г. П. Снесарев, начальник западного раскопа М. Г. Воробьева, начальник восточного раскопа Ю. А. Рапопорт, научные сотрудники Н. Н. Вактурская, С. А. Трудновская, А. В. Гудкова (Респ. Каракалпакский краеведческий музей), научно-технические сотрудники Б. И. Вайнберг, Р. Л. Садоков, В. Ф. Белокопытова, В. А. Лоховиц, М. Ф. Грошева, М. И. Земская, Е. И. Шумилов, архитектор М. С. Лапиров-Скобло, фотографы Г. А. Павлиди и Г. А. Аргиропуло, художник И. В. Савицкий, аспирант А. В. Виноградов, студенты-практиканты Э. Н. Гутова, Г. А. Есенистова (МГУ), Н. В. Большакова, Л. Г. Гафт, А. Ф. Леонова (Моск. историко-архивный ин-т), М. Араляев (Моск. полиграфический ин-т), врач Р. П. Миф, шоферы экспедиц. автобазы АН СССР Н. С. Горин, Н. В. Петунина, И. П. Волков, И. И. Кручинин, И. Н. Иванова, П. П. Стефанцев, сорок рабочих-землекопов.

Сотрудниками отряда в составе науч. сотр. М. Г. Воробьевой, коллектора М. И. Земской, шофера К. С. Тузова и шести рабочих-землекопов велись также работы на керамических печах в районе Уй-калы с 10 по 15 июля и с 7 по 12 сентября; М. Г. Воробьева, М. И. Земская, Е. И. Шумилов и два рабочих-землекопа вели ра-

торых на протяжении ряда веков жили многочисленные рабы и слуги храмового хозяйства (рис. 10).

Сейчас раскопки близятся к концу. Вскрыто четыре строительных периода крепости, полностью представленных во внешнем кольце сооружений, что дает возможность разносторонне осветить историю культуры Хорезма классического кангуйского (IV—III вв. до н. э.) и позднекангуйского (II—I вв. до н. э. и I в. н. э.) периодов. Самый ранний из них характеризуется наиболее простой планировкой, когда центральное храмовое здание было окружено обширным кольцеобразным двором, обнесенным внешней круглой стеной, без башен и стрелковой галереи; прямо

Рис. 10. Кой-Крылган-кала

Аэрофото

со двора открываются узкие щели расположенных в шахматном порядке прямоугольных бойниц кюзели-гырского типа.

Вскоре внешняя стена перестраивается: возводится вторая стена, между ними строится стрелковая галерея с девятью башнями. В восточной части сооружается предвратный лабиринт весьма своеобразной формы; западная и юго-западная стороны начинают постепенно застраиваться помещениями преимущественно хозяйственными. Около середины II в. до н. э. происходит полная реконструкция внешнего кольца. У подножия центральной башни строится распределительный кольцевой коридор, двери из него ведут в отдельные секторы, содержащие каждый по шесть-семь комнат различного назначения. Секторы отделены друг от друга глухими радиальными стенами. Позднее, видимо, около начала нашей эры, происходит новая перепланировка, которая приводит к более тесной и еще более неправильной застройке.

Богато представлены материалы, характеризующие хозяйство, прикладное искусство, письменность, религию хорезмийцев. Интересны дан-

боту на архаическом поселении близ Дингильдже с 3 по 10 июля. В окрестностях Большого Кырк-Кыза и Уй-калы с 10 по 14 июля вел работу отряд в составе научного сотрудника Ю. А. Рапопорта, лаборанта В. А. Лоховица и шофера К. С. Тузова.

ные о начинающемся с середины II в. до н. э. в связи с движением степных племен процессе варваризации классической хорезмской культуры. Особенно интересны находки различной формы сероглиняных, сделанных без круга, но очень тонко обработанных черноангобированных лощеных сосудов с прочерченным геометрическим орнаментом, являющихся прототипом более поздней керамики Джеты-асара и имеющих много общего и с более ранней керамикой Северного Кавказа (рис. 11).

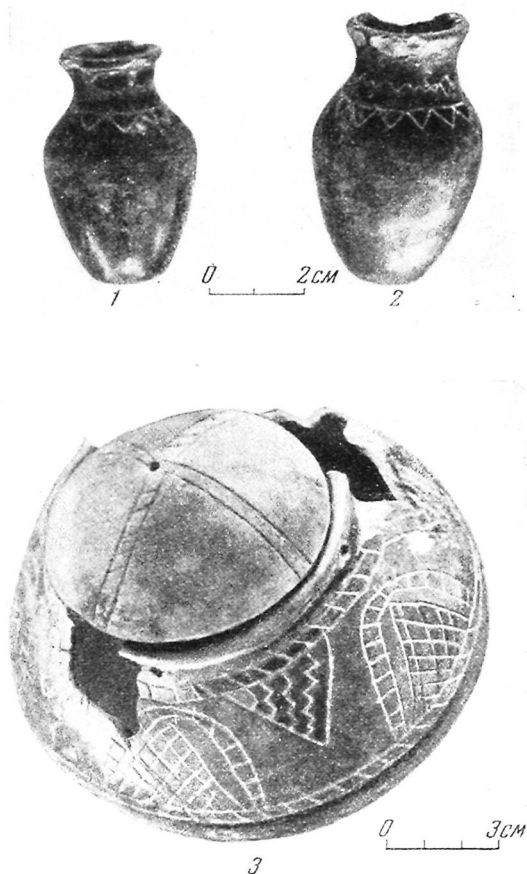

Рис. 11. Кой-Крылган-кала. Черноангобированные лощеные сосуды с прочерченным орнаментом

Не менее интересен сероглиняный ковш с кружковым орнаментом и прямой ручкой, заканчивающейся головой барана, и сделанная из этого же материала и с тем же орнаментом подставка под вертел, увенчанная протомами коней (рис. 12). Это широкое проникновение сарматских элементов сочетается с упрощением и огрубением классических форм ремесленной хорезмской хозяйственной керамики.

В 1955—1956 гг. в большинстве помещений внешнего кольца мы спустились до нижнего строительного горизонта, соответствующего времени постройки храма-крепости. Находки здесь оказались особенно обильны. Чрезвычайно интересны многочисленные произведения прикладного искусства — терракотовые статуэтки богини аму-дарьинских вод и плодородия земли Анахиты, богини-матери, кормицей младенца (рис. 13), статуэтки животных (особенно часты кони). Обнаружен гончарный рельеф,

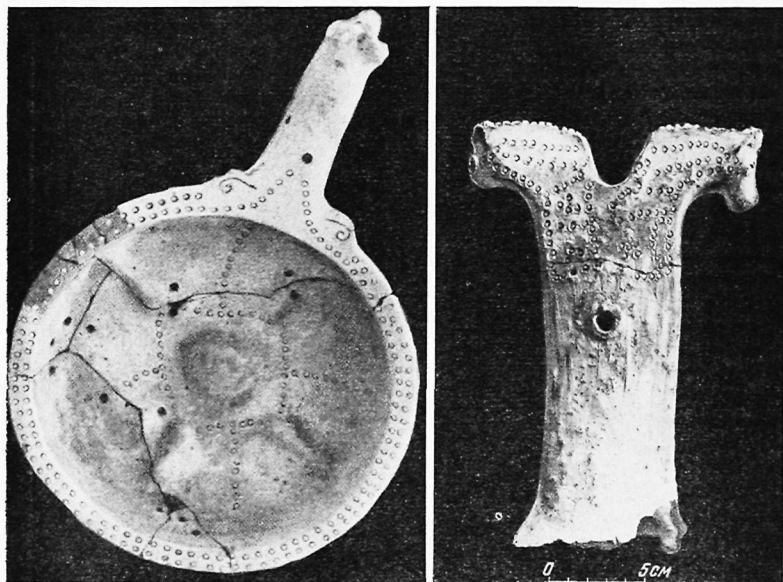

Рис. 12. Кой-Крылган-кала. Глиняные ковши и подставка под вертел

изображающий виноградаря — бородатого мужчину, несущего в одной руке виноградную гроздь, а за спиной флягу с вином, совершенно такого же типа, как большие, украшенные обычно рельефами фляги, в изобилии найденные на Кой-Крылган-кале; обломком такой фляги является и самый рельеф (рис. 14). В 1954 г. была найдена статуэтка бога виноделия, которого греки называли Дионисом и который изображен с садовым ножом в одной руке и с виноградной кистью в другой. Все эти находки вместе с многочисленными планировками виноградников, открытых экспедицией в 1955 г., свидетельствуют о высокой степени развития виноградарства в древнем Хорезме.

Среди предметов искусства отметим интересную находку 1956 г.: части изображения лица — нос и губы. Это, видимо, фрагмент крупного керамического статуарного оссуария, отличающегося от ранее найденного исключительно высоким качеством и художественными достоинствами (рис. 15).

Интересна находка нескольких фрагментов стеной росписи в южном секторе внешнего кольца. Роспись многоцветная, изображены две человеческие фигуры, причем в одной из них можно узнать лучника. Слой, в котором обнаружены эти фрагменты, предположительно датируется I в. н. э. Следовательно, миниатюрные росписи Кой-Крылган-калы — пока наиболее древний образец хорезмской античной живописи.

Заслуживают внимания несколько вновь найденных древних надписей, среди которых прочерченное под венчиком хума слово; первый знак раннеарамейский *лям* — знак, в более поздних хорезмийских текстах встречающийся только в арамейских идеограммах, второй — *ze* или *vav*, третий *resh* или *kaф*. Другая надпись — также из одного слова — процарапана

Рис. 13. Кой-Крылган-кала. Терраотовые статуэтки

на спинке архаической женской статуэтки. Надпись тушью — первый случай на керамике в Хорезме — обнаружена на плече хумчи, найденной во втором горизонте, в одном из помещений юго-западной части внешнего кольца.

Большая часть знаков хорошо читается, причем некоторые из них носят весьма архаический характер: (V?) P/BNT'SK, возможно — собственное имя от основы *Panta* — «путь».

Как мы уже не раз писали, наиболее вероятное первоначальное назначение памятника связано с погребальным культом и вместе с тем, возможно, и с астральным.

Видимо, центральное здание было большим погребальным сооружением, связанным с обрядом трупосожжения, на существование которого указывает находка в окрестностях Кой-Крылган-калы оссуария с остатками перегоревших костей. Возможно, памятником этого же ритуала является кангюйский «горизонт пожарица» в Калылы-гыре-1. Трупосожже-

ния в близком по времени Кызыл-Кыре (в Бухарском оазисе) отмечены и Я. Г. Гулямовым.

Мы с работающим сейчас над историей хорезмского погребального обряда Ю. А. Рапопортом приходим к выводу, что оссуарный обряд Хорезма, как и других районов его распространения, имеет сложную историю, являясь контаминацией обрядов трупосожжения и выбрасывания трупов на возвышенных местах²³. Некоторый намек на возможность существования

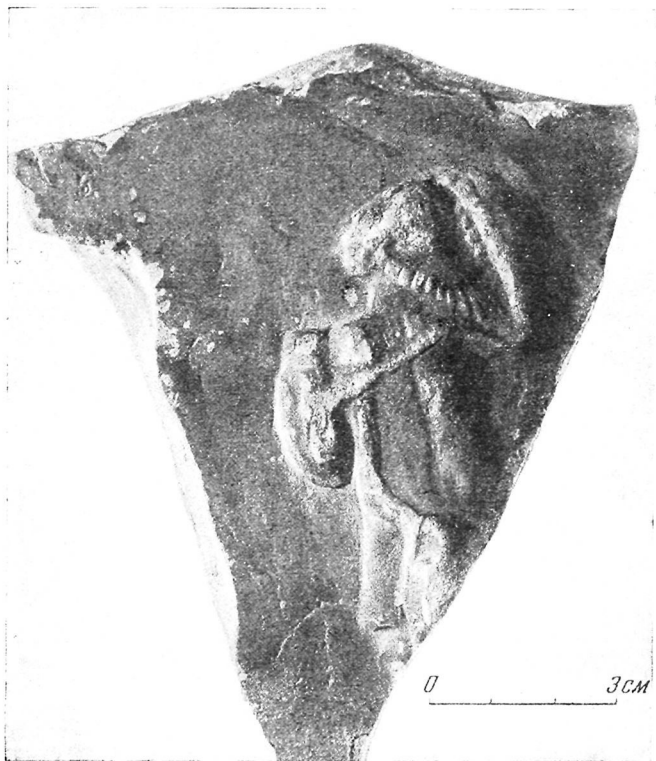

Рис. 14. Кой-Крылган-кала. Рельеф на глиняной фляге с изображением виноградаря

кремации параллельно с ингумацией еще в бронзовом веке Хорезма, в суярганской культуре, дают раскопки на суярганской стоянке Кокча-2, где ямы, по форме и размерам очень похожие на могильные ямы Кокча-3, оказались заполненными черным сажистым слоем с перегоревшими костями и немногочисленными фрагментами керамики.

С этим обрядом, видимо, связано возникновение хорезмийских статуарных оссуариев, неоднократно публиковавшихся нами и иногда паразитично напоминающих этрусские, что не раз подчеркивалось нашими

²³ См. также: С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 122—123.

итальянскими коллегами археологами-этрускологами во время наших встреч в Риме в 1956 г. Сходство объясняется, вероятно, общностью исходных форм и связанных с ними религиозных представлений. Исходный тип надо искать в «лицевых урнах» или урнах с погребальными масками. И те и другие зарегистрированы в архаическом и кангуйском Хорезме, в частности в районе Кой-Крылган-калы. Я имею в виду опубликованную нами в 1953 г. керамическую погребальную маску и найденный позднее оссуарный сосуд, относящийся ко времени верхнего слоя Кюзели-гыра и Дингильдже; на поверхности сосуда выгравированы детали человеческой одежды.

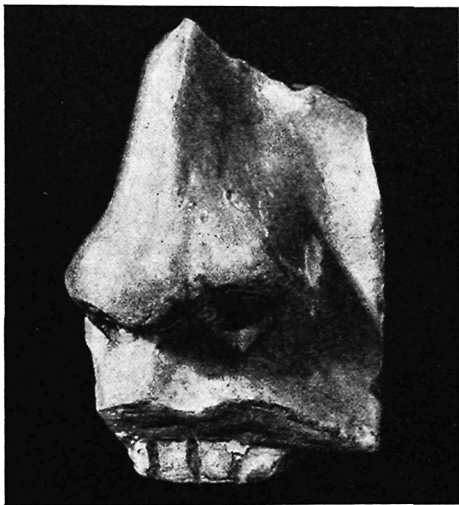

Рис. 15. Кой-Крылган-кала. Фрагмент статуарного оссуария

В 1956 г. наша коллекция статуарных оссуариев обогатилась еще двумя интересными предметами — оссуариями в виде всадника (рис. 16), обнаруженными в зоне древнего Тазабэгъяба (Кырк-Кызский капал). Один из них представлен только фрагментом головы лошади. Эта находка позволила определить происходящую из района Кой-Крылган-калы верхнюю часть мужской фигуры, несомненно представляющую крышку оссуария в виде всадника.

Центральное здание, построенное как погребальное, «Дом мертвых», было сожжено вместе с трупом знатного покойника — князя, а может быть, и хорезмского царя. Пепел умершего и, вероятно, сопровождающих его в загробный мир лиц был извлечен из пожара и помещен в оссуариях, возможно, сделанных из ценных материалов, а пепел трупосожженных слуг или позднее погребенных лиц собран в керамических оссуариях, обломки которых в изобилии находятся на Кой-Крылган-кале и в окрестностях.

Ценные оссуарии, как и другие ценные предметы, были унесены при разграблении храма на рубеже I и II вв. н. э.

В период своего существования погребальный храм стал центром крупного храмового хозяйства и обстроился многочисленными, теснившимися

внутри внешнего кольца помещениями и жилищами жрецов, слуг и рабов. Изучение истории застройки показывает, что количество жившего вокруг храма обслуживающего персонала все время увеличивалось.

Весьма вероятно, что Кой-Крылган-кала сочетал в себе функции погребального храма с функциями центра астрального культа и астрономических наблюдений. Характер планировки центрального здания и внешнего кольца во многом повторяет рисунок явно астрального характера на керамическом диске (крышке сосуда), найденном в 1955 г. здесь же на Кой-Крылган-кале. Весьма возможно, что пять своеобразных уникальных по

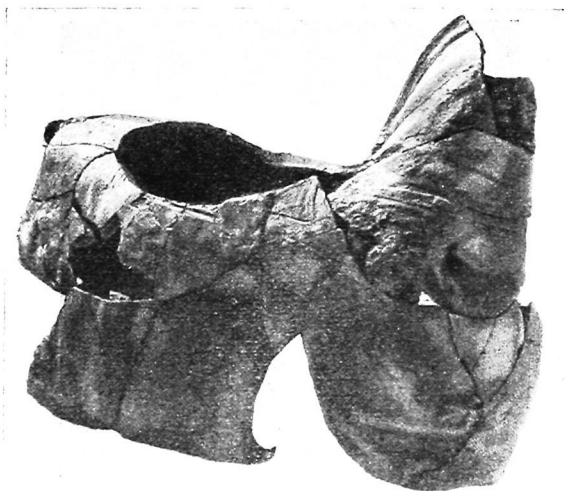

Рис. 16. Керамический оссуарий в виде лошади

конструкции окоп нижнего этажа центрального здания служили для астрономических наблюдений.

Жизнь храма обрывается внезапно и не возобновляется. Дата этого события совпадает с датой вхождения Хорезма в систему Кушанской империи. Нам представляется вполне вероятным, что это связано и с перерывом (начиная с времен Канишки) чеканки хорезмских монет, возобновившейся лишь в III в., и с возможной борьбой буддийской империи с древним государственным, в частности династическим, культом Хорезма.

В период стационарных работ на Кой-Крылган-кале научными сотрудниками экспедиции Ю. А. Рапопортом и Г. П. Снесаревым с двумя рабочими проведены разведочные раскопки на оссуарном могильнике на возвышенности Куба-тау. Работы велись 26—28 июня 1954 г., а позднее, для сборов материала к той же теме (история погребального обряда Хорезма), был проведен небольшой маршрут на городище Айбугир, где выявлен ряд оссуарных захоронений²⁴.

²⁴ Отряд работал с 24 по 27 октября в следующем составе: начальник отряда Ю. А. Рапопорт, научн. сотр. О. А. Вишневская, художник И. В. Савицкий, шофер экспедиц. автобазы АН СССР К. С. Тузов и двое рабочих-землеков.

В зоне вновь освоенных земель Кырк-Кызского канала, проведенного вдоль древнего Беркут-калинского, отрядом во главе с Е. Е. Неразик велась в 1954—1955 гг. раскопки важнейшего укрепленного поселения этого района афригидской крепости Беркут-кала²⁵, прекратившей свое существование в эпоху арабского завоевания, в VIII в. н. э. Это — небольшой городок, выросший у стен крупного раннефеодального замка, центр обширной раннесредневековой округи, от которой поныне сохранились более сотни укрепленных замков, прекрасных памятников истории зодчества Средней Азии накануне арабского завоевания. Раскопки выявили, что крепость Беркут-кала построена на месте большого укрепления позднеантичной эпохи. Одна из башен этого укрепления, скрытая в недрах холма, обнаружена и расчищена экспедицией.

В 1956 г. отряд вел раскопки ряда небольших замков (№ 18, 19, 30, 59, 92, 115), которые также обогатили наши представления об истории афригидского населения этой зоны, вновь освоенной после запустения в IV—V вв. и на рубеже VI в. н. э.²⁶

Отряд, возглавляемый Н. Н. Вактурской²⁷, вел в 1956 г. раскопки средневекового памятника Кават-кала XII — начала XIII в., эпохи Великих Хорезмшахов, в низовьях Гавхорэ (продолжение современного канала Амрабад). Удалось установить, что это не маленький город, как мы раньше предполагали, а крупный замок, резко отличавшийся от остальных замков оазиса Кават-калы. Открыты богатые помещения, залы с колоннами и резными дверями. Находки монет подтвердили первоначально установленную дату гибели замка и оазиса в результате нашествия монголов.

Параллельно с работами на Кават-кале О. А. Вишневская вела в ее окрестностях раскопки крупной усадьбы, которая оказалась культовым сооружением типа ханаки.

Археолого-топографический отряд Б. В. Андрианова, кроме вышеупомянутых работ, вел сплошное обследование зоны древнего Кырк-Кызского канала (1955 г.) и Гавхорэ (1956 г.)²⁸. Сейчас съемка детальной архео-

²⁵ В 1954 г. Беркут-калинский отряд работал с 1 по 24 сентября в следующем составе: начальник отряда Е. Е. Неразик, студент-практикант Б. И. Вайнберг и от 4 до 6 рабочих-землекопов.

В 1955 г. отряд работал с 5 августа по 1 октября в следующем составе: начальник отряда Е. Е. Неразик, архитектор Д. С. Витухин, науч. сотр. В. П. Ягодин (Республика Каракалпакский краеведческий музей), научно-технические сотрудники В. Ф. Белокопытова, Н. П. Лобачева и В. А. Лоховиц, студенты-практиканты В. А. Башилов и А. Б. Чернов (МГУ) и восемь рабочих-землекопов. Подробнее о работах отряда см. в статье Е. Е. Неразик в наст. сб.

²⁶ Отряд работал с 15 апреля по 15 июня в следующем составе: начальник отряда Е. Е. Неразик, научные сотрудники С. А. Трудновская, В. Н. Ягодин, А. В. Гудкова (Республика Каракалпакский краеведческий музей), научно-технические сотрудники Н. П. Лобачева и В. Д. Берестов, архитектор Г. С. Костин, фотограф Г. А. Аргиропуло, художник И. В. Савицкий, завхоз К. В. Колытина, шоферы экспедиц. автобазы АН СССР И. П. Волков, Н. В. Петуний, 12 рабочих-землекопов.

²⁷ Отряд работал с 21 августа по 20 сентября в следующем составе: начальник отряда Н. Н. Вактурская, научн. сотр. О. А. Вишневская, научные сотрудники Республики Каракалпакского краеведческого музея В. Н. Ягодин и А. В. Гудкова, научно-технические сотрудники Б. И. Вайнберг, Р. Л. Садоков, М. И. Земская, М. Ф. Грошова, архитектор Ю. В. Стеблюк (Моск. архитек. ин-т), фотограф Г. А. Аргиропуло, художник И. В. Савицкий, студенты-практиканты Э. Н. Гутова, Г. А. Ечеистова, аспирант А. В. Виноградов, 18 рабочих-землекопов. Сотрудники отряда вели работы на первобытных стоянках: В. Н. Ягодин на стоянке Кават-2, А. В. Виноградов на стоянке Кават-3. Подробнее о работах на Кават-кале см. статью Н. Н. Вактурской и О. А. Вишневской в наст. сб.

²⁸ В 1955 г. отряд работал с 16 июля по 28 сентября в следующем составе: начальник отряда Б. В. Андрианов, студент-практикант Л. П. Новоселова (МГУ), лаборант М. П. Мельникова, шофер экспедиц. автобазы К. С. Тузов и один рабочий. В 1956 г. отряд работал с 30 июля по 19 октября в следующем составе: начальник отряда Б. В. Андрианов, студенты-практиканты А. А. Юфина, И. А. Якушева (МГУ),

логической и историко-ирригационной карты зоны Южной Акча-Дарьинской дельты, «земель древнего орошения» Турткульского и Бирунийского (б. Шаббазский) районов Каракалпакской АССР в основном закончена. В ближайшем будущем предстоит обследовать некоторые неясные места в зоне всех трех больших древних каналов и приступить к подготовке крупномасштабной археолого-ирригационной карты и объяснительного текста к ней.

* * *

На левом берегу Аму-Дарьи главным объектом работ 1954 г. было городище Кюзели-гыр²⁹, где раскопки велись одновременно на четырех участках, в зонах раскопов 1953 г. и на территории отмеченного еще в 1939 г. «гончарного квартала».

Изучалась оборонительная система крепости, причем обнаружено, что в северной части, где лучше всего сохранился участок городской стены, эта мощная стена (современная высота ее 3,5 м) не использовалась в древности, а сразу после постройки была засыпана илом и превращена в цоколь, на котором сооружена новая, не дошедшая до наших дней стена. Засыпанная часть хорошо сохранилась; полностью уцелели бойницы прямоугольной формы, выложенные в пахсе в шахматном порядке в одном этаже стрельковой галереи, что давало возможность стрелку пользоваться бойницами двух ярусов. Конструкция стены сильно отличается от подобных сооружений кангуйской эпохи, обычно сложенных из сырцовых кирпичей и характеризующихся стреловидными бойницами, расположенными в двух этажах галереи.

В районе восточной стены вскрыта крупная железоделательная мастерская, датируемая VI—V в. до н. э., а в центральной части городища велась расчистка большого, площадью 285 м², зала «кремля» Кюзели-гыра, причем выявились резкие различия между узкими и тесными жилищами «жилых стен» и большими, правильно спланированными помещениями центральной части, хотя археологические материалы и там и тут были одинаковы.

Гончарный квартал относится к более позднему времени. Он возник в кангуйский период на уже заброшенном городище. Здесь было расчи-

---

шофер экспедиц. автобазы АН СССР К. С. Тузов, двое рабочих. Во второй период работ в октябре в работе отряда принимал участие мл. науч. сотр. Ин-та географии АН СССР К. Н. Аргасова. См. также ст. Б. В. Андрианова в наст. сб.

²⁹ См. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 77—82; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 93—109; его же. Городища с жилыми стенами. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 3; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1950 г. СЭ, 1953, № 18, стр. 301—325; его же. Археологические памятники на трассе Главного туркменского канала. «Вестник АН СССР», 1952, № 4, стр. 46—58; его же. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР за 1951—1953 гг. Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов, стр. 41; его же. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1951—1954 гг. «Вопросы истории», 1955, № 3; его же. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. «Советское востоковедение», 1955, № 6, стр. 104—106; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., «Труды ХЭ», т. II, М., 1958, стр. 143, слл.

В 1954 г. работы велись с 2 по 22 октября под руководством С. П. Толстова; отряд работал в следующем составе: научные сотрудники Т. А. Жданко, Г. П. Снесарев, Н. Н. Вактурская, О. А. Вишневская, М. Г. Воробьева, Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская, научн. сотр. Ин-та истории и археологии АН Туркм. ССР аспирант Д. Д. Дурдыев, научно-технические сотрудники Е. И. Шумилов и В. С. Козлов, студент-практикант Л. М. Левина (МГУ), архитектор М. С. Лапинов-Скобло, фотограф Г. А. Павлиди, художник И. В. Савицкий, врач К. Ф. Афоничев, электрикомоторист Э. Н. Лепский, шоферы экспедиц. автобазы АН СССР Н. С. Горин, И. И. Бобков, И. П. Волков, К. С. Тузов, Ф. Г. Пехин и 26 рабочих-землеков.

чено около 650 м², обнаружено восемь гончарных обжигательных печей различной сохранности, остатки производственного помещения — мастерской гончара, ямы, заполненные выжженным гипсом, несколько мест выброса бракованных изделий.

Отметим в связи с этим, что в том же 1954 г. проводились рекогносцировочные раскопки на правобережном городище Базар-кала³⁰, где одним из объектов был также гончарный квартал, на территории которого вскрыты четыре обжигательные печи кушанского времени. Собранные материалы и полученные при исследовании в 1953 г. двух гончарных горлов на городище Калалы-гыр-1 (использованные затем как дахмы — «башни молчания») данные позволили выяснить многие стороны техники керамического производства и проследить некоторые этапы ее развития в античном Хорезме³¹.

Основное внимание экспедиции в 1955 г. при работах на левобережье Аму-Дарьи было уделено античной крепости Канга-кала³², расположенной на восточном склоне возвышенности Канга-гыр (рис. 17), вдоль которой тянется самое южное из русел Присарыкамьшской дельты — Канга-Дарья. Параллельно с раскопками велось исследование базирующейся на этом русле ирригационной античной системы, заинтересовавшей нас во время маршрута 1954 г.³³

Канга-кала — крайний юго-восточный форпост античного Хорезма — расположена в непосредственном соседстве с Сарыкамьшским озером. Исследование показало, что крепость существовала на протяжении почти тысячелетия: от середины I тыс. до н. э. — до IV в. н. э. Правда, раскопки 1955 г. дошли только до так называемого раннекангойского слоя, датированного IV—III вв. до н. э., но находки в осыпях сооружения многочисленных бронзовых скифских стрел VI—V вв. до н. э. и керамики того же времени на примыкающих полях позволяют с уверенностью говорить, что крепость построена не позднее V в. до н. э., и можно не сомневаться, что при дальнейшем углублении раскопок будет вскрыт слой, относящийся к архаической хорезмской культуре. Крепость перестала существовать в результате большой военной катастрофы. Верхний слой повсюду содержит следы пожара, а близ восточного угла крепости со стороны Канга-

³⁰ В 1954 г. разведочные работы на Базар-кале с 22 по 26 сентября проводились отрядом в следующем составе: начальник С. П. Толстов, научные сотрудники М. Г. Воробьева, О. А. Вишневецкая, М. А. Итина, Ю. А. Рапопорт, Д. Дурдыев, научно-технические сотрудники В. С. Козлов и И. В. Пташников, архитекторы М. С. Лапиров-Скобло, Ю. В. Стеблюк (Моск. архит. ин-т), фотограф Г. А. Павлиди, врач Г. Ф. Афоничев, шоферы экспедиц. автобазы АН СССР К. С. Тузов, И. И. Бобков, И. П. Волков, семь рабочих-землекопов.

³¹ М. Г. Воробьева. Гончарные печи античного Хорезма. КСИЭ, XXVI 1957, стр. 113—121.

³² Отряд работал с 25 октября по 1 ноября под руководством С. П. Толстова и в состав отряда входили: науч. сотр. Т. А. Жданко, геоморфолог А. С. Кесь (Ин-т географии АН СССР), М. А. Итина, Н. Н. Вактурская, В. Н. Ягодин (Респуб. Каракалпакский краеведческий музей), архитектор М. С. Лапиров-Скобло, фотограф Г. А. Павлиди, научно-технические сотрудники Р. Л. Садоков, В. А. Лоховиц, Е. И. Шумилов, шоферы экспедиц. автобазы АН СССР Н. С. Горин, И. П. Волков, Ф. Г. Пехин, В. Мошкин и семь рабочих-землекопов.

См. С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. «Труды ХЭ», т. II, стр. 70—73.

³³ Маршрут продолжался с 15 до 29 октября под руководством С. П. Толстова, в маршруте участвовали науч. сотруд. Т. А. Жданко, геоморфолог А. С. Кесь (Ин-т географии АН СССР), Н. Н. Вактурская, архитектор М. С. Лапиров-Скобло, коллекторы А. Т. Ларичев (Ин-т географии АН СССР) и Е. И. Шумилов, фотограф Г. А. Павлиди, врач Г. Ф. Афоничев, шоферы экспедиц. автобазы АН СССР Н. С. Горин, Н. Ф. Дрожжин, И. П. Волков, И. И. Бобков и шесть рабочих-землекопов. В авиа-разведках участвовали пилоты В. А. Пучков и К. С. Головин и бортмеханик Н. А. Прокушкин.

См. С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. «Советское востоковедение», 1955, № 6, стр. 106—108.

Дарьи сохранились следы огромного пролома в стене, в результате которого, видимо, крепость и была взята.

Очень интересны найденные еще во время разведочных раскопок 1953 г. в одной из комнат, относящихся к этому слою, многочисленные погребения. Определенный антропологами физический тип похороненных людей оказался своеобразным, резко отличным от обычного древнехорезмского, хорошо известного по большому могильнику в крепости Калалыгыр-1, расположенной в нескольких десятках километров к северо-востоку

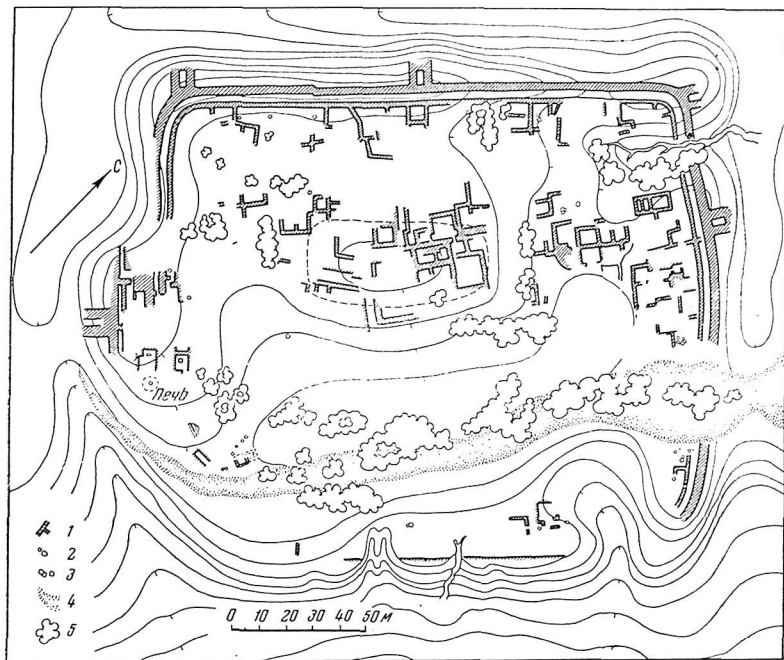

Рис. 17. Канга-кала. План

1 — выходы стен; 2 — хумы; 3 — плиты (известняк); 4 — песчаная гряда; 5 — кустарник

от Канга-калы. Если тип калалыгырцев очень близок к типу современных хорезмских узбеков, то тип кангакалинцев больше всего напоминает современных туркмен. По всем данным эти погребения принадлежали кочевникам-хионитам, именно в IV в. появляющимся на северо-восточных границах сасанидско-иранского государства³⁴. Видимо, с сасанидско-хионистскими войнами и связана гибель Канга-калы.

Канга-калинская ирригация представляет огромный интерес. Анализ ее топографии свидетельствует, что орошенная территория не раз меняла очертания в связи с процессом затухания северных протоков Канга-Дарьи, которыми она питалась. Эти протоки образовывали своего рода маленькие дельты, не доходившие до Сарыкамышы и разбивавшиеся на ирригацию. Результаты наших работ подтвердили сделанные ранее выводы, что в античный период продолжали действовать все основные протоки ле-

³⁴ Т. А. Трофимова. Материалы по палео-антропологии Хорезма и сопредельных областей. «Труды ХЭ», т. II, стр. 679, примеч. 3.

вобережной Присарыкамышской дельты, в противоположность тому, что было установлено в отношении протоков правобережной Акча-Дарьинской дельты. Этот же факт подтвердили работы Дарьялькского отряда экспедиции, открывшего в 1955 г. несколько новых античных городищ. Топонимика района Канга-калы (Канга-Дарья, Канга-гыр) представляет большой интерес для окончательного решения остающегося еще спорным вопроса о локализации Кангхского царства (Кангюя) иранских и китайских источников.

* * *

В 1956 г. проведены раскопки трех крепостей, расположенных на еще более отдаленной периферии Хорезма; Игды-калы на Среднем Узбое (начало IV в. н. э.), Барак-тама в Нижней, Северной дельте Акча-Дарьи

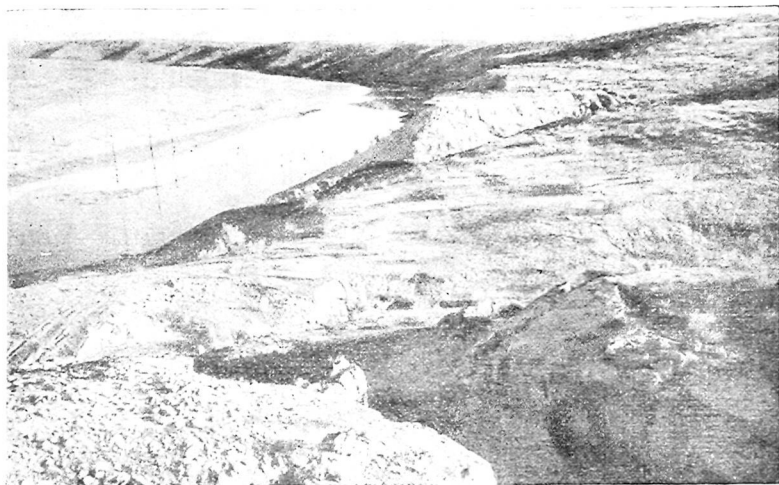

Рис. 18. Узбой близ крепости Игды-калы

(начало IV—V вв. н. э.) и крепости и оссуарного могильника Куюк-калы близ гор Кушкана-тау (V—VIII вв. н. э.). Эти памятники оставлены окружающими Хорезм хионито-эфталитскими и раннетюркскими племенами. Полученные материалы, важные для характеристики хозяйства и культуры этих племен, кроме того, с новой стороны освещают генезис раннесредневековой афригидской культуры Хорезма. Происхождение афригидской керамики и особенностей архитектуры может быть понято только с учетом роли в их формировании степных, хионито-эфталитских элементов.

Игды-кала открыта во время рекогносцировочного маршрута Узбойским отрядом нашей экспедиции (руководитель М. А. Итина) в 1954 г.³⁵ В 1956 г. мы провели на этом трудно доступном памятнике рекогносцировочные раскопки³⁶, подтвердившие правильность нашей датировки его временем хионито-сасанидских войн.

³⁵ Маршрут продолжался с 15 октября по 20 ноября отрядом в следующем составе: начальник отряда М. А. Итина, науч. сотр. Е. Е. Неразик, топограф Д. Т. Псел (Моск. ин-т инженеров геодезии и картографии), один рабочий и два верблюдовода. См. С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954 г., стр. 108—110.

³⁶ Работы велись с 8 по 19 сентября под руководством С. П. Толстова. Отряд работал в следующем составе: Т. А. Жданко, геоморфолог А. С. Кесъ (Ин-т геогра-

Эта безымянная до наших работ крепость, названная нами Игды-кала по имени ближайшей группы колодез, расположена на левом берегу Узбоя, который, прорываясь здесь через горную гряду, образует на протяжении примерно километра узкий каньон с вертикальными скалистыми обрывами высотой от 25 до 30 м (рис. 18). В этой поражающей своей дикой красотой местности на одной из скал и была воздвигнута крепость, неправильно трапецевидная в плане, с длинными стенами: 72,5 м южная, около 60 м северная, 45 м западная и около 60 м восточная (рис. 19).

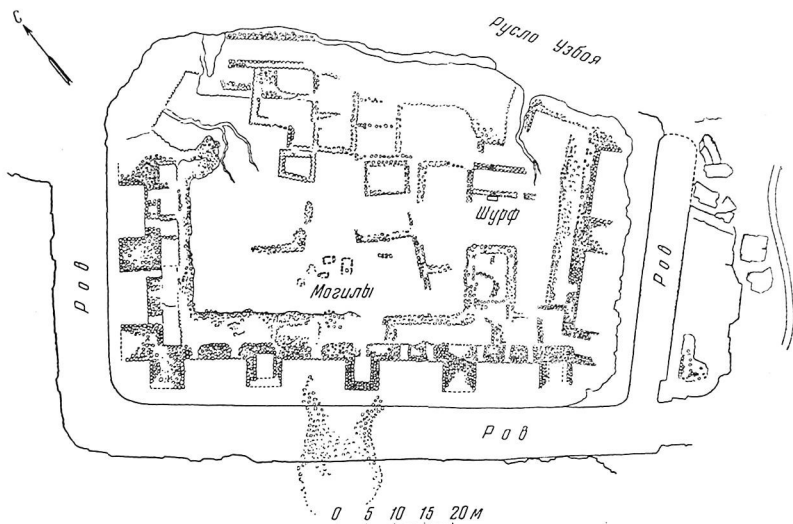

Рис. 19. Игды-кала. План

Одна из длинных стен сооружена прямо на обрыве, с трех остальных сторон крепость окружена высеченным в скале рвом. Сейчас стены превратились в бесформенный вал из плоских каменных плит. Однако раскопки показали, что крепость была обнесена вертикальной стеной мощностью около 2,5 м, сохранившейся до высоты 1,5 м и сложенной из известняковых плит различной величины в среднем $40 \times 40 \times 15$ см, т. е. приближающихся к размеру античного сырцового кирпичика. Плиты положены насухо, вперевязку. Вдоль стен расположены прямоугольные башни ($2 \times 2,5$ м) — пять на южной и по три на западной и восточной; на северной, воздвигнутой на обрыве Узбоя, башни не сохранились. Возможно, их не было вовсе. Угловые башни сомкнуты в виде ласточкина хвоста — как и на большинстве античных хорезмских крепостей. В стенах и башнях расположены узкие бойницы, вероятно, имевшие стреловидную форму, типичную для хорезмской античной военной архитектуры (верхняя часть бойниц, к сожалению, не сохранилась). Снаружи стены покрыты глиняной обмазкой, изнутри к ним примыкал коридор, напоминающий хорезмские стрелковые галереи. В целом крепость, построенная из не свойственного Хорезму материала — камня, во всех деталях повторяла принципы хорезм-

фии АН СССР), М. А. Итина, архитектор М. С. Лапиров-Скобло, фотограф Г. А. Павлиди, врач Р. П. Миф, студент-практикант О. В. Котовская (МГУ), шоферы экспедиц. автобазы АН СССР И. П. Волков, Н. С. Горин, П. П. Стефанцев, четверо рабочих-землекопов.

ской фортификации и строительного дела, а по внешнему виду благодаря обмазке ничем не отличалась от хорезмских позднеантичных укреплений.

Добытая при раскопках и собранная в осыпях керамика дает интересное сочетание ремесленной (хорасанской южно-туркменистанской) позднеантичной (IV в. н. э.) посуды (преимущественно хумы) и керамики варварской, близкой к известным уже формам, среди которых особо надо отметить крупные сосуды с кружковым орнаментом и хумы с пальцевыми

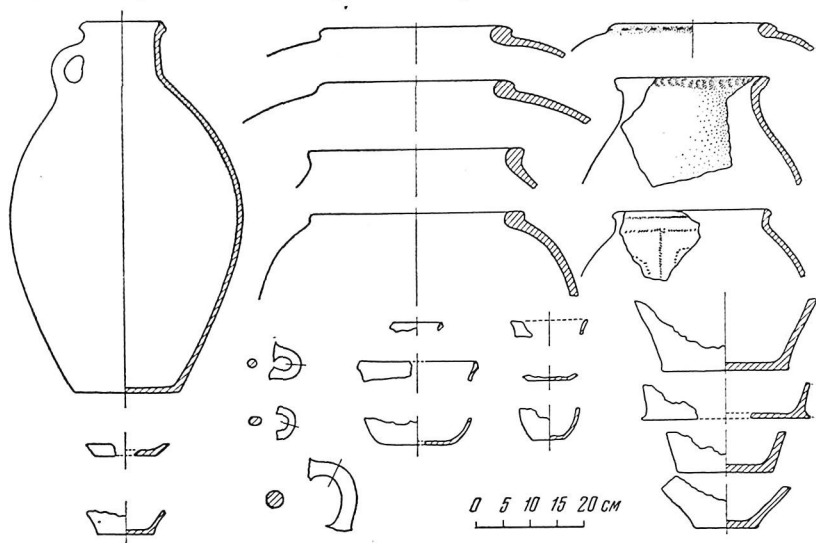

Рис. 20. Игды-кала. Керамика

давлениями по краю, известные в Хорезме как раннеафригидские, датируемые нами концом IV—V в. н. э. (рис. 20).

Анализ материалов раскопок позволяет предполагать, что перед нами укрепление, контролирующее Игдинский каньон Узбою и, по-видимому, воздвигнутое хионитами как важный узел обороны против сасанидских войск. Положение крепости подсказывает вывод, что в это время существовал водный путь из Хорасана в Хорезм, что связано с вероятным прорывом вод по Узбою на рубеже IV и V вв. Этот прорыв вполне вероятен в исторических условиях эпохи, когда крушение рабовладельческого строя принесло гибель античной системе орошения в Хорезме, что могло привести к возобновлению стока по старым руслам в Сарыкамыш, как это было после нашествия Чингисхана и Тимура.

* * *

Раскопки позднеантичного архитектурного памятника варварской периферии Хорезма — Барак-тама, открытого нами в 1945 г., также чрезвычайно интересны³⁷. Результаты этого обследования впервые изданы в I томе «Трудов Хорезмской экспедиции».

³⁷ Отряд работал с 28 сентября по 22 октября в следующем составе: начальник отряда Е. Е. Неразик, архитектор М. С. Лапиров-Скобло, архитектор Д. С. Витухин, фотограф Г. А. Аргироуло, науч. сотр. С. А. Трудновская, научно-техн. сотр. Р. Л. Садоков, старшие лаборанты В. Ф. Белокопытова и В. А. Лоховиц, коллекторы М. И. Земская и Ю. Ожевский (Ин-т географии АН СССР), шофер М. Г. Цепарский

Этот памятник, датируемый рубежом IV и V вв., был воздвигнут хионитско-эфталитскими полукочевыми племенами северо-восточных окраин Хорезма в качестве ставки одного из племенных вождей. Вокруг расположено большое поселение и поля, базирующиеся на одном из старых русел Нижней дельты Акча-Дарьи, подтопленных сыр-дарьинскими водами Жалы-Дарьи.

В поселении вокруг замка Барак-там-I варварская керамика сочетается с позднеантичной хорезмской, выделявавшейся на месте, по-видимому, рабами-хорезмийцами. Среди варварских форм надо назвать и протоафригидские хумы.

Двухэтажное здание замка со сводчатыми помещениями нижнего этажа (рис. 21) было также, по-видимому, построено рабами хорезмийцами. Но по своим формам оно отнюдь не во всем следует античным хорезмским традициям, и, как мы увидим ниже, отвечает бытовым и эстетическим запросам хозяев — хионитских вождей. Вместе с тем оно является несомненным прототипом афригидских замков.

Наиболее интересен парадный зал верхнего этажа размером $8,13 \times 7,23$ м, с огромными нишами и сплошной суфой по стенам, расширяющейся в центре стены, расположенной против входа³⁸. Суфы были устланы коврами, следы которых отпечатались на поверхности, а фрагменты ковра сохранились в примыкающем к залу помещении (рис. 22).

Это шерстяной ворсовый ковер; нити ворса окрашены растительными красками в синий, красный, розовый и золотистый цвета; центральное поле было заполнено изобразительной композицией, от которой сохранилась, к сожалению, лишь незначительная часть.

В центре зала находился своеобразный очаг — жертвенник в виде усеченной перевернутой пирамиды, выложенной из сырцового кирпича.

Чрезвычайно интересно перекрытие зала — две перекрещивающиеся мощные арки из двух рядов сырцового кирпича, поднимавшиеся значительно выше стен замка. Не сохранилось никаких следов плоского деревянного перекрытия. Это заставляет предполагать, что четыре угла зала перекрывались тканью или войлоком, унесенным, когда замок был покинут, что не сопровождалось никакой военной катастрофой.

В целом перед нами своеобразная юрта не с деревянным, а с сырцовым остовом, повторяющая, однако, основные черты кочевого жилища.

* * *

Третий объект раскопок — Куюк-кала, крепость V—VIII вв., стоит недалеко от моря, в центральной части низовьев современной дельты Аму-Дарьи на плоской возвышенности между двумя холмами, носщими название Куюк-кала-тау. Крепость обследована в 1956 г. Каракалпакским этнографическим отрядом под руководством Т. А. Жданко и в том же году была подвергнута раскопкам отрядом Е. Е. Неразик и Ю. А. Рапопорта³⁹.

Уже при первоначальном обследовании обратило на себя внимание сочетание в подъемном материале немногочисленных афригидских сосудов

14 рабочих-землекопов. Подробнее о работах 1956 г. на Барак-таме см. в статье Е. Е. Неразик и М. С. Лапирова-Скобло в наст. сб.

³⁸ См. рис. 7 в ст. Е. Е. Неразик и М. С. Лапирова-Скобло в наст. сб.

³⁹ Отряд работал с 8 по 22 сентября под руководством Ю. А. Рапопорта и Е. Е. Неразик в следующем составе: мл. науч. сотр. С. А. Трудновская, архитектор Д. С. Витухин, топограф Н. И. Игонин (Моск. ин-т инженеров геодезии и картографии), старшие лаборанты В. А. Лоховиц, В. Ф. Белокопытова, коллекторы Е. И. Шумилов, М. И. Земская, студент-практикант А. Ф. Леонова (Моск. историко-архивный ин-т), завхоз К. В. Коныгина, шофер экспедиц. автобазы АН СССР И. М. Стаханов, десять рабочих-землекопов. Подробнее о работе отряда см. ст. Е. Е. Неразик и Ю. А. Рапопорта в наст. сб.

Рис. 21. Барак-там-1. Общий вид

(преимущественно хумов и крупных кувшинов) с обильными находками керамики эфталито-тюркского облика, известной по «болотным городищам» Казалинска и верхнему слою джетысарских памятников.

Крепость плохо сохранилась. В большинстве случаев планировка не выражена в рельефе и прослеживается в виде рисунка, особенно хорошо видимого на поверхности бугра с самолета (рис. 23).

Городище площадью около 41 га имеет неправильные очертания, плохо сохранившиеся стены, сложенные из восьми-девяти рядов кирпичей, окружающие плоскую вершину бугра, следуя за ее естественными очертаниями. Внутри крепости расположены две прямоугольные цитадели, подходящие друг к другу под углом, — новая, рельеф которой хорошо прослеживается, и древняя, ближе к центру бугра, хорошо заметная с воздуха, но с трудом видимая на поверхности, так как в поздний период существования крепость была застроена почти целиком смытыми сейчас постройками.

И планировка, и материал крепости чрезвычайно близки к казалинским городищам, кстати сказать и называемыми так же (Куюк-кала и Кескен-куюк-кала).

Мы не можем в рамках статьи остановиться на характеристике результатов раскопок. Отметим лишь, что мощность сохранившегося культурного слоя городища равна 2,30 м, причем прослежены три строительных периода. Верхний слой датируется началом VIII в., а общая мощность слоев и сложная перестройка, как и пока еще недостаточный материал из нижнего слоя, позволяют предположительно датировать время постройки крепости V—VI вв. По планировке жилых построек верхнего горизонта крепость занимает промежуточное положение между постройками, вскрытыми в поздних слоях Джеты-Асара и афригидскими памятниками Хорезма. Большой интерес представляют две круглые кирпичные выкладки в западной части городища, вероятно остатки субстракций юрт.

Население городища занималось земледелием, скотоводством и ремеслами — открыты остатки железоделательных, меднолитейных и керамических мастерских.

Видимо, перед нами один из городов самостоятельного владения Кердер, независимого от Хорезма в эпоху арабского завоевания, население которого говорило на особом языке — «не хорезмийском и не тюркском»⁴⁰, вероятнее всего, на одном из эфталитских диалектов. Отметим, что в литературе не раз высказывалась гипотеза, отождествляющая имя Кердер с именем кидаритов — одного из объединенных хионито-эфталитских племен V в.

В итоге можно сказать что 1956 год ознаменовался значительным пополнением наших знаний об окружающих Хорезм «варварских» племенах на протяжении античного и раннесредневекового исторических периодов.

Исследования этнографических, особенно Каракалпакского⁴¹ (началь-

⁴⁰ МИТТ, т. I, 1939, стр. 431.

⁴¹ В 1954 г. отряд работал с 18 сентября по 7 октября в следующем составе: начальник отряда Т. А. Жданко, науч. сотр. Каракалпакского научно-иссл. ин-та экономики и культуры АН Узбекской ССР В. У. Шалекенов, науч. сотр. Респуб. Каракалпакского краеведческого музея С. Мадьяров, фотограф Г. А. Аргиропуло, архитектор Ю. В. Стеблюк (Моск. архитек. ин-т), художник И. В. Савицкий, шофер экспедиц. автобазы АН СССР Ф. Г. Пехин, один рабочий.

В 1956 г. отряд работал с 7 июля по 7 августа в следующем составе: начальник отряда Т. А. Жданко, художник И. В. Савицкий, фотограф Г. А. Аргиропуло, архитекторы Ю. В. Стеблюк и Г. С. Костиц, научно-технические сотрудники Б. И. Вайнберг и Н. П. Лобачева, научные сотрудники С. Мадьяров, С. Камалов (Каракалпакский комплексный научно-иссл. ин-т АН Узбекской ССР); студенты Каракалпакского пед. ин-та Х. Есбергенов, А. Гуреев, Т. Бегжанов, научные сотрудники Самаркандского музея Е. Е. Унфыл, Ю. Ю. Мухаммедиев, шоферы экспедиц. автобазы АН СССР Н. С. Горин и Н. В. Петунин.

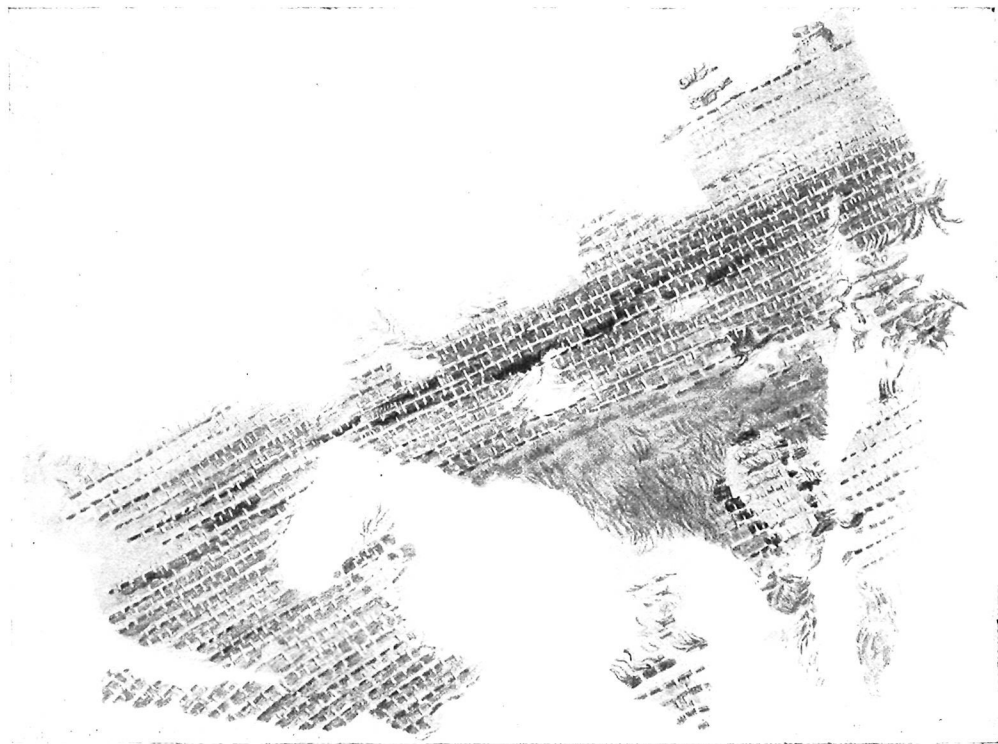

Рис. 22. Барақ-там-1. Фрагмент ковра

Рис. 23. Куюк-кала с воздуха

ник Т. А. Жданко) и Туркменского⁴² (начальник Г. П. Васильева), отрядов, работавших в тесном сотрудничестве с отрядами археологическими, дали богатый материал по более поздним периодам. Работы этнографов, археологов и топографов по изучению заброшенных поселений XVIII—XIX вв. на Дарьяльке и в урочище Уз позволили по-новому осветить ряд вопросов недалекого прошлого хорезмских туркмен⁴³, а исследование каракалпакских оросительных систем XVIII—начала XIX столетия в низовьях Жаны-Дарьи дало новый материал по истории каракалпакского народа.

Каракалпакский этнографический отряд в связи с большой актуальностью разработки проблемы патриархально-феодалных отношений у полуседлых народов в полевые сезоны 1954 и 1956 гг. основной задачей поставил изучение особенностей каракалпакской аульной (сельской) земельно-водной общины XIX — начала XX вв., сохранившей значительные пережитки древних патриархально-родовых традиций, в особенности в водопользовании, общественной жизни и семейно-бытовом укладе. Проведенное в 1956 г. подворно-посемейное анкетное этнографическое обследование ряда аулов выявило следы традиционного расселения членов аульной общины, отражающего деление общины на так называемые «коше» — группы близко родственных семей, происходящих от общего предка. «Коше» составляли в прошлом мельчайшие родовые подразделения каракалпаков, и, как показали работы отряда, именно стойкость этих мелких родственных групп в обстановке общего распада и разрушения общины в XX в. способствовала консервации архаических пережитков патриархально-родового быта, столь устойчивых в дореволюционной Каракалпакии⁴⁴.

Другой важной областью работы отряда было изучение народного прикладного искусства каракалпаков (узорного ткачества, ковроделия, вышивки, резьбы по дереву). Опыт историко-этнографического исследования орнамента, с привлечением археологического материала, показал глубокие связи каракалпаков с древнейшим населением Приаралья — северной периферии Хорезма и дал возможность протянуть нити этнических связей не только с частью народов Средней Азии (в первую очередь с так называ-

⁴² В 1954 г. отряд работал с 24 июня по 12 сентября в следующем составе: начальник отряда Г. П. Васильева, аспиранты Т. Аннаклычев и А. Джикиев (Ин-т этнографии АН СССР), художник Т. Н. Скородумова, фотограф Ю. А. Аргиропуло, шофер Я. Г. Пехин.

В 1955 г. отряд работал с 20 июля по 16 августа в следующем составе: начальник отряда Н. И. Вактурская, науч. сотр. Г. П. Васильева, мл. науч. сотр. аспирант А. Джикиев, топограф Н. И. Игонин (Моск. ин-т инженеров геологии и картографии), фотограф Г. А. Аргиропуло, архитектор А. Эсенов (Моск. архит. ин-т), художник С. Я. Лагутин, И. В. Савицкий, Л. И. Фалин, шофер экспедиц. автобазы АН СССР И. Н. Иванов, проводник, переводчик, один рабочий.

В 1956 г. отряд работал с 8 июня по 5 июля в следующем составе: начальник отряда Г. П. Васильева, научно-техн. сотр. Б. И. Вайнберг, фотограф Г. А. Аргиропуло, художник И. В. Савицкий, архитектор Г. С. Костин, шоферы экспедиц. автобазы АН СССР Н. С. Горин и Н. В. Петунин, переводчик, рабочий.

⁴³ См. Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Археолого-этнографическое исследование покинутых туркменских поселений XIX в. КСИЗ, XXVIII, 1957; Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в. «Изв. АН Туркм. ССР», 1957, № 2, а также научный отчет Г. П. Васильевой в настоящем сборнике и статью Б. И. Вайнберга К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме. СЭ, 1959, № 5, (в печати).

⁴⁴ См. Т. А. Жданко. Патриархально-феодалные отношения у полуседлого населения Средней Азии. «Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4—11 июня 1957 г.», Ташкент, 1958; е е же. Новые материалы по патриархальным пережиткам в земельно-водной общине народов Средней Азии. «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии 29 октября — 4 ноября 1956 г. в г. Сталинабаде». М.—Л., 1959, а также научный отчет Т. А. Жданко в настоящем сборнике

емыми аральскими узбеками, туркменами и казахами), но и с некоторыми народами Восточной Европы и Западной Сибири, в частности — с обскими уграми. Результаты этого раздела работ отряда публикуются в III томе «Трудов Хорезмской экспедиции» вместе с большим собранием образцов народного орнамента⁴⁵. Археологи и этнографы экспедиции активно включились в подготовку очерков истории каракалпакского народа.

Если прибавить сюда результаты исследований Южно-узбекского отряда, руководимого Г. П. Снесаревым⁴⁶, изучающего древние пережитки в религии современного населения южного Хорезма, в котором продолжали еще недавно жить, а частью живут и сейчас традиции древнехорезмского зороастризма, особенно четко прослеживаемые в погребальной обрядности и агиологии, то надо констатировать, что этнографические материалы позволят понять многое в религиозных памятниках древних хорезмских предков современных узбеков в Хорезме.

Сейчас наша экспедиция вплотную подходит к тому, чтобы скудные данные письменных источников по истории народов Хорезма, обогащенные археологическим и этнографическим материалами, послужили базой для создания богатой красками истории этих народов, в первую очередь истории трудящихся масс, подлинных создателей хорезмской культуры, трудовые подвиги которых, совершенные на протяжении тысячелетия, обуздали великие среднеазиатские реки и поставили их на службу человечеству.

---

⁴⁵ Т. А. Жданко. Народное орнаментальное искусство каракалпаков. «Труды ХЭ», т. III; ее же. Материалы и исследования по этнографии каракалпаков. М., 1958, стр. 373—410.

⁴⁶ В 1954 г. отряд работал с 24 августа по 10 сентября в следующем составе: начальник отряда Г. П. Снесарев, аспирант Б. И. Исмаилов (МГУ). В 1955—1956 гг. в работе отряда принимала участие научный сотрудник Г. Куртмуллаева, а в 1956 г. также — Н. П. Лобачева.

Н. Н. Вактурская

О ПОЕЗДКЕ В ЮЖНЫЕ КЫЗЫЛ-КУМЫ В 1955 г.

Весною 1955 г. по заданию Хорезмской экспедиции состоялась археологическая поездка в Южные Кызыл-Кумы. Она была предпринята совместно с географами¹, занимавшимися изучением древних русел междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, и велась по маршруту, указанному на прилагаемой схеме (рис. 1). В результате этой поездки были получены материалы, характеризующие отдельные этапы истории обследованного района.

Материальные памятники прошлого, открытые на территории Южных Кызыл-Кумов во время маршрута 1955 г., весьма разнообразны по своему характеру и принадлежат различным историческим эпохам. Древнейшие из них — изделия из камня и лепная орнаментированная керамика, относятся к отдаленным временам энеолита и бронзы. Эти ранние предметы довольно часто попадавшиеся при поисках в разрозненном виде, частью происходят со стоянок. Последних было открыто четыре: Андакуль, Сатыбалды, Лявлякан и Беш-Булак.

Стоянка Андакуль размещалась на южных скатах двух небольших холмов, находящихся на левых склонах Дарьясай, примерно в 150 км к западу от г. Нурата. Собранный на ней кремневый инвентарь, представлявший единственный вид происходящих отсюда находок, носит микролитный характер. Он состоит из нескольких обломков кремневых орудий, сделанных на ножевидных пластинах, ножевидных пластин без ретуши, нуклеуса и многочисленных сколов и отщепов, свидетельствующих о том, что поднятые на стоянке кремневые орудия изготовлялись здесь же на месте.

Другая стоянка — Сатыбалды — находится примерно в 45 км к востоку от Тамды. Она расположена среди редких песчаных гряд аллювиальной долины, в небольшой котловине выдувания. Тут наряду с кремневыми предметами, состоящими из обломков ножевидных пластин и разнообразных сколов, найдены металлические (бронзовые или медные) шлаки и два совсем маленьких обломочка лепных сосудов.

Значительно более богаты находками оказались стоянки Лявлякан и Беш-Булак. Первая из них расположена на северном берегу озера Лявлякан, примерно в 60 км к северо-западу от г. Нурата. Ее остатки были обнаружены в котловине, размером 20 × 25 при глубине 6—8 м, образовавшейся в результате развевания песков, лежащих вокруг озера высокими барханами. На поверхности выдува находились очажные камни, различные кремневые поделки и лепная орнаментированная керамика. В западной

¹ Руководитель А. С. Кесь (Ин-т географии АН СССР).

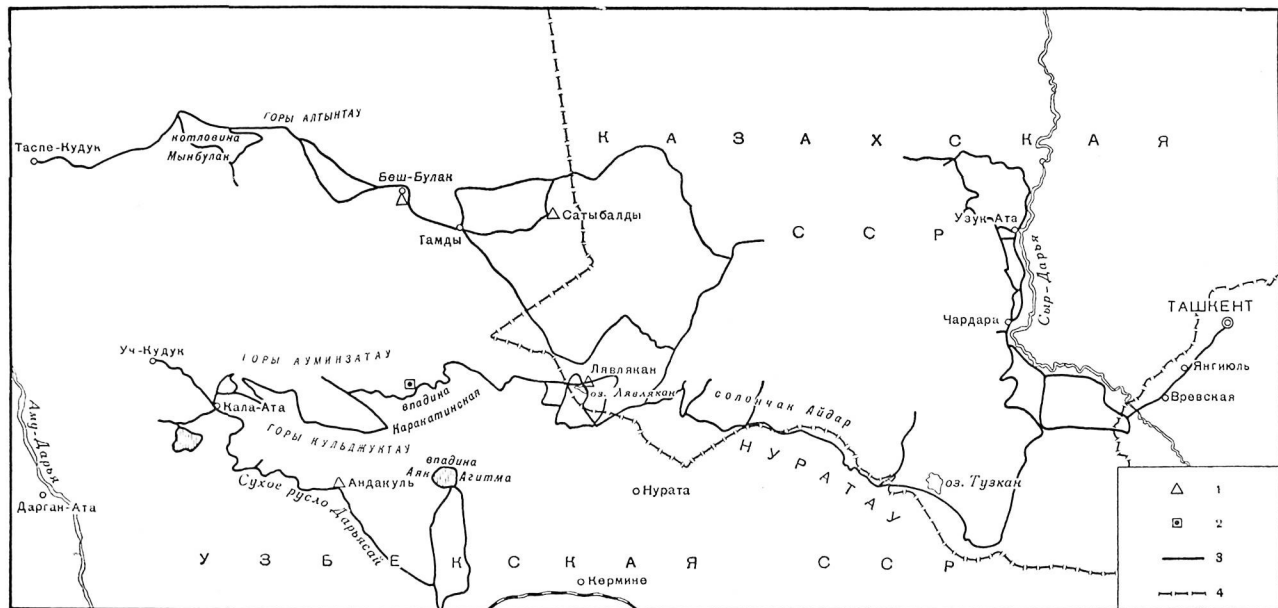

Рис. 1. Схема южно-кызылкумского маршрута

1—первобытные стоянки; 2—могильники; 3—линии маршрута; 4—граница между республиками

части котловины наряду с украшениями из стенок сосудов и раковин были обнаружены необработанные куски бирюзы; в северо-восточном ее конце лежала россыпь медных шлаков.

Кремневый инвентарь этой стоянки, как и двух первых, носит микролитовидный характер (рис. 2). Орудия почти целиком изготовлены на ножевидных пластинах. На стоянке собраны наконечники стрел двух видов — асимметричные одношпичные (рис. 2, 1—4), характерные для кельтеминарской культуры², и листовидные с двусторонней ретушью (рис. 2, 31). Концевые скребки (рис. 2, 21—27), которых собрано особенно много, что свидетельствует о широком применении их в быту населения стоянки, сделаны на широких плоских пластинах, за исключением одного, изготовленного на отщепе (рис. 2, 37). Некоторые из концевых скребков (2, 23—25) имели боковую ретушь. Проколки (рис. 2, 5—8, 15—20, 30) изготовлялись на длинных узких пластинах. Среди них встречаются клювовидные (рис. 2, 6, 17, 18), с коротким подтреугольным концом (рис. 2, 7, 8, 30) и так называемого срединного вида — с узким длинным рабочим краем (рис. 2, 16). Ножевидные пластины с выемками, предназначавшиеся для обработки древков копий и стрел, были двух видов: во-первых, с симметричными мелкими выемками на обеих боковых сторонах (рис. 2, 29) и, во-вторых, с выемками на одной из сторон (рис. 2, 12—14). Далее на стоянке Лявлякан были найдены вкладыши с притупленной спинкой (рис. 2, 9, 10), многочисленные и разнообразные ножевидные пластины с ретушью (рис. 2, 34, 35) и без нее, орудие на отщепе подтреугольной формы с ретушью на боковой стороне (рис. 2, 38), нуклеусы двух видов — призматические односторонние (кельтеминарского типа; рис. 2, 33) и конические со следами снятия пластин по всей боковой поверхности (рис. 2, 32) и множество разнообразных кремневых сколов и отщепов.

Керамика была лепная тонкостенная, отличавшаяся большой тщательностью выработки и богатством орнамента (рис. 3). Основные узоры орнамента — елочка, ромбы, зигзаги, треугольники из вертикальных или косых полос, наносившиеся на сосуд с помощью зубчатого штампа или путем прочерчивания; встречаются ногтевые и иного рода вдавления. По своей форме лявляканские сосуды близко напоминают кельтеминарские, хотя последние несколько крупнее. Они имеют слегка отогнутый наружу венчик с горизонтально плоским или скругленным бережком и слегка раздутый корпус с округло-заостренным дном. Отдельные обломки принадлежали плоскодонным сосудам.

Из украшений было найдено несколько дисков из стенок сосудов с круглым отверстием посредине (рис. 3, 8) и обломок подвески из раковины (рис. 2, 36).

Как видно из приведенного выше описания инвентаря стоянки Лявлякан, последняя относится к памятникам кельтеминарской культуры³. При этом время ее бытования определяется второй половиной III тыс. до н. э.

Стоянка Беш-Булак была открыта примерно в 35 км к западо-северо-западу от Тамды. Она начинается почти от самой Тамды-Турткульской дороги и тянется на запад на несколько сот метров. Расположена на бугре, сложенном из коренных красных глин, которые некогда перекрывал наносный желтый песок. С южной стороны к бугру примыкает такыр, вытянутый в широтном направлении. Стоянка, по-видимому, была расположена на песке, ныне почти совершенно развееянном. На современной поверхности бугра проявляются темные очажные пятна, вокруг которых и концентрируются в основном вещи — кремневые изделия и лепная керамика, оставленные обитателями стоянки. В восточной части стоянки найдено скопле-

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 63, рис. 3.

³ См. статью С. П. Толстова в настоящем сборнике; относительно дисков из стенок сосудов см. С. П. Толстов. Древний Хорезм, табл. 16.

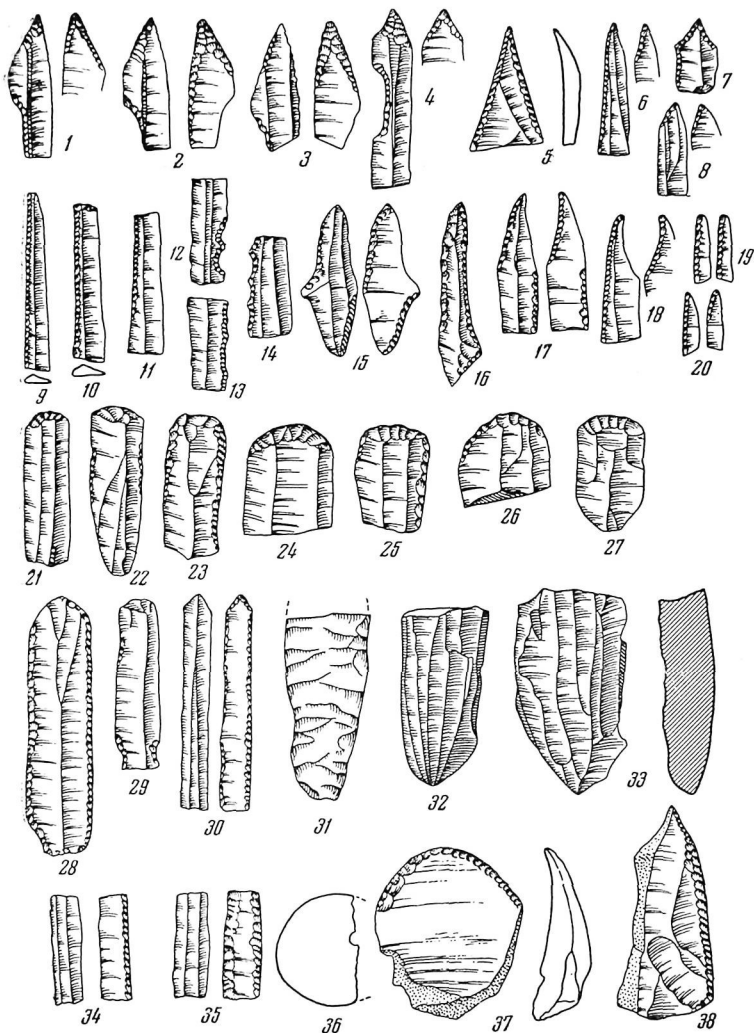

Рис. 2. Стоянка Левлякан:

1 — 35, 37, 38 — кремневые орудия; 36 — украшение из раковины

ние медной руды и медных шлаков. Там же были выявлены остатки производства бус в виде готовых и непросверленных бусин из бирюзы и темного камня с белыми прожилками и остатки многих необработанных кусочков этих служивших сырьем цветных минералов (рис. 4).

Многочисленный инвентарь, происходящий со стоянки Беш-Булак, состоит из предметов неоднородных как с точки зрения их типологии, так и хронологически. Изделия из камня распадаются на две группы. Одна из

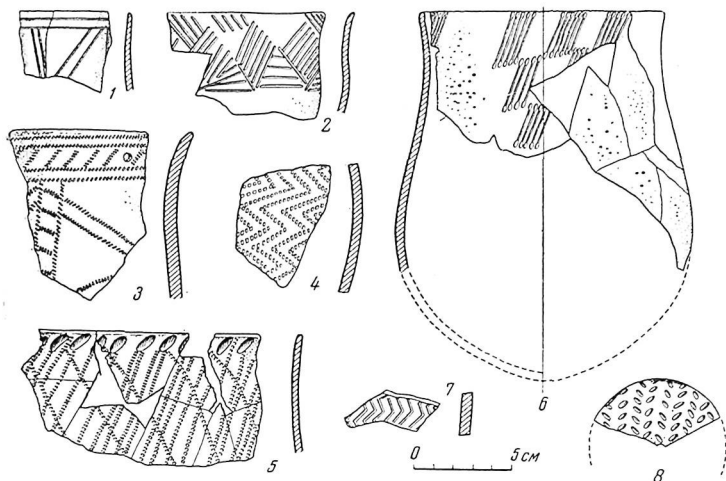

Рис. 3. Стоянка Левлякан. Керамика

них объединяет вещи микролитовидного вида (рис. 5, 1—19). В ней представлены наконечники стрел трех видов: 1) с тонкой двусторонней отжимной ретушью, различающиеся по форме на листовидные с выемчатым основанием (рис. 5, 5), какие встречаются на памятниках кельтеминарской культуры, и листовидные со скругленным или слегка уплощенным основанием (рис. 5, 3, 4), также встречающиеся в стоянках кельтеминарской культуры и сходные с найденными в Анау III, Джебеле⁴ и Усть-Нарыме, где они датируются второй половиной III тыс. до н. э.; 2) плоские наконечники стрел с обработкой по краю — миндалевидные (рис. 5, 1) или подтреугольной формы с плоским основанием, аналогичные найденным в Западном Казахстане⁵, и 3) асимметричные одношипные, кельтеминарного типа. Концевые скребки, сделанные на пожевидных пласти-

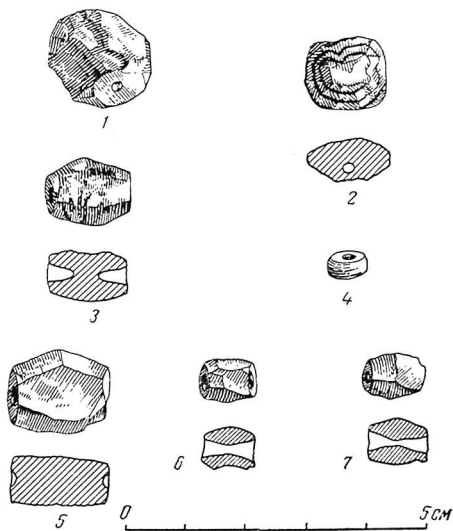

Рис. 4. Стоянка Беш-Булак. Бусы

⁴ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. «Труды ЮТАКЭ», т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 66 и 69, рис. 40, 1, 5.

⁵ И. В. Силицын. Археологические исследования в Западном Казахстане. «Труды Ин-та истории археологии и этнографии» АН Казахской ССР, т. 1, Алмата, 1956, стр. 88, табл. I, рис. 20.

нах или их обломках, были двух видов — на широких плоских пластинах (рис. 5, 6, 7) и с боковой регушью. Наряду с ними на стоянке были встречены скребки, изготовленные на отщепах (рис. 5, 18, 19). Среди проколов имеются клювовидные (рис. 5, 10), с коротким подтреугольным концом (рис. 5, 8) и срединного типа (рис. 5, 17). Из других микролитовидных изделий могут быть названы выемчатые пластины (рис. 5, 12—14) и пластины-вкладыши с притушенной спинкой и скошенным концом. Ножевидные пластины имели регушь, чаще нанесенную со стороны спинки. Были встречены также односторонние нуклеусы кельтеминарского вида (рис. 5, 26) и разнообразные с них сколы, в том числе поперечные.

Каменные изделия второй группы (рис. 5, 20—25) отличаются от вошедших в первую большими размерами и по материалу. Это в основном довольно крупные орудия на тонких пластинах из песчаника и сланца, имеющие овальную или округлую форму (рис. 5, 24). Рабочий край их, достигающий обычно почти $\frac{2}{3}$ общей длины периметра, был подтесан. Отдельные орудия (рис. 5, 23) имели двустороннюю обработку. Кроме указанных, сюда же относятся массивные листовидной формы наконечники копий и дротиков из кварцита (рис. 5, 21, 22). Они весьма напоминают наконечники, встречающиеся в энеолите Казахстана⁶. Укажем также крупное сверленное грузило и обломки двух зернотерок.

Керамика стоянки Беш-Булак, особенно многочисленная и разнообразная, подразделяется на несколько хронологических групп. Наиболее раннюю из них составляют тонкостенные лепные сосуды, украшенные елочкой, зигзагами, полосами косых насечек и вдавлениями, нанесенными на изделия простым линейным или зубчатым штампом (рис. 6 и рис. 7, 1, 3, 5). Кроме этих узоров на беш-булакских сосудах попадаются также оттиски качалки (рис. 7, 8), характерные для гончарных изделий энеолита Акча-Дарьи⁷, а также Западного Казахстана⁸, Приуралья и Оби. Один из сосудов был расписан (рис. 7, 6) — на найденном фрагменте видна дугообразная полоса желтоватого цвета, обращенная концами к краю сосуда. Форма у беш-булакских сосудов та же, что и у найденных на позднекельтеминарской стоянке Лявлякан. Дата — середина или вторая половина III тыс. до н. э.

Вторую хронологическую группу составили гончарные изделия эпохи бронзы. Эта посуда, представленная горшковидными сосудами, по своим формам, орнаментации и технике изготовления довольно разнообразна. По форме сосуды распределяются на 1) баночные с более или менее выпуклыми стенками, 2) с характерным перегибом в месте перехода плечиков в корпус и 3) с низкой слегка отогнутой шейкой, плавно переходящей в округлый корпус. Орнаментированы сосуды отпечатками зубчатого штампа, насечками, вдавлениями. Наиболее распространенные узоры — заштрихованные треугольники, елочка, горизонтальные зигзагообразные ряды, которые часто встречаются и в украшении гончарных изделий степной бронзы. Один из сосудов был орнаментирован так называемыми «проросшими» треугольниками, какие довольно часто присутствуют на тазабагъябской посуде второй половины II тыс. до н. э.⁹ Выделяется

⁶ В. Ф. Петрунь. Неолитические находки в районе Байконура и р. Тамды. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии», т. 1, стр. 174, табл. 11.

⁷ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., «Советское Востоковедение», № 6, 1955, стр. 100, рис. 9.

А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 52.

⁸ А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с микролитовидным инвентарем в Казахстане. КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 144, рис. 50, 5; его же. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 52.

⁹ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., стр. 88, рис. 8 (5).

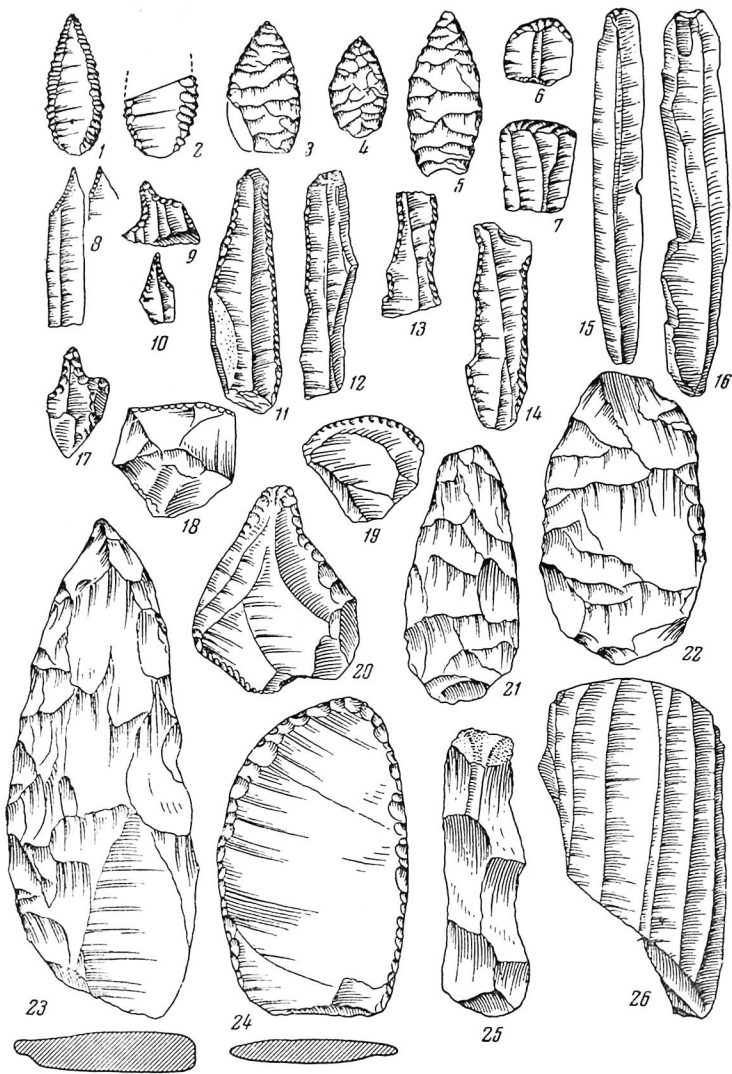

Рис. 5. Стоянка Беш-Булак. Орудия из камня

1 — 20, 25, 26 — из кремня; 21, 22 — из кварцита; 23, 24 — из сланца

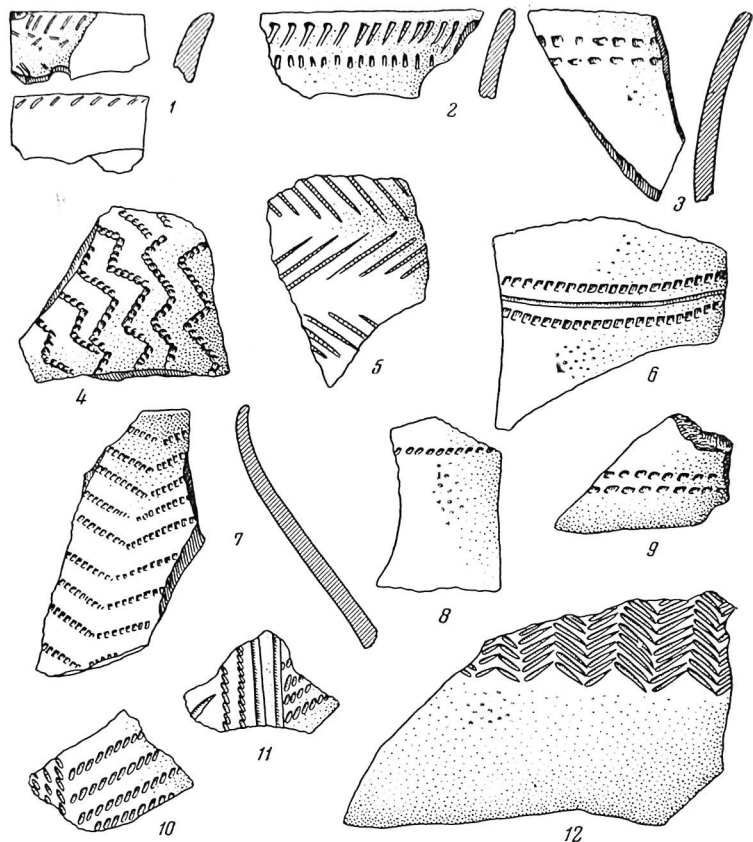

Рис. 6. Стоянка Беш-Булак. Керамика

сосуд (рис. 7, 9), украшенный замкнутыми треугольниками из параллельных штрихов и двумя горизонтальными бороздками, которые, как известно, не типичны для тазабагъябской керамики, но иногда встречаются на гончарных изделиях андроновского типа из Западного Казахстана; в частности, подобные бороздки имеются на сосуде с Алексеевского поселения¹⁰. Сосуд с валиком при переходе от шейки к плечам украшают косые насечки, образующие ромбический узор (рис. 7, 7). Этот сосуд находит себе наиболее близкие аналоги в керамике Акча-Дарьи¹¹ и Западного Казахстана¹². Имеются также гончарные изделия с зеркальным лощением, аналогичные найденным на стоянках Каунды и Базар-1, которые датируются временем позднего этапа сурярганской культуры, т. е. XI—IX вв. до н. э.

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», вып. 17, 1948, стр. 141, рис. 64.

¹¹ Например, они имеются в материалах Акча-Дарьинского маршрута Хорезмской экспедиции 1954 г. Хранятся в Ин-те этнографии АН СССР. Москва.

¹² О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 132.

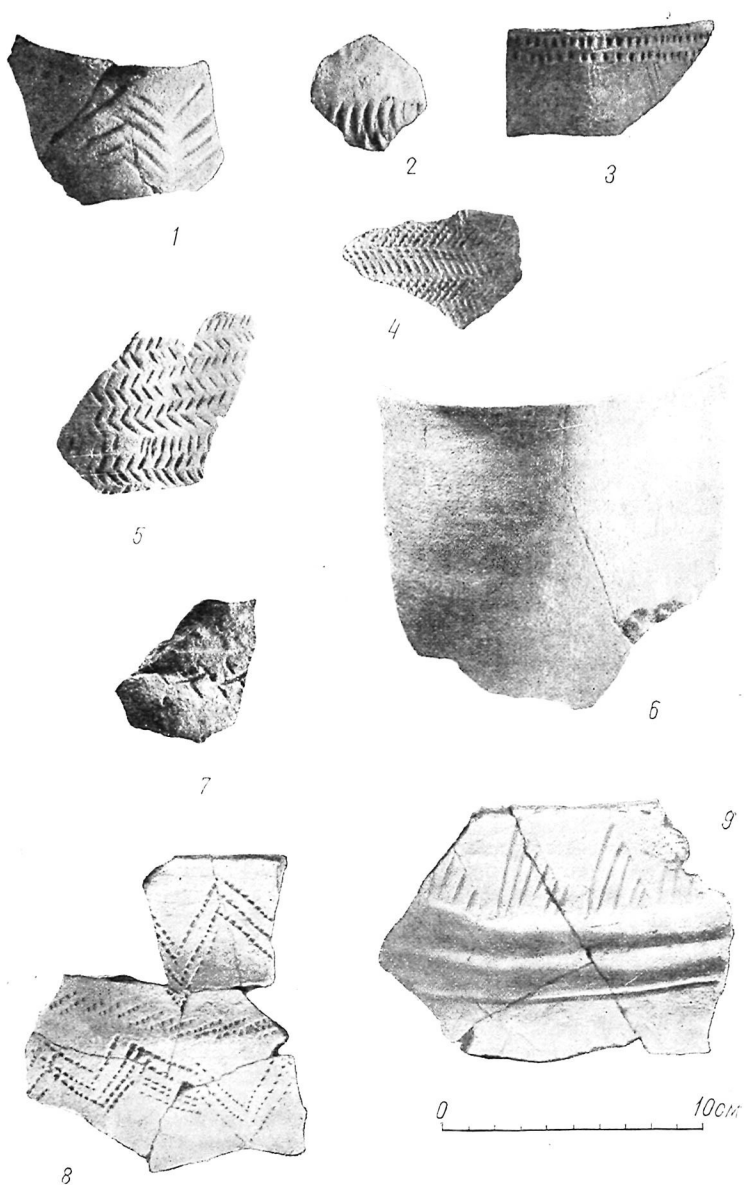

Рис. 7. Стоянка Беш-Булак. Керамика

Третью группу составляют несколько обломков круговых сосудов с красным ангобом и лощением и так называемая «варварская» керамика. Последняя представлена довольно грубыми лепными сосудами из глины с примесью песка и незначительного количества дресвы или, что, однако, встречается гораздо реже, толченых раковин (рис. 8). Сосуды с поверхности затерты и в массе не орнаментированы. Основным их видом являются небольшие горшочки, снабженные уплощенной ручкой с двумя продольными углублениями на внешней стороне. Такие изделия были типичны для Хорезма конца I тыс. до н. э. Один из лепных сосудов имел ручку в виде стилизованного животного (рис. 8, 4), т. е. формы, уже известной по находкам на других среднеазиатских памятниках, например на Каунчи-тепе¹³.

Другой сосуд, характерной для «варваров» техники изготовления и орнаментации, — лепной с насечками по венчику и небольшими коническими напелами на плечах (рис. 8, 2), какие обычны для керамики Казахстана, был целиком покрыт снаружи плотным красноватым ангобом, что, как известно, является характерной особенностью сосудов античного времени. Имевшаяся в сборах чашечка в виде тигелька (рис. 8, 5), подобна встреченным в Присарыкамьшской дельте Аму-Дарьи и на поселении Барактам. В целом керамика этой группы относится к периоду конца I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э.

Особую, но малочисленную группу представляют фрагменты грубых гончарных сосудов серого обжига с линейно-волнистым узором и обломки поливных чаш с зелено-бирюзовой росписью, относящиеся к самому недавнему прошлому.

Таким образом, материалы стоянки Беш-Булак показывают, что начало ее заселения относится еще к эпохе энеолита, однако жизнь тут продолжалась также в бронзовом веке и даже в античности.

К несколько более позднему периоду, соответствующему афригидской эпохе Хорезма, относятся холмы с остатками жилых сооружений, сохранившиеся на Агитме, в Кала-Ата и около Тамды, и, кроме того, серия керамики, происходящей с могильника, расположенного на западном склоне Каратинской впадины.

На Агитме, на западной окраине поселка Аяк-Агитма, около родника, видны два холма, из которых более высокий достигает высоты 10—12 м. На западном склоне этого холма был расчищен участок сырцово-кирпичной кладки из кирпичей 23 × 8 или 8,5 см и 32 × 10 см (замеры удалось произвести лишь с одной стороны кладки). Кирпичные ряды чередуются в кладке со слоями желтоватого песчанистого раствора, имеющего толщину примерно равную высоте кирпича. При расчистке из кладки был извлечен фрагмент стенки лепного сосуда с коричневато-красными брызгами на поверхности.

На поверхности холмов лежали обломки лепных сосудов, которые по характеру черепка были довольно близки афригидским изделиям Хорезма. Цвет сосудов — красноватый или кремовый, но основная толщина стенки в изломе — серая. Некоторые сосуды снаружи покрыты светлым ангобом. Среди небольших сосудов встречаются красноангобированные. Ведущие формы — горшки с невысокой шейкой и различно профилированные чаши. Значительно реже встречались кувшины и сосуды вида хумчей. Единственная хумча, представленная в сборах обломком края (рис. 9, 1), напоминает найденную на Варахше¹⁴. Они сходны и по форме и по орнаментации, только хумча с агитминского холма кроме пальцевых вдавлений укра-

¹³ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе. Ташкент, 1940, стр. 14.

¹⁴ Хранится в Музее искусства в Ташкенте, в сборах с Варахши 1937—1939 гг

пена еще потеками коричневатого ангоба. Другой сосуд (рис. 9, 2) украшали темная роспись и прочерченный крутоволнистый узор; последний постоянно встречается на позднекушанской и афригидской керамике Хорезма¹⁵.

В Кала-Ата холм расположен у западной окраины поселка. На его склоне выше входа в пещеру, откуда вытекает родник, просматривается кладка из сырцовых кирпичей голубовато-серой окраски и отдельных грубо отесанных каменных плит, положенных на желтоватом глиняном растворе.

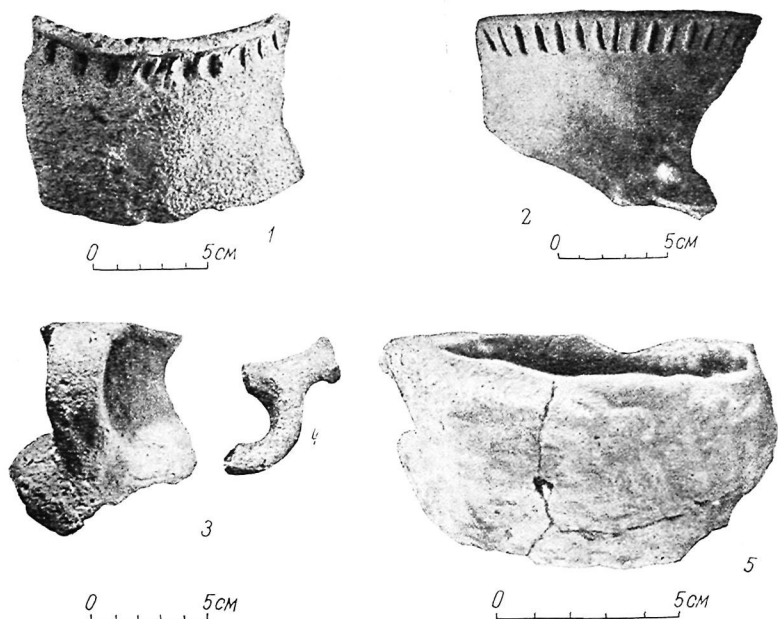

Рис. 8. Стоянка Беш-Булак. Керамика

В горизонтальных швах слой раствора достигает 10—12 см, что, таким образом, составляет несколько больше высоты кирпичного ряда. Размер кирпичей в кладке (замеры удалось произвести лишь с одной стороны кладки) колеблется от 18 до 25 см, при толщине в 8 см. Ширина вертикальных швов до 3 см. На поверхности холма лежали отдельные обломки обожженных кирпичей прямоугольной формы с меньшей стороной в 25 см, (большая сторона не определяется); толщина кирпичей — 4 см. Найденные на холме два обломка круговых сосудов красноватого обжига с прочерченным узором и отпечатками зубчатого штампа явно недавнего происхождения и могли быть занесены сюда случайно. Время этого сооружения, судя по характеру его кладки, по-видимому, примерно то же, что и постройки на Агитме.

Третий холм находится в 1 км к востоку от Тамды. На его вершине стоит развалины позднего (XX в.) укрепления. На этом холме наряду с посудой близкого нам времени были собраны обломки сосудов, весьма напоминающие агитминские.

¹⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм, табл. 51.

Большое число гончарных изделий, однотипных с агитминскими, было собрано на вершине останцовой возвышенности, находящейся на западном склоне Каракатинской впадины, примерно в 5 км к северу от колодцев Чингильды. Здесь на поверхность выходят округлые каменные могильные

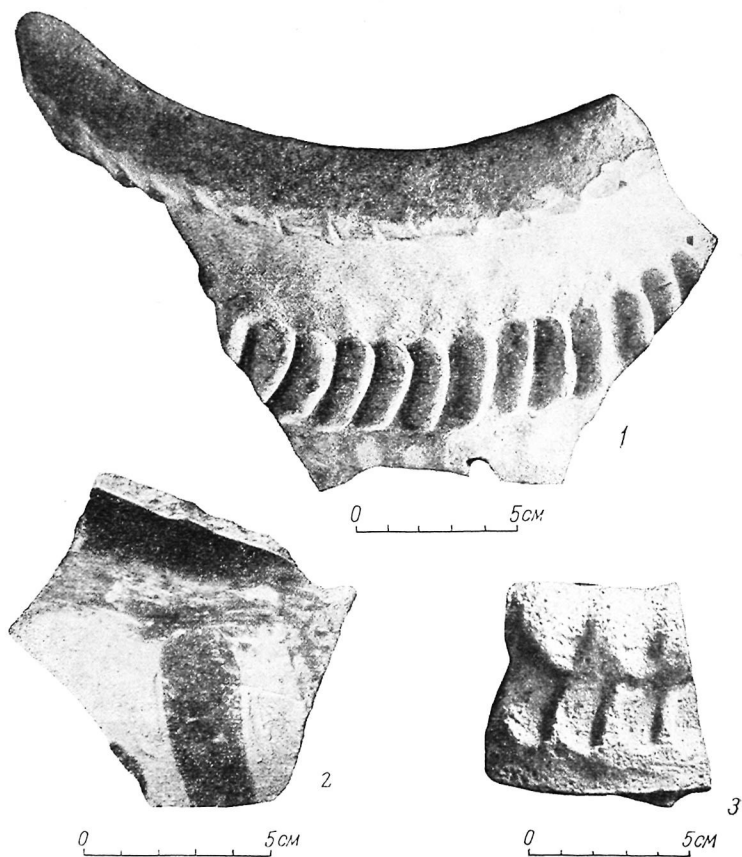

Рис. 9. Керамика:

1, 2 — с холма на Агитме; 3 — с могильника к северу от Чингильды

насыпи. Отдельные могилы обрамлены по краю вертикально стоящими каменными плитками. Ориентация самая различная — север — юг, восток — запад и промежуточные направления. Обнаруженная тут керамика, по-видимому, попала наверх вместе с выбросом из могильных ям.

К периоду развитого средневековья принадлежат отдельные разрозненные обломки от серых кувшинов с высокой округлой в сечении ручкой, какие производили в Хорезме в XII—XIV вв. Они попадались обычно у колодцев. По-видимому, к этому же примерно времени относятся развалины небольшого сырцового сооружения, расположенные к северу от Нура-тау, на которых были собраны обломки круговых горшков серого обжига из

глины с примесью дресвы и часть плоского железного наконечника стрелы с черенком, а также обнаружены остатки сильно разрушенного строения (караван-сарая?) в Кала-Ата, вблизи которых найдена ручка серого кувшина XII—XIV вв.

Эпохой позднего средневековья датируются развалины, расположенные у озера Ак-Тюбе, в 10 км к югу от Чардары Кызыл-Кумской. Рядом с ними, с западной и северной сторон, выходит планировка открытого поселения. Происходящая отсюда керамика — типично позднесредневековая.

Итак, археологические данные, полученные во время южно-кызыл-кумского маршрута, показывают, что эта область Средней Азии, представляющая ныне пустыню с базирующимся на колодцах редким населением, в древности была иной. В эпоху энеолита и бронзы ее достаточно густо заселяли охотники и рыболовы, основывавшие свои стоянки на берегах существовавших тут в ту пору водных бассейнов (см. рис. 1).

Отдельные черты, отчетливо выступающие в вещах того времени (кремневом инвентаре и керамике), устанавливают близость культуры древнего населения Южных Кызыл-Кумов с ранними культурами Хорезма, а также Западного Казахстана и Приуралья.

Наблюдающееся сходство их инвентаря, можно полагать, было обусловлено существованием у населения данных областей Средней Азии уже в ту отдаленную эпоху определенных экономических и культурных сношений. Возможно также, что оно являлось результатом этнического родства носителей этих культур.

В античный период и последующие эпохи в Южных Кызыл-Кумах жили кочевники, что доказывается полным отсутствием тут, за исключением прибрежной полосы Сыр-Дарьи и предгорий Нуратау, следов искусственного орошения и развалин оседлых поселений, типичных для земледельческих областей Средней Азии. Несколько всегда находящихся у родника холмов раннесредневекового периода, судя по их небольшому размеру (25—30 × 30—40 м), представляют, по-видимому, остатки кочевнических ставок. Единственные развалины, датируемые развитым средневековьем, могли быть остатками караван-сарая.

М. А. Итина

НОВЫЕ СТОЯНКИ ТАЗАБАГЪЯБСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(работы 1956 г.)

Работы Хорезмской экспедиции по изучению первобытных памятников на территории древнего Хорезма дали богатейший археологический материал, позволяющий всесторонне осветить историю Хорезма на протяжении примерно трех тысячелетий.

Основная территория, на которой обнаружены памятники первобытной культуры, в древности представляла собой Акча-Дарьинскую дельту Аму-Дарьи, расположенную восточнее современной.

Заселение Акча-Дарьинской дельты человеком было связано с вторичным ее обводнением, когда сток аму-дарьинских вод шел не только на запад — в Сарыкамышское озеро, по Узбою в Каспий, но и на север — в Аральское море, однако не по современной, а по Акча-Дарьинской дельте.

Особенно интенсивно Акча-Дарьинская дельта функционировала на рубеже III и II тыс. до н. э., когда сток по Узбою почти прекратился и основная масса аму-дарьинских вод пошла в Арал.

На протяжении II тыс. до н. э. вплоть до начала I тыс. до н. э., т. е. в бронзовом веке, берега многочисленных протоков Акча-Дарьинской дельты были густо заселены.

Изучение памятников этого времени началось разведочными работами еще в 1938 г., когда на правом берегу Аму-Дарьи, между крепостями Беркут-кала и Наринджаном была обнаружена керамика, относящаяся к эпохе бронзы¹.

В 1940 г. художник экспедиции Н. П. Толстов в 1,5—2 км к северу от крепости Ангка-кала обнаружил развешенную стоянку (стоянка Ангка-1) с керамикой того же типа².

Уже предварительные находки дали возможность С. П. Толстову заключить, что эта посуда напоминает керамику бронзового века Поволжья, Казахстана и Южной Сибири, относящуюся к так называемой срубной (Поволжье) и андроновской (Сибирь и Казахстан) культурам³.

Разведками 1945 г. установлено наличие значительного количества развешенных стоянок этого времени в районе крепости Джалбас-кала.

Вновь открытая культура была названа тазабагъябской и отнесена ко второй половине II тыс. до н. э.⁴

¹ С. П. Толстов. Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 174.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 67; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 77, рис. 19.

³ С. П. Толстов. Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии, стр. 174.

⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 66—67; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 76—77.

Работы по изучению памятников этой культуры продолжались и в последующие годы, причем было установлено, что в 1,5—2 км к северу от Анγκα-калы, на одном из протоков Южной Акча-Дарьинской дельты, расположено множество стоянок этого времени. В 1953 г. была открыта стоянка Анγκα-5⁵, ставшая в 1956 г. объектом наших раскопок.

Начавшиеся в 1954 г. и продолжающиеся по сей день специальные комплексные (совместно с географами) работы по изучению древней Акча-Дарьинской дельты Аму-Дарьи явились новым этапом в изучении первобытных памятников Правобережного Хорезма, тазабагтябской культуры в частности.

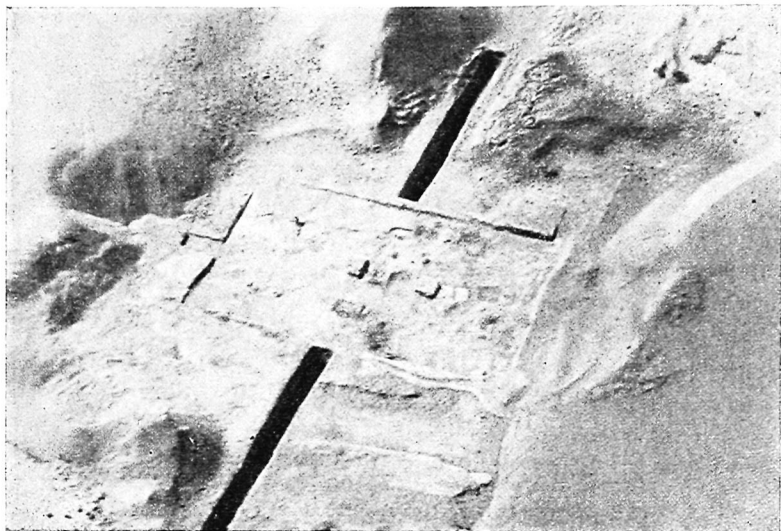

Рис. 1. Стоянка Анγκα-5. Дом № 1 после раскопок.

Аэрофото

Помимо открытия новых стоянок этой культуры не только в Южной, но и в Северной дельте Акча-Дарьи, крупнейшим открытием экспедиции явились могильник и стоянки Кокча-3⁶, раскопки которых велись в 1954—1955 гг.

В 1956 г. были проведены раскопки дома № 1 на стоянке Анγκα-5⁷ (рис. 1) и начаты раскопки открытой в этом же году стоянки тазабагтябской культуры — Кават-3⁸.

Стоянка Анγκα-5, так же как и весь комплекс анγκα-калининских стоянок (кроме стоянки Анγκα-2), расположена в Южной дельте (см. рис. 11), на левом берегу одного из протоков, который севернее Анγκα-калы тянется на восток и, обходя с юга Джанбасскую возвышенность, поворачивает

⁵ С. П. Толстов. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, стр. 192, рис. 1.

⁶ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. «Советское востоковедение», 1955, № 6, стр. 99—103.

⁷ Состав отряда: начальник отряда М. А. Итгина, науч. сотр. А. В. Виноградов, топограф Н. И. Игошин, пять человек рабочих.

⁸ Раскопки стоянки Кават-3 вел А. В. Виноградов.

параллельно восточной границе дельты сначала на восток, а потом на север⁹. Проток этот образует здесь петлю, вершина которой, к северу от стоянок, выходит к дороге на Базар-калу, откуда проток снова поворачивает на юг. Собственно русло при наземном обследовании прослеживается с большим трудом, оно читается гораздо лучше на аэрофотоснимках. Однако и при внимательном наземном обследовании его можно заметить выделяющимся в виде ложбины, заполненной бархано-бугристыми переветренными

Рис. 2. Стоянка Ангка-5. Такырный останец над домом № 1.

песками, сложенными из серого аму-дарьинского аллювия с многочисленными остатками раковин пресноводных моллюсков (*Anadonta*, *Dreissena*). По мере удаления от русла песчаный рельеф меняется, он представлен скоплением барханов, которые к западу — юго-западу, ближе к Ангка-кале, переходят в сплошные барханные пески. Непосредственно вдоль русла, по его левому берегу, идет полоса разрушающихся такыров, ширина которой колеблется от 20 до 200 м. За ней, к западу, тянется полоса гладких такыров, пересыпанных барханными песками. Интересно, что все находки эпохи бронзы концентрируются именно в зоне разрушающихся такыров в разветвленном культурном слое, выходящем из-под такырной корки, а на поверхности, к западу от этой полосы, идут сплошные россыпи античной керамики.

Скопление тазабагъябских стоянок на левом берегу русла (стоянки Ангка-3, 4, 5, 7, 8) на протяжении 2,5 км заставляет предполагать, что перед нами одно большое поселение того времени, состоящее из отдельных жилых комплексов.

Примером одного из таких комплексов и является стоянка Ангка-5.

Стоянка была обнаружена между невысокими (2—3 м) барханами, примерно в 100 м к востоку от русла. Она была представлена двумя такырными

⁹ См. С. П. Толстов. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, СЭ, 1957, № 4, стр. 38.

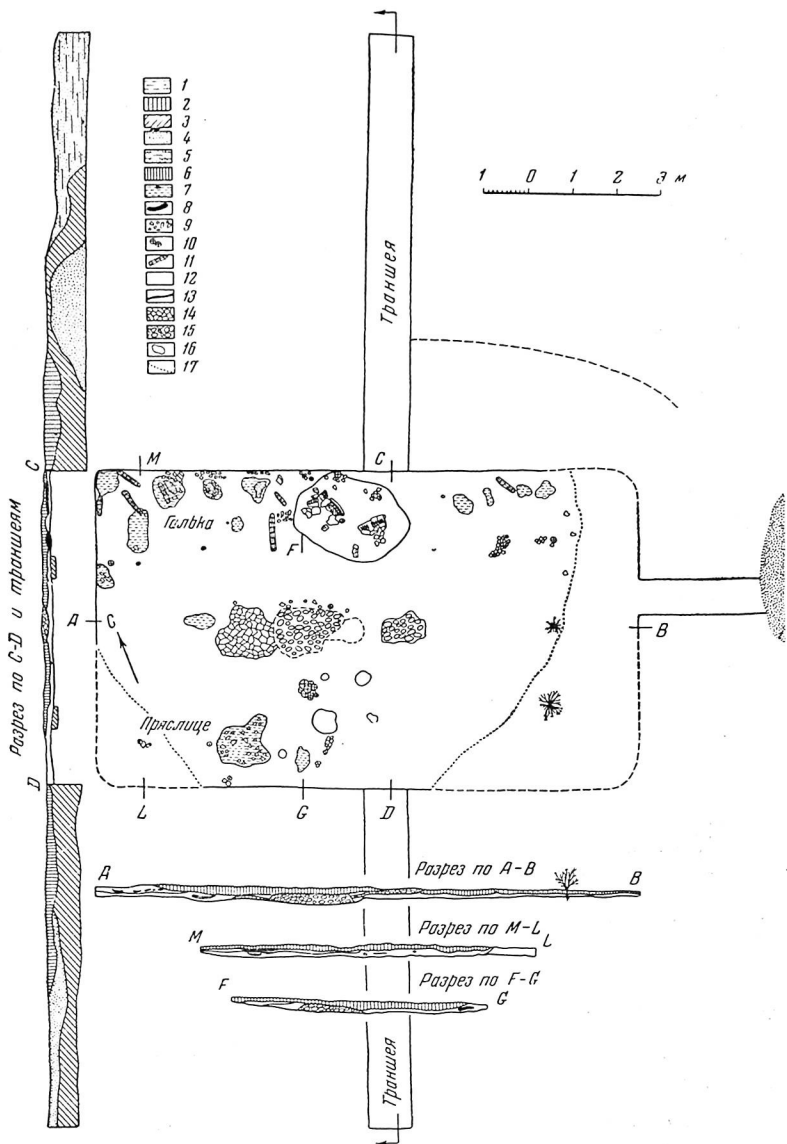

Рис. 3. Стоянка Ангка-5. Дом № 1. План и разрезы

1 — белый слоистый суглинок; 2 — слоистый песок с железистыми включениями; 3 — плотная комковатая супесь с железистыми включениями; 4 — коричневый барханский песок; 5 — плотный коричневый спелый (замытый) песок; 6 — коричневый слоистый суглинок; 7 — золотое пятно; 8 — золотая линза; 9 — керамика; 10 — камни; 11 — остатки дерева; 12 — культурный слой; 13 — поверхность пола; 14 — вымостка; 15 — очаг; 16 — яма; 17 — граница обжитого pits

останцами (рис. 2), по развеенным краям которых четко прослеживался культурный слой с керамикой. Площадь этих такырных останцов в среднем равнялась $7-8 \times 12-15$ м, причем вытянуты они были в широтном направлении. Обнаруженный по краям такырного щита выход культурного слоя гарантировал его сохранность в части, находящейся под этим щитом.

Планировка дома № 1, который явился объектом наших раскопок, прослеживалась довольно хорошо еще до раскопок. С западной и северной сторон на поверхности такырного щита, по краю, особенно в его северо-западной части, четко выделялись слегка выгнутые полосы шириною в 30—40 см, являвшиеся остатками стен жилища, в его северо-восточном конце прослеживался проход.

Как показали раскопки (рис. 3), центральная часть дома была перекрыта мощной линзой, состоящей из слоистого такыровидного коричневатого суглинка с песком. Толщина ее в центральной части достигала 20 см, по краям нисходила до 3—5 см. Северный край линзы оканчивался непосредственно у стены жилища, южный — обрывался в 1,5—0,5 м от южной стены; восточная граница линзы соприкасалась с сильно размытой восточной частью дома, где границы последнего прослеживаются с трудом; западная — находилась на расстоянии 90 см от западной стены.

В 1953 г. подъемный материал был собран именно в западной и южной частях жилища, не перекрытых этой линзой. Под суглинистым слоем линзы, свидетельствующим о происшедшем последующем подтоплении стоянки, залегал собственно культурный слой, состоящий из серой, местами пылеватой, местами плотной супеси, мощность которого в центральной части жилища достигает 20—25 см. Толщина у стен колеблется от 10 до 15 см. Культурный слой насыщен угольками, золистыми включениями, обломками керамики. Таким образом, центральная часть жилища была несколько заглублена по отношению к площади, примыкающей к стенам (разница в уровнях равнялась 10—15 см). Эта заглубленность и способствовала стоянию здесь воды, отложившей суглинистую линзу.

Расчистка жилища велась в восточном направлении, по четвертям, причем вначале была раскопана северная половина дома, потом южная.

Раскопки показали, что планировка жилища в целом совпадает с видимой на поверхности еще до раскопок.

Дом № 1 представлял собою прямоугольное сооружение площадью $12,2 \times 7,4$ м, вытянутое в широтном направлении с проходом в северо-восточной части.

В северо-западной и юго-западной частях дома около стен, сохранившихся на высоту от 10 до 20 см, были найдены кусочки обожженной глины, похожие на куски обмазки. Близ стен северо-западной стороны обнаружены интенсивные следы горения и остатки сгоревших деревянных палок толщиной в 1,2—1,5 см. Видимо, они были связаны с перекрытием, однако сколько-нибудь явственной системы в расположении ямок в полу дома обнаружить не удалось.

Пол дома сильно утоптан и имел довольно ровную глинобитную поверхность. По залеганию слоев в траншее видно, что дом № 1 выстроен на песке, поэтому обмазка пола глиной была необходима.

По центральной продольной оси жилища, в яме, располагался центральный очаг (рис. 4). Он представлял собой огромную ($1,6 \times 0,9$ м при толщине 25—26 см) груды белесо-серых спекшихся комков пепла. Подстилался он тонким (5 см) слоем желтовато-красного прокаленного песка. В 1,1 м к востоку от очага находилась груды таких же комков пепла, лежащих прямо на полу; видимо, это выброс из очага. С западной стороны к очагу примыкала обожженная глинобитная вымостка ($1,3 \times 1,2$ м), которая имела вид растрескавшейся такырной поверхности.

Подобные очаги, расположенные в центральной части жилища на каменной или глиняной вымостке, были зафиксированы О. А. Кривцовой-Граковой на Алексеевском поселении, причем, вследствие малого количества находок около них, она считает их обогревательными¹⁰. В нашем случае на вымостке был найден лишь один черенок, так что совершенно очевидно, что и здесь очаг не служил для хозяйственных целей. Очаг и вымостка находились в западной половине дома. В этой же половине, преимущественно вдоль стен, но явно тяготея к очагу, располагались

Рис. 4. Стоянка Ангка-5. Дом № 1. Центральный очаг и вымостка

скопления керамики, составившие основную массу находок. Помимо отдельных черепков, собранных вдоль стен, против центрального очага у северной стены лежали как бы раздавленные два больших сосуда. У южной стены прямо против очага была найдена груда керамики, к востоку от нее — фрагменты почти целого сосуда. Отдельные скопления керамики и два вышеупомянутых крупных сосуда связаны с золистым слоем, лежащим прямо на полу. Вероятно, здесь-то и происходило приготовление пищи.

Итак, перед нами прямоугольное в плане жилище, которое, судя по заглубленной центральной части, могло быть полуземлянкой; основная его часть была уже наземной. В северо-восточной стороне помещения располагался узкий проход, длина которого пока не выяснена, так как он уходит под бархан.

Несколько дополняют наше представление о тазабагъябском жилище рекогносцировочные раскопки дома на стоянке Кават-3.

Стоянка Кават-3 расположена примерно в 5 км к востоку от Кават-калы. На ней также обнаружены два крупных скопления керамики, располага-

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ» вып. 17. 1948, стр. 86—90.

ющихся по краям тақырных останцов. Предварительное обследование и раскопки одного из них выявили картину, аналогичную той, которую мы наблюдали на стоянке Ангка-5. Это, видимо, остатки такого же прямоугольного жилища, площадью 12×14 м. Оно также углубляется к центру и имеет аналогичную стратиграфию. Однако намечаются и некоторые отличия. Во-первых, здесь сразу же выявилось большое количество столбовых ям, во-вторых, отдельные четко выраженные очажные ямы. Наиболее интересной находкой можно считать слой камыша, лежащий прямо на полу и являющийся, видимо, остатком перекрытия. Жители поселения пользовались водой близлежащего русла.

Для степной полосы Средней Азии нам неизвестны жилища эпохи бронзы с такой планировкой, ибо раскопки поселений этого времени на данной территории до сих пор не велись. Однако за пределами Средней Азии обнаруживаются очень интересные аналогии. Прямоугольная планировка жилищ с подобной и даже большей площадью характерна для андроновских поселений Южного Зауралья (Кипельское, Замараевское и др. селения)¹¹, для поселений эпохи бронзы в Приказанском Поволжье (Карташпаха I и II, Атабаевское¹², стоянка Балымская¹³), отличающихся сочетанием срубно-хвалыньских и андроновских черт в культуре, наконец, для Алексеевского поселения¹⁴. Все эти памятники датируются в целом второй половиной II тыс. до н. э. Таким образом, срубно-андроновские связи тазабагъябской культуры прослеживаются и в планировке жилищ.

Как уже не раз отмечалось, связи эти можно обнаружить и по керамике.

На стоянке Ангка-5 найдено много керамики, анализ которой дает возможность охарактеризовать тазабагъябскую посуду в целом. Она была лепная, изготовлялась из серой или кремевой глины с примесью дровяной и толченых раковин, реже — песка и шамота. Из-за неравномерности обжига на костре и не очень хорошего качества глиняного теста излом черепка черный или серый при коричневом, сером или красноватом цвете поверхности. Крупные включения, особенно кусочки раковин, нередко выходят на поверхность и, выпадая в результате обжига, делают ее как бы пористой. Поверхность сосудов обычно заглаживалась, изредка встречается лощение.

В большинстве случаев на керамике видны следы копоти, особенно на крупных сосудах, что свидетельствует об интенсивном использовании этой посуды в хозяйстве.

По форме эта керамика может быть разделена на ряд типов.

1. Наиболее многочисленную группу составляют сосуды, имеющие слегка изогнутое горло, занимающее примерно треть или четверть всей высоты, венчик срезаанный или в виде чуть заметного утолщения, очень плавный переход к уступу плеча, от которого стенки тулова, постепенно сужаясь, переходят к плоскому дну, отмеченному в большинстве случаев небольшим уступчиком. Диаметр горла колеблется между 17 и 22 см (рис. 5, 2—4, рис. 6, 3—6), а крупные сосуды этого типа имеют диаметр горла 32—35 см (рис. 5, 1, рис. 6, 1).

Орнамент обычно покрывает горло и плечи сосудов, причем на переходе от горловины к плечам два орнаментальных пояса нередко разде-

¹¹ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 103—105; его же. Андроновские поселения Зауралья. СА, 1954, № 20, стр. 246.

¹² Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье. МИА, № 42, 1954, стр. 168—180.

¹³ А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье. КСИИМК, Л, 1953, стр. 36—37.

¹⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Указ соч., стр. 76.

ляются двумя-тремя горизонтальными желобчатыми линиями. Наносится узор чаще всего гребенчатым штампом, однако резной орнамент тоже уже достаточно распространен. Наиболее типичными мотивами являются комбинации заштрихованных треугольников, елочка, вертикальные зигзаги (узор, широко применяемый на стоянке Анγκα-5), вертикальные полосы резных насечек.

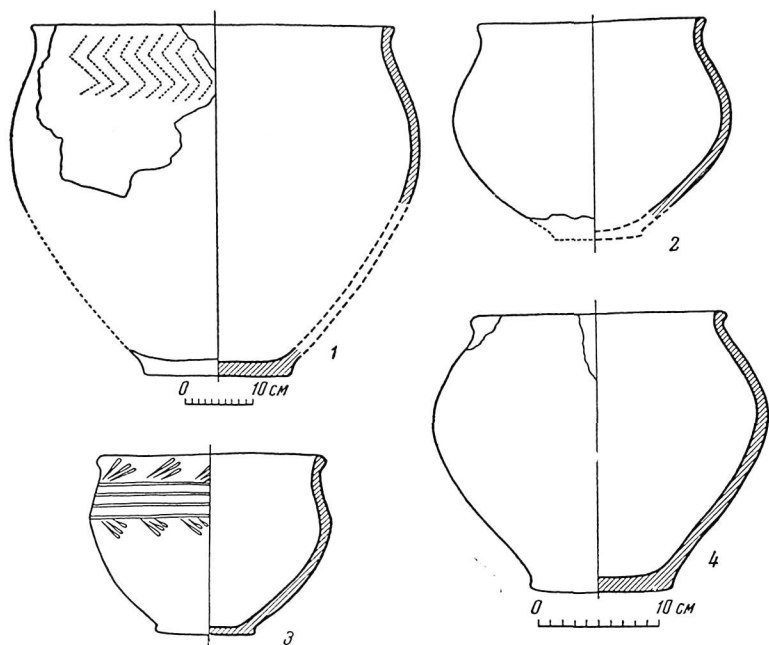

Рис. 5. Стоянка Анγκα-5. Дом № 1. Керамика

Для тазабагъябских сосудов описываемого типа характерен орнамент в виде незамкнутых треугольников из расходящихся веером из одной точки полос зубчатого штампа (это могут быть и резные полосы в виде насечек). Образуют, как уже говорилось, два орнаментальных пояса на горле и плечах сосуда, треугольники эти обычно обращены друг к другу основаниями. Встречается и вариант этого орнамента — все те же треугольники, но замкнутые, составленные из параллельных полос одной из сторон штриховки. В целом эта группа сосудов находит себе аналогии среди керамики Алексеевского поселения, выделенной О. А. Кривцовой-Граковой во вторую группу, группу горшков с уступчатым плечом и характерную, по ее мнению, «для могильников западного варианта андроновской культуры»¹⁵.

Однако у тазабагъябских горшков данного периода этот уступ сильно сглажен, что может быть связано с влиянием более ранних суярганских форм с их очень мягким переходом от горла к плечам сосуда. Отмеченное О. А. Кривцовой-Граковой сходство этого типа посуды со срубной кера-

¹⁵ О. А. Кривцова - Гракова. Указ. соч., стр. 127.

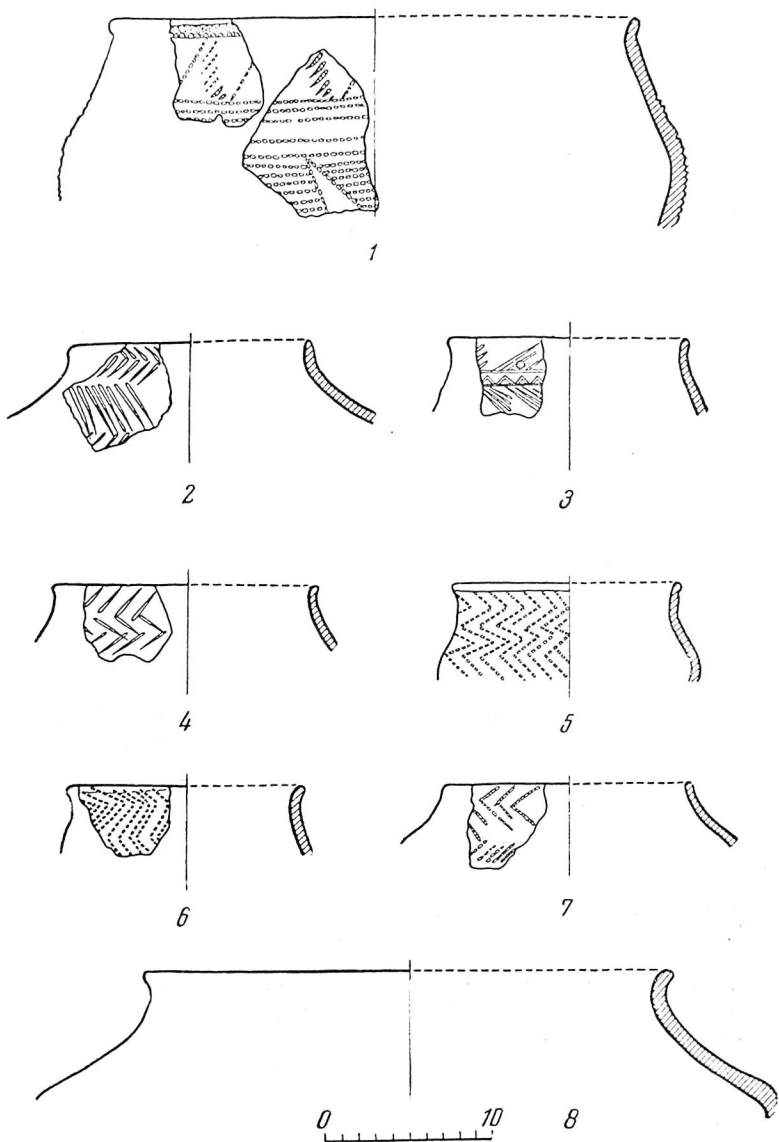

Рис. 6. Стоянка Ангка-5. Дом № 1. Керамика

мкой, найденной в Приуралье¹⁶, может быть распространено и на Хорезм, причем оно проявляется и в орнаментации. Орнамент в виде незамкнутых треугольников мы встречаем не только на Алексеевском¹⁷, но и на Садчиковском поселении¹⁸, в материалах андроновских поселений Зауралья¹⁹, в курганных погребениях Среднего Заволяжья²⁰, в могильнике близ г. Орска²¹.

2. Очень четко выделяется группа сосудов, имеющих налешной валик, расположенный чуть ниже верхнего края.

Сосуды с наленным валиком в большинстве случаев очень крупные и служили или для хранения запасов или для приготовления пищи. По форме это или сосуды первой группы (целый такой сосуд найден на стоянке Ангка-2), (рис. 7; рис. 8, 4), или открытые горшки с прямым, почти не выделенным горлом (рис. 8, 1—3, 5). Как правило, все они орнаментированы, причем орнамент покрывает их верхнюю треть. Он представлен вертикальными рядами ломаных линий или рядами насечек, идущих и по валику и по тулову; в отдельных случаях валик украшен каплевидными насечками или крестиками, а ниже идут все те же ломаные линии. В большинстве случаев орнамент гребенчатый, штампованный.

Ближайшие аналогии нашей керамики мы находим на Алексеевском поселении. Как и в Хорезме, это в основном крупные хозяйственные сосуды. Наиболее прямую аналогию нашему типу дает сосуд из землянки № 3²². О. А. Кривцова-Гракова датирует эту керамику концом II — началом I тыс. до н. э.²³, а появление валиков связывает с подражанием металлическим формам²⁴.

Здесь следует отметить, что, по наблюдениям О. А. Кривцовой-Граковой, на Алексеевском поселении этот валик «чаще всего помещается на границе шейки и плеч, в некоторых же случаях несколько выше»²⁵, в то время как на тазабагыябских стоянках мы находим керамику с валиком, идущим чуть ниже верхнего края горла. Кроме того, на Алексеевском поселении керамика с валиком составляет, видимо, довольно значительный процент, в то время как на стоянке Ангка-5 из 72 сосудов только 10 имеют налешной валик.

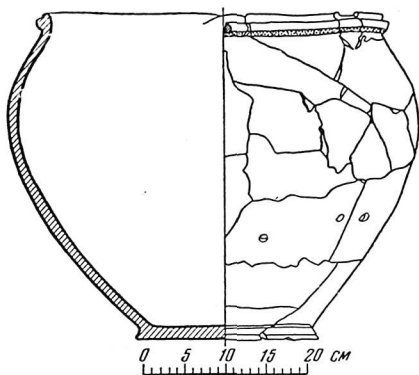

Рис. 7. Стоянка Ангка-2. Хозяйственный сосуд с наленным валиком

¹⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 129.

¹⁷ Там же, стр. 128, рис. 52, 3.

¹⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.). МИА, № 21, 1951, рис. 12, 14; рис. 22, 1.

¹⁹ К. В. Сальников. Андроновские поселения Зауралья. СА, 1954, № 20, стр. 220, рис. 7.

²⁰ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволяжья. МИА, № 42, 1954, рис. 37, 10.

²¹ Г. В. Подгаецкий. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска. МИА № 1, 1940, табл. 1, рис. 3.

²² О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 136, рис. 58, 1.

²³ Там же, стр. 163.

²⁴ Там же, стр. 159.

²⁵ Там же, стр. 133—134.

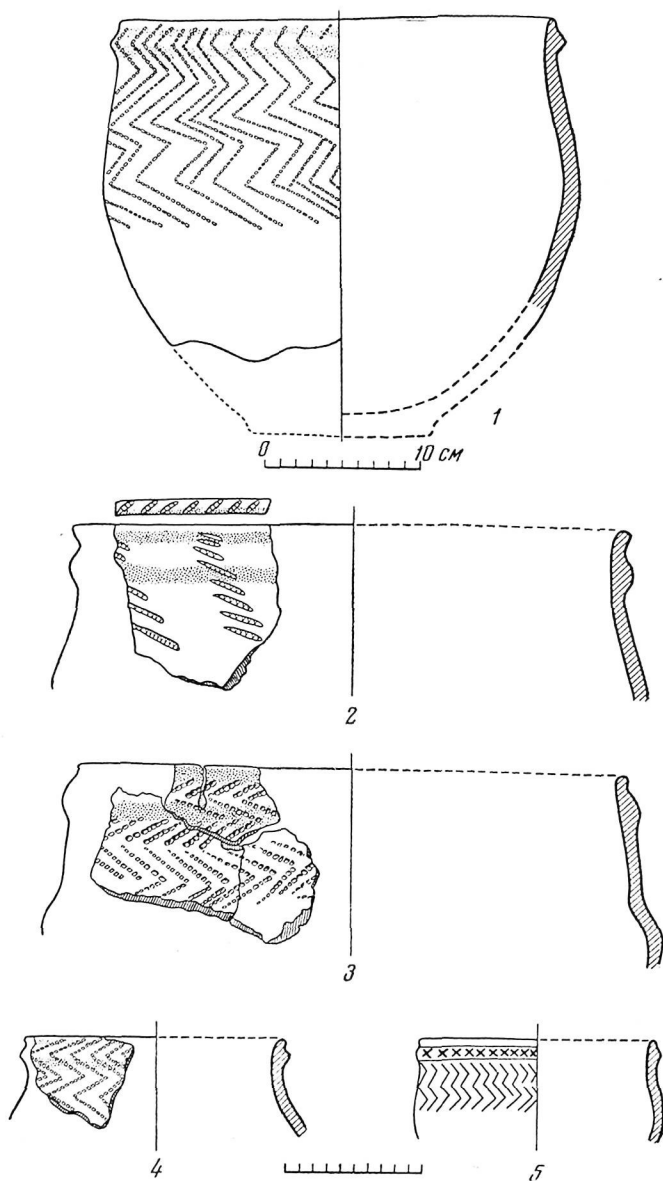

Рис. 8. Стоянка Ангка-5. Дом № 1. Сосуды с налпнным валиком

В Хорезме валик наиболее характерного для Алексеевки типа распространяется позднее, в XI—IX вв. до н. э., и является типичным для позднесуярганской культуры, датируемой, в частности, находкой бронзового однолезвийного ножа карасукского типа.

По установившейся традиции керамику с налепным валиком, встречаемую в керамических комплексах эпохи бронзы Средней Азии, Казахстана и Приуралья, принято датировать поздним этапом развития андроновской культуры и относить, по классификации К. В. Сальникова, к ее замараевскому этапу²⁶, т. е. к началу I тыс. до н. э. Однако помимо того, что валик как таковой не может служить датирующим элементом, он связан на этом позднем этапе развития культуры бронзы с совершенно иными формами.

Керамика с налепным валиком, идущим в нижней части горла сосуда, с очень раздутым туловом, была обнаружена в Хорезме в керамическом комплексе раннесуярганской культуры, который датируется первой половиной II тыс. до н. э., т. е. является более ранним, чем комплекс Ангка-5, и принадлежит, по мнению С. П. Толстова, племенам — выходцам с юга (Иранское нагорье, юго-западная Туркмения)²⁷.

И действительно, раннесуярганская керамика этого типа имеет близкие аналогии в керамических комплексах земледельческого юга. Валик как орнаментальный прием был широко распространен в земледельческих культурах Передней Азии начиная с периода Джемдет-Наср, т. е. с конца IV тыс. до н. э., причем надо полагать, что появление этого приема следует связывать с наличием гончарного круга. Возможной иллюстрацией последнего положения является массовое распространение в слое Намазга-IV (Туркмения) керамики с рельефными поясками или гофрировкой²⁸, а ведь именно в Намазга-IV впервые применяется гончарный круг²⁹.

Наиболее близкие аналогии раннесуярганским сосудам с валиком мы находим в слоях Шах-тепе-III и II-б³⁰, в слое Ниневия-5³¹, в слое Гавра-VIII³², т. е. по времени это конец IV — первая половина III тыс. до н. э.

С другой стороны, близкие типы посуды мы встречаем среди расписной и перасписной посуды из курганов Триалети в Закавказье, которые Б. А. Куфтин датировал серединой II тыс. до н. э.³³

Появление валика на горле сосудов в сочетании со сходными раннесуярганскими формами отмечает уже для эпохи Анау-III и Г. Шмидт³⁴.

Видимо, на Кавказе и в юго-западной Туркмении появление этого типа посуды следует относить к первой половине II тыс. до н. э., а происхождение его, возможно, следует связывать с переднеазиатскими культурами «крашеной керамики».

Таким образом, нам представляется, что появление на хорезмских сосудах со стоянки Ангка-5 налепного валика следует связывать не

²⁶ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 120.

²⁷ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 78.

²⁸ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. «Труды ЮТАКЭ», т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 355, табл. XXX.

²⁹ Там же, стр. 302.

³⁰ T. J. Arne. Excavations at Chah Tepe. Stockholm, 1945, стр. 173, рис. 302; табл. LI, рис. 404a.

³¹ R. Campbell-Thomson and M. E. L. Mallowan. Excavations at Nineveh, 1931—1932. *Annales of Archaeology and Anthropology*, т. XX, 1933, табл. LII, рис. 13; табл. LIII, рис. 6, 7.

³² A. E. Speiser. Excavations at Tepe Gawra, т. I. Philadelphia, 1935, табл. LXVIII, рис. 109.

³³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1944, табл. LXXV и LXXVII.

³⁴ R. Pumpelly. Explorations in Turkestan. т. I. Washington, 1908, стр. 138, рис. 143, 146.

с проникновением этого орнаментального приема с севера на юг, а наоборот, с влиянием южных земледельческих культур, давно знакомых с гончарным кругом, на культуры степного севера. В свете этого предположения становится понятным более позднее появление керамики с валиком на севере Казахстана и в Приуралье, где она датируется концом III — началом I тыс. до н. э. Развитие этого приема в тазабагъябской керамике является отражением тесных взаимоотношений, существовавших между суярганскими и тазабагъябскими племенами на территории Хорезма.

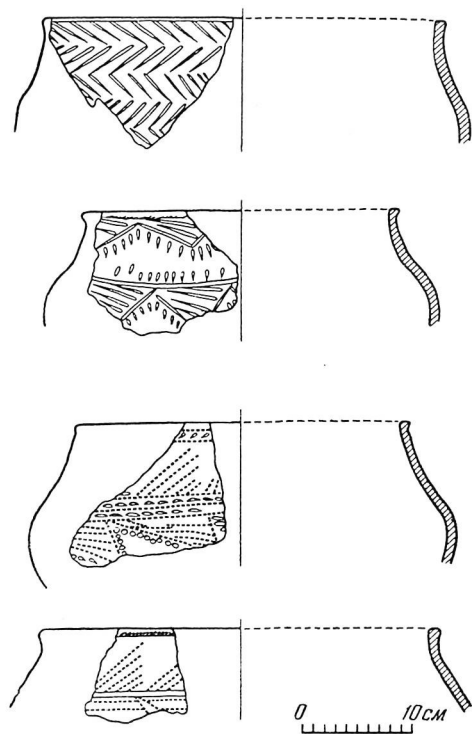

Рис. 9. Стоянка Кават-3. Керамика.

Видимо, влиянием суярганских традиций на тазабагъябский комплекс с Ангка-кала может быть объяснено и наличие в нем сосудов с коротким прямым или чуть изогнутым горлом без выделенного венчика и с довольно крутыми плечами (рис. 6, 2, 7—8). От них сохранилась лишь горловая часть, но и по ней можно предположить, что их форма приближалась к сферической. Сосуды эти чаще всего орнаментированы рядами вертикальных ломаных линий, нанесенных гребенчатым штампом или насечками. Крупные экземпляры с диаметром горла в 30—40 см орнаментом обычно не покрывались.

Другим доказательством суярганских влияний служит находка фрагмента сосуда, окрашенного в красный цвет и имеющего перегиб в средней

части тулова, позволяющий предположить, что сосуд имел биконическую форму. Как известно, эта форма была чрезвычайно распространена в южных земледельческих культурах Средней Азии в конце III — начале II тыс. до н. э.

В этой же связи может быть упомянут такой прием отделки поверхности сосуда, как зеркальное лощение, очень характерный для раннесуярганских комплексов, а на Ангка-5 встречающийся в отдельных случаях.

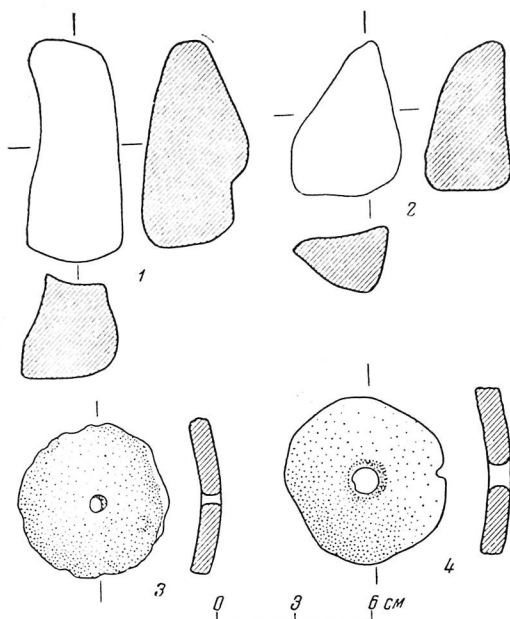

Рис. 10. Стоянка Ангка-5. Дом № 1. Орудия из камня и глины:

1—2 — каменные посты-тёрочки; 3— грузило (глина); 4— пряслице

Керамический комплекс со стоянки Кават-3, по предварительным данным, содержит те же ведущие тазабагъябские формы (рис. 9), но несколько более разнообразные типы орнаментации, причем часть мотивов треугольников с бахромой из каплевидных насечек, погтевых вдавлений или просто ямок. Этот орнаментальный прием встречается в ряде керамических комплексов со стоянок правобережного Хорезма (Базар-2 и Базар-4, Ангка-2, Кокча-2 и Камышлы-8), причем чаще всего в смешанных тазабагъябско-суярганских комплексах.

Керамический комплекс со стоянки Ангка-5 демонстрирует, видимо, ранний этап развития тазабагъябской культуры, характеризующийся не очень большим разнообразием форм, частым употреблением гребенчатого штампа при нанесении орнамента, наличием налепного валика по краю преимущественно крупных хозяйственных сосудов. Мы не располагаем пока материалами, позволяющими предположить бесспорную дату для этой стоянки, однако сравнение материала со стоянки Ангка-5 с таза-

багтябским комплексом могильника Кокча-3, который датируется XIII—XI вв. до н. э.³⁵, позволяет высказаться в пользу более ранней датировки стоянки; она, видимо, может быть отнесена к XV—XIV вв. до н. э.

Помимо керамики на стоянке Ангка-5, при раскопке дома № 1 были найдены орудия из камня. Среди них два песта-тёрочкика с плоским рабочим краем (рис. 10, 1, 2), ближайшние аналогии которым мы встречаем, например, на Успенском поселении (правый берег Большого Иргиза)³⁶; сходные нашим песты найдены и на Алексеевском поселении³⁷. Кроме того, в доме № 1 найдены крупные камни с гладкой, отшлифованной в результате проведения на ней каких-то работ поверхностью.

Никаких предметов из бронзы при раскопках не найдено. Обнаружена лишь глиняная ложечка, похожая на льячку, но без малейших следов пребывания в огне.

Результаты раскопок тазабагтябского жилища на стоянке Ангка-5, суммированные с многочисленными данными по другим поселениям этой культуры, позволяют дать в предварительной форме характеристику этих племен и их культуры.

Начавшийся с рубежа III и II тыс. до н. э. процесс дренирования Южной Акча-Дарьинской дельты определил в дальнейшем занятия ее населения, развитие того или иного вида хозяйства.

Врезание протоков в Южной дельте и связанное с этим ее осушение, исчезновение болот и присущего им ландшафта — все это способствовало возникновению здесь нового типа хозяйства — первобытных форм ирригационного земледелия³⁸, пришедшего на смену охотничье-рыболовецкому хозяйству эпохи неолита. Надо полагать, что возникновение земледелия в Хорезме может быть связано с эпохой расцвета тазабагтябской культуры, в то время как на раннем этапе ее развития оно носило еще весьма несовершенный характер.

О роли земледелия в хозяйстве этих племен свидетельствуют и находки обломков зернотерок (Кават-3), пестов (Ангка-5) (рис. 10, 1, 2).

О роли скотоводства мы можем в основном судить по материалам стоянки Кават-3, где были обнаружены кости крупного рогатого скота и овцы, и по находкам в очажных ямах синхронной стоянки Базар-2, где тоже найдены кости крупного рогатого скота³⁹. О наличии скотоводства и связанного с ним ткачества свидетельствуют также находки пряслиц (рис. 10, 4).

Наряду с этим тазабагтябское население Южной дельты по-прежнему занималось рыболовством, о чем можно судить по находкам керамических грузил (рис. 10, 3).

На стоянке Ангка-5 до сих пор не были найдены предметы из бронзы, однако наличие их уже в эту эпоху несомненно, тем более, что в инвентаре несколько более позднего могильника Кокча-3 были обнаружены бронзовые орудия и украшения⁴⁰.

Совершенно естественно, что происшедшие в Хорезме в эпоху бронзы крупные хозяйственные изменения повлекли за собой и изменения в общественной организации.

³⁵ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., стр. 99.

³⁶ И. В. Силицын. Поселение эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, № 11, 1949, стр. 210, рис. 17.

³⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 121.

³⁸ С. П. Толстов и Б. В. Андрианов. Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 5.

³⁹ Определение остеологического материала со стоянок проделано В. И. Цалкиным.

⁴⁰ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., стр. 102, рис. 12.

Если в неолите большая материнская родовая община в 100—120 человек населяла один большой дом (стоянка Джанбас-4)⁴¹, причем парная семья, судя по неустойчивости, подвижности семейных очагов, еще не обособилась в хозяйственном отношении, то в эпоху бронзы картина меняется. Скопление меньших по площади отдельных домов на стоянках тазабагъябской культуры, населенных отдельными семьями, с одним центральным очагом и несколькими связанными с ним маленькими очажками, превращение этих стоянок в крупные поселения, тянувшиеся на протяжении 2—2,5 км (примером такого поселения являются анкинские стоянки), — все это факты, говорящие, видимо, о далеко зашедшем процессе хозяйственного обособления отдельных семей.

Работы по изучению бронзового века Средней Азии только еще начались, но уже сейчас можно говорить о распространении на территории степной полосы Узбекистана и Туркмении тазабагъябской культуры, которая сходна с культурами андроновского типа Казахстана и Приуралья и со срубно-хвалынской культурой степей Нижнего и Среднего Поволжья.

Если говорить о правобережном Хорезме, то стоянки этой культуры были обнаружены не только в Южной, но и в Северной Акча-Дарьинской дельтах. Однако количество стоянок, найденных на территории Северной дельты, сравнительно невелико, так что мы имеем все основания заключить, что центром распространения тазабагъябской культуры была Южная дельта, а Северная — ее периферией. Сношения между этими двумя областями, судя по локализации находок, шли по западной окраине дельты, в обход акча-дарьинского коридора (рис. 11).

Помимо этого, тазабагъябская керамика была встречена в районе древней Присарыкамышской дельты Аму-Дарьи⁴² и на Узбое⁴³.

О стоянках с керамикой такого типа, обнаруженных в песках юго-западной Туркмении, упоминает А. А. Марущенко⁴⁴. В годы Великой Отечественной войны археологами МГУ (М. В. Воеводский и др.) подобная керамика была собрана с разваленных стоянок в окрестностях Ашхабада⁴⁵. Керамика тазабагъябского типа обнаружена также в керамических материалах земледельческих поселений Южной Туркмении: в слое Намазга-VI на Намазга-тепе⁴⁶, на Теккем-тепе⁴⁷, на поселении Тахирбай-3, в дельте Мургаба⁴⁸. Известны находки керамики тазабагъябского типа и в окрестностях Ташкента⁴⁹. Судя по устным сообщениям (материал, к сожалению, не опубликован), керамика из могильника Заман-Баба-2, расположенного на сухом русле Махан-Дарьи (раскопки Я. Г. Гулямова на юге Бухарской обл.), может быть отнесена к той же культуре.

⁴¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 67—69.

⁴² См. С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. «Труды ХЭ», т. II, стр. 57 и др.

⁴³ С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1951 г. СА, 1954, № 19, стр. 248, рис. 5.

⁴⁴ А. А. Марущенко. Сообщение об археологических работах в Туркмении. Протокол № 11 заседания сектора бронзы ЛОИИМК АН СССР от 15.V 1946 г., стр. 2. Архив ЛОИИМК.

⁴⁵ А. В. Збруева. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. ВДИ, 1946, № 3, стр. 186.

⁴⁶ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении..., стр. 312.

⁴⁷ В. М. Массон. Первобытно-общинный строй на территории Туркмении. «Труды ЮТАКЭ», т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 251; А. Ф. Ганялин. Теккем-тепе. «Труды ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР», т. II. Ашхабад, 1956, стр. 84—86.

⁴⁸ В. М. Массон. Первобытно-общинный строй..., стр. 251; его же. Древнемагрианское поселение Яз-дене. «Изв. АН Туркм. ССР», Ашхабад, 1955, № 3.

⁴⁹ Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, LIX, 1955, стр. 148, рис. 62.

Развитие пастушеского скотоводства и металлургии меди и бронзы при неравномерном распределении на территории Средней Азии источников сырья способствовало развитию обмена, развитию культурных сношений между отдельными племенами, территориально отдаленными друг от друга.

Бронзовые привески срубно-хвалынского типа из кокчишских погребений⁵⁰, указывающие на связи с Поволжьем, сердоликовые бусы оттуда же, демонстрирующие связи с Кавказом, прием окраски и лощения сосудов, особенно распространенный на стоянках синхронной суярганской

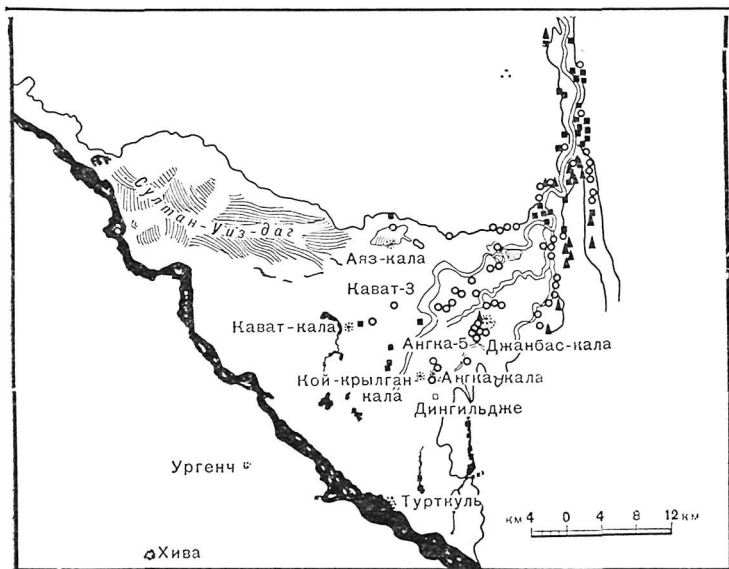

Рис. 11. Археологическая карта Южной дельты Акча-Дарьи

▲ — неолит; ○ — бронза; ■ — раннее железо

культуры⁵¹, связывающий Южное Приаралье с южными земледельческими районами Средней Азии, — вот далеко не полный перечень фактов, демонстрирующих эти связи.

С другой стороны, наличие в тазабагъябской культуре двух компонентов — срубного и андроновского, что прослеживается по формам и орнаментации сосудов, по бронзовым украшениям, по планировке жилищ и, наконец, по крапивоологическим материалам⁵², говорит о каких-то более глубоких процессах, чем культурные связи, объединяющих эти области.

Начавшееся уже к середине II тыс. до н. э. проникновение племен — носителей срубной культуры на север — в Среднее Поволжье, а затем на

⁵⁰ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., стр. 102, рис. 12; «Материалы ХЭ», вып. 3, гл. II. Работа находится в печати.

⁵¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 77—78; «Материалы ХЭ», вып. 3, гл. II; М. А. Итипа. Первобытная керамика Хорезма. «Труды ХЭ», т. IV, 1959.

⁵² С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., стр. 102.

восток — в Южное Приуралье, встречное движение андроновских племен, приведшее к появлению в обеих культурах элементов той и другой, — все это привело к тому, что Северный Прикаспий и Северное Приуралье превратились в зону контакта этих культур. В качестве рабочей гипотезы может быть высказано предположение о том, что корни происхождения тазабагьябской культуры следует искать именно в этой зоне контакта.

О большом сходстве керамического материала эпохи бронзы из степей Среднего Поволжья и Западного Казахстана с хорезмским не раз писал И. В. Силицын⁵³. Не случайно и сходство керамики тазабагьябской культуры с материалом из Алексеевки, который, в свою очередь, содержит множество срубных черт.

Встает вопрос, не пло ли проникновение племен — носителей тазабагьябской культуры — в Южный Хорезм с севера, через Северное Приуралье и далее к югу, по Акча-Дарье.

Небольшое количество тазабагьябских стоянок в Северной дельте, может быть, говорит о том, что племена эти здесь не задержались из-за неблагоприятных географических условий (сильная обводненность дельты, препятствовавшая развитию скотоводства и земледелия) и прочно обосновались в Южной дельте.

Здесь тазабагьябские племена долгое время сосуществовали с суярганскими пришедшими из южных областей Средней Азии в первой половине II тыс. до н. э. Контакт между этими двумя этническими группами проявился во взаимовлиянии одной культуры на другую, что мы могли видеть на материале со стоянки Ангка-5; более смешанный материал с сильными суярганскими влияниями дает, например, стоянка Базар-2.

Сосуществование этих двух культур на территории Правобережного Хорезма подтверждает, видимо, и краниологический материал, ибо среди черепов из могильника Кокча-3 Т. А. Трофимова обнаружила два антропологических типа: один — близкий типам андроновской и срубной культур и представляющий, вероятно, тазабагьябское население, другой — входящий в круг индо-дравидонидных форм экваториальной расы, причем появление последнего, может быть, можно связать с пришедшими в Хорезм с юга суярганскими племенами.

К концу II тыс. до н. э. суярганская культура на позднем этапе ее развития делается господствующей. Очевидно, к этому времени относится особенно интенсивное проникновение тазабагьябских элементов на юг и юго-запад, о котором, в частности, пишет В. М. Массон⁵⁴.

Таким образом, как мы могли убедиться, раскопки на стоянке Ангка-5 поднимают огромный круг вопросов, разрешению которых будут способствовать дальнейшие работы в этой области.

⁵³ И. В. Силицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, 1949, № 11, стр. 224; его же. Археологические памятники по реке Малый Узень (Саратовская обл. и Западный Казахстан). КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 104.

⁵⁴ В. М. Массон. Первобытно-общинный строй..., стр. 251.

М. Г. Воробьева

РАСКОПКИ АРХАИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ БЛИЗ ДИНГИЛЬДЖЕ

Архаическое поселение близ афригидского замка Дингильдже расположено в песках, в 6 км к юго-востоку от Кой-Крылган-калы. К поселению подходит большой оросительный канал, ответвляющийся в районе Эрес-калы от магистрального, соответствующего современному Кельтеминару. Канал проведен по направлению к северу, но полностью не прослеживается, прерываясь песками. У Дингильдже от основного русла отходит под прямым углом, к востоку, еще один канал, и поселение находится как бы в развилке между ними.

Каналы входили в систему архаических оросительных сооружений и отличались от более поздних по размерам: ширина каждого из них достигает 35—45 м.

Местность вокруг ровная; небольшое понижение отмечено с северо-запада к юго-востоку, т. е. от основного канала в сторону ответвлений.

На обширном такыре хорошо прослеживается планировка домов, причем одного из них особенно четко. Остатки помещений выступили на современной дневной поверхности настолько ясно, что еще во время предварительного обследования 1955 г. удалось снять план, который в дальнейшем при проведении раскопок и аэрофотосъемки был уточнен и дополнен (рис. 1) ¹.

По собранному с поверхности поселения материалу оно было предварительно отнесено к позднему этапу архаического периода в Хорезме. Эта дата не изменилась и при последующих исследованиях.

Часть сооружения покрыта песком, но основные контуры вырисовываются достаточно четко. Это большое многокомнатное здание размером 53 × 50 м, площадью свыше 2600 м². С севера оно ограничено коридором шириной в 3 м; длина его точно не определяется, так как угол постройки скрыт барханом. В восточной стене северного коридора расположен вход шириной 1,6 м, ведущий в здание. Второй большой коридор — внутренний (помещение № 15), длиной 23 м, шириной 1,6 м, ориентирован с севера на юг и делит здание на восточную и западную части.

Помещения различны по величине. Наименьшие из них — 3,4—3,6 м ширины и почти такой же длины; наибольшие достигают 8—11 м ширины и 10—12 м длины. Возможно, что наиболее обширные помещения представляли собой внутренние дворики.

¹ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, № 1, 1958, стр. 116—118; см. также статью С. П. Толстова в настоящем сборнике и рис. 9 его статьи.

Ширина наружных стен 2,2 м, внутренних, разделяющих помещения, около 1,1 м, а более тонких внутрикомнатных перегородок — 0,7 м. Стены в нижней части сложены из пахсы, выше, очевидно, шла кладка из сырца, так как в завале встречаются обломки сырцовых кирпичей. Кроме того, сырец использовался для квадратных и прямоугольных выкладок в комнатах — очажных или типа суф, и для устройства порогов в проходах между помещениями. Размер сырцового кирпича: 42—44 × 42—44 × 10—11 см².

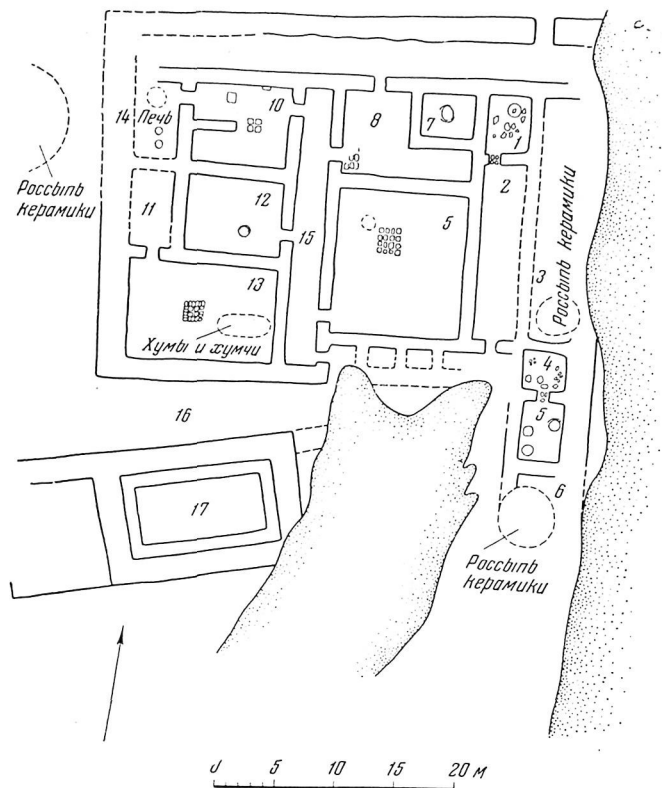

Рис. 1. План дома на архашеском поселении близ Дингильдже

Вопрос о перекрытии пока остается нерешенным. Вероятнее всего это были плоские глинобитные крыши, которые держались на жердях. Сводчатое перекрытие вряд ли могло быть применимо, ибо ширина помещений нередко достигает 6—8 м и более, к тому же остатков кирпичей свода в завалах не обнаружено. Плоская кровля в отдельных случаях поддерживалась столбами, кирпичные основания которых в виде квадратных выкладок прослежены во всех больших помещениях. В других случаях опорой кровли могли служить особые перегородки, не доведенные до противоположной стены (например, в помещении № 10).

² При раскопках 1959 г. обнаружен и прямоугольный кирпич (52 × 45 × 12 см), по пропорциям приближающийся к квадратному.

В южной части комплекса прослеживается, по всей вероятности, более поздняя пристройка (помещение № 17). Стены ее сооружены под небольшим углом к главному зданию. С внутренней стороны вдоль всех стен идет кирпичная сырцовая кладка. Определить назначение этого помещения — задача будущих раскопок.

В 1956 г. было заложено три раскопа площадью около 130 м². Вскрыты три помещения в разных частях здания, чтобы выяснить сохранность культурного слоя. Два помещения расширены полностью, третье частично.

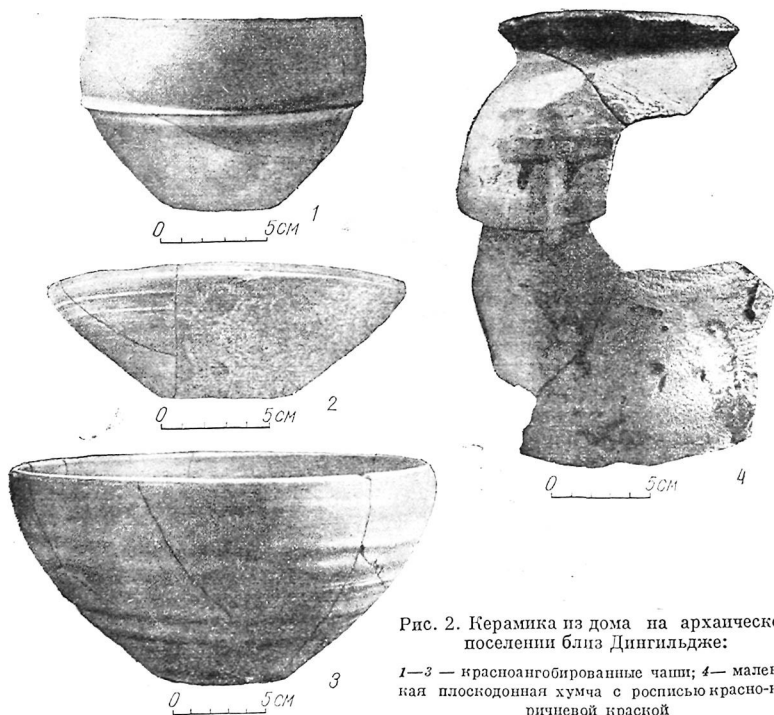

Рис. 2. Керамика из дома на архаическом поселении близ Дингильдже:

1—3 — красноангобированные чаши; 4 — маленькая плоскодонная хумча с росписью красно-коричневой краской

Сохранность стен оказалась различной. В северо-западной части постройки (помещение № 10) они уцелели на высоту до 0,5 м, в северо-восточной — 0,22 м, в юго-восточной (помещение № 4) стены возвышались над полом всего на 6—10 см.

Заполнение помещений везде однородно. Это очень твердый слежавшийся наваянный песок, местами перемешанный с глинистым завалом, в котором кое-где встречены куски сырцовых кирпичей. В каждом помещении на поверхности лежало большое количество обломков сосудов, во многих комнатах стояли *in situ* днища крупных сосудов — хумов и хумчей, врытые в грунт. Возле днищ валялись обломки стенок и венчиков.

Помещение № 1 — продолговатое, вытянутое с севера на юг, площадью 16 м². Стены уцелели на высоту 0,22 м. В южной стене проход шириной в 1 м, соединяющий комнату с соседней. В проходе положены в виде порога четыре сырцовых кирпича, по два в ряд. Стены — пахсовые,

углы скруглены обмазкой; пол глинобитный. Обмазка его сильно попорчена, но уцелела по всей площади.

В северо-восточном углу стоял большой развалившийся хум, дно которого было некогда врыто в пол на незначительную глубину. Рядом с хумом обнаружены три красноангобированных чаши прекрасной выделки (рис. 2, 2, 3); посредине помещения — обломки двух раздавленных хумчей с подкошенными днищами и следами ленточной росписи на плечиках (рис. 3). На полу и в бедном культурном слое над ним встречено много кусочков алебаstra и кости домашних животных, в частности зубы верблюда.

Рис. 3. Хумча цилиндрико-конической формы с росписью красной краской по шейке

У южной стены лежали две зернотерки; одна из них у самого прохода в помещение № 2. На полу обнаружены фрагмент оригинальной чаши с выступающим по середине стенки карнизиком (рис. 2, 1), кусочки необработанной бирюзы, две бусины: первая дисковидная, из бирюзы, вторая продолговатая, шестигранная, хрустальная, сверленная алмазиком (?) на конус с двух сторон (рис. 4, 3, 6); обломки перламутра ракушек.

Помещение, очевидно, было хозяйственным. Об этом свидетельствуют найденные там сосуды, кости животных, зернотерки.

В юго-западном углу обнаружена лопатка домашнего животного (вероятно, коровы). На середине лопатки, поставленной вертикально, оказалась растертая красная краска. Судя по положению в слое, этот предмет попал сюда случайно из какого-нибудь другого помещения уже после разрушения здания.

Помещение № 4 (площадь — 10,5 м²; рис. 1) носит ярко выраженный производственный характер. Пахсовые стены, покрытые глиняной обмазкой, уцелели лишь на 10 см в высоту, но глинобитный пол сохранился хорошо. На нем собраны кусочки алебаstra; попадались угольки.

В середине помещения обнаружены немногочисленные черепки глиняных сосудов; в проходе в комнату № 5 (ширина прохода 1 м) лежали фрагменты хумчи, красноангобированных чаш, толстостенного котла домашней работы, сделанного из грубого глиняного теста с примесью шамота. В северо-западном углу найдены два бруска. Один из твердого камня — плитняка, другой из мягкого зеленовато-голубого талька. Оба камня обточены, на поверхности сохранились следы работы. Рядом с камнями встречена подчетыреугольная лощилка из серого гранита и каплевидная уплощенная бирюзовая заготовка подвески (рис. 5, 2, 5). Изделие обточено, но еще без отверстия.

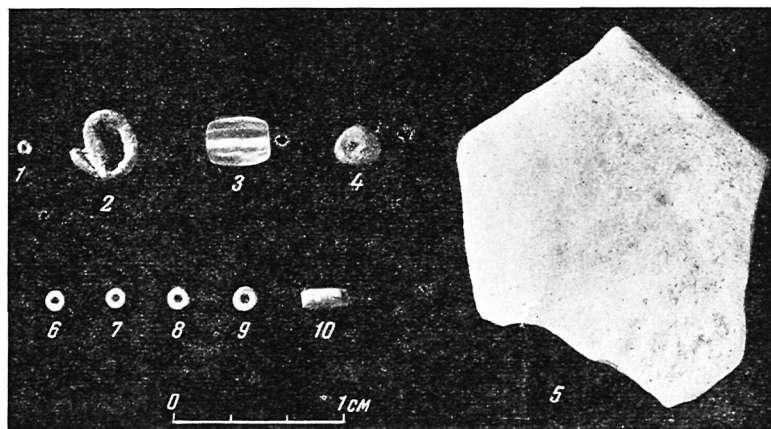

Рис. 4. Вещи из дома на архаическом поселении близ Дингильдже:

1 — бронзовая бусинка; 2 — бронзовая подвеска; 3 — хрустальная восьмигранная бусина; 4 — каменная заготовка бусины; 5 — пластинка из алебастрового раствора; 6 — 10 — бусины из бирюзы

На расстоянии 1,2 м от юго-западного угла лежал обломок точила с отверстием в верхней части (рис. 5, 1). Там же собраны мелкие кристаллы гипса, а в северо-западном углу — фрагменты неопределимого бронзового предмета. Около восточной стены найдены две зернотерки средних размеров.

Вероятно, это небольшое помещение служило мастерской по шлифовке бус, изготавливавшихся обитателями дома. Отдельные мелкие кусочки еще не обработанной бирюзы собраны на поверхности нескольких помещений.

Помещение № 10 (площадь — около 50 м²; рис. 1) вскрыто полностью. Оно вытянуто с запада на восток, прямоугольное, с двумя выходами — одним во внутренний центральный коридор, другим (в западной стене) в помещении № 14, в котором видны остатки печи производственного назначения (насколько можно судить по ее величине и мощности прокаленного слоя вокруг). Планировка помещения № 10, стены которого сохранились на высоту до 0,5 м, отличается от планировки первых двух. В западной части оно разделено на два отсека перегородкой (длиной 3,65 м), идущей до середины комнаты.

Расчищенная северная часть помещения (32 м²) показала, что на расстоянии метра от торца перегородки сооружена выкладка (1,1 × 1,1 м) из

сырцовых кирпичей, положенных с небольшим напуском края на невысокий паховый столбик. Высота всей выкладки с восточной стороны — 0,43 м, с западной — 0,31 м. Разница эта обуславливается уклоном пола, поверхность же кладки горизонтальна. Выкладка обожжена в центре. Рядом с горелым пятном найден небольшой бронзовый стерженек.

Примерно в полуметре от северной стены расчищена вторая, более низкая, выкладка (0,9 × 0,9 м). Высота ее всего 20 см. Поверхность сильно испорчена. На выкладке (очевидно, это была небольшая суфа) и к востоку от нее лежали черепки стоявшего в углублении хума, а с западной стороны была яма размером 0,65 × 0,50 × 0,80 м, в которой сохранились

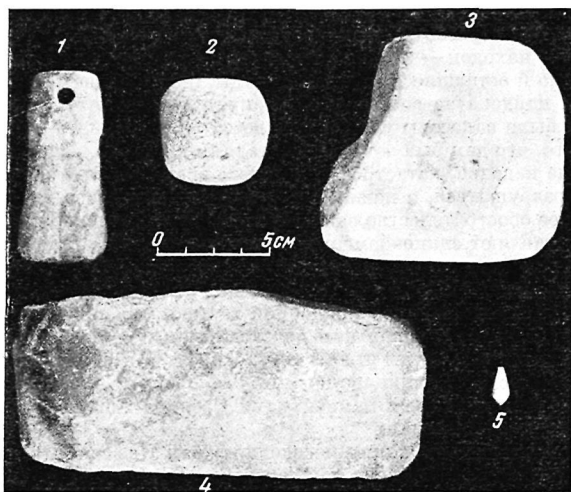

Рис. 5. Изделия из камня, найденные в помещении № 4:

1 — точильный брусок; 2 — лоцилка из гранита; 3 — лоцилка из голубоватого алебаstra; 4 — лоцилка из плитняка; 5 — подвеска из бирюзы

зола, угли, фрагменты красноангобированных чаш и хумчи, большая зернотерка, кусочки алебаstra, комочки красной краски. К западу от ямы — очажное пятно, возле которого собраны фрагменты грубого сосуда ручной лепки, черепки красноангобированных чаш, две зернотерки и плохо обожженный призматический кирпич типа очажных подставок для сосудов. Сделан он из очень плохого глиняного теста с обильной примесью крупного шамота и дресвы.

Между этой выкладкой и северной стеной собраны фрагменты небольшой хумчи с широким плоским дном и росписью (рис. 2, 4) и обломки таза. Таким образом, большинство находок в помещении было сосредоточено у второй выкладки типа суфы.

Среди находок обращает внимание плоская шестигранная вытянутая пластинка из алебастрового раствора (рис. 4, 5). Назначение ее непонятно. Судя по этой находке, а также по многочисленным кусочкам алебаstra, собранным в других помещениях, жители поселения были хорошо знакомы с приготовлением алебастрового раствора, который, однако, не применялся в качестве строительного раствора, а использовался, очевидно, при отделочных работах.

В северо-западном углу комнаты № 10 найдена еще одна зернотерка и скопление мелкораздробленной дресвы.

По комплексу находок пока еще трудно определить, было ли помещение хозяйственным или имело иное назначение. Обилие зернотерок при отсутствии следов зерна, скопление дресвы, куски красной и желтой краски, алебаstra позволяют высказать предположение о производственном назначении помещения, тем более, что недалеке от него находится большая печь. Обломки таза, хумчей и хума не противоречат такому предположению, так как перечисленные сосуды могли служить и производственным целям.

В результате раскопок устанавливается, что исследуемый нами дом — памятник однослойный, не перекрытый последующими наслоениями и не подвергавшийся серьезным перестройкам.

Характер находок — сконцентрированные в отдельных помещениях раздавленные и оставшиеся на месте сосуды, шлифовальные камни, рядом с которыми найдена не вполне обработанная подвеска, а также и то, что помещения были занесены песком еще до их разрушения, — все это свидетельства того, что дом был оставлен жителями внезапно, вследствие какой-то, пока еще неясной, катастрофы, и долгое время стоял в запустении, затем начал разрушаться, и жизнь в нем не возобновлялась.

Последнее обстоятельство важно тем, что все собранные при раскопках находки составляют единовременный археологический комплекс.

Особое значение имеет исследование собранной керамики. Во всех помещениях она в общем была однородна. Найдены фрагменты хумов, хумчей, газов с подкошенной придонной частью, черепки красноангобированных чаш, бокалов с маленьким плоским дном и сильно расширяющимся к устью туловом. Сосуды эти по типу относятся к ремесленной керамике, так называемой цилиндро-конической формы, хорошо известной археологам, занимающимся памятниками Средней Азии времени раннего ирригационного земледелия.

Она обнаружена на таких поселениях, как Кювели-гыр в Хорезме³, Кобадан-I в Северной Бактрии⁴, Афрасиаб I в Согде⁵, Гяур-кала в Мерве (нижний слой)⁶, Яз-деле-II и III в Маргиане⁷ и на других теперь уже довольно многочисленных памятниках второй четверти — середины I тыс. до н. э. (рис. 6).

Однако значение найденной на поселении у Дингильдже посуды заключается не только в том, что к обширному списку уже известных памятников прибавляется еще один, но также и в том, что благодаря этим находкам мы можем попытаться охарактеризовать поздний этап архаического периода в Хорезме, предшествовавший появлению кангуйской культуры.

Рассматривая керамику с поселения у Дингильдже, мы должны отметить, что при сохранении ряда признаков, характерных для посуды архаического периода, намечаются новые черты: наличие росписи на хумчах, появление широкого плоского дна и валиков по плечикам у некоторых хумчей, исчезновение острого ребра в нижней трети высоты тулова

³ М. Г. Воробьева. Керамика с городища Кюзели-гыр. «Труды ХЭ», т. II, 1958.

⁴ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадан). МИА, № 37, 1953, стр. 280—281, рис. 18, 19.

⁵ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, рис. 69, II.

⁶ В. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-кале в Старом Мерве. «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1. Ашхабад, 1949, стр. 39—41, рис. 5 и 7.

⁷ В. М. Массон. Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. КСИИМК, LXIV, 1956, стр. 65, рис. 25; его же. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. «Изв. АН Туркм. ССР», № 2, Ашхабад, 1956, стр. 19, рис. 2.

Ясы-депе у Душана	Намазга V века период	Намазга V-VI	Элькен-депе	Анау IV	Яз II	Яз III	Кюзели-гыр	Дингильдже	Кобадян I	Афрасиаб I	Балх	Над-и-Али
	φ φ	⊗ ⊗ ⊗ ⊗	⊗	⊗				⊗		φ φ		
φ φ φ φ φ φ	⊗ ⊗	⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗	⊗ ⊗ ⊗	⊗ ⊗ ⊗	⊗	⊗	⊗ ⊗ ⊗	⊗ ⊗ ⊗ ⊗	⊗			⊗ ⊗
⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗	⊗ ⊗	⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗	⊗ ⊗ ⊗	⊗ ⊗	⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗	⊗ ⊗ ⊗	⊗ ⊗ ⊗ ⊗	⊗ ⊗	⊗ ⊗	⊗ ⊗ ⊗	⊗ ⊗	⊗ ⊗ ⊗
⊗	⊗	⊗ ⊗	⊗	⊗	⊗	⊗	⊗	⊗	⊗			
		⊗ ⊗ ⊗	⊗ ⊗	⊗	⊗ ⊗		⊗ ⊗	⊗ ⊗ ⊗	⊗			
				⊗		⊗	⊗	⊗				⊗

Рис. 6. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа из различных районов Средней Азии и Афганистана
(в графах Кюзели-гыр, Дингильдже, Афрасиаб I сверху изображены сосуды ручной лепки)

красноангобированных чаш, появление чаш с отогнутым бортиком, ваз на высоких полых ножках и красноангобированных кувшиновидных сосудов, не вырабатывавшихся прежде.

Некоторые из этих новых элементов уже известны по керамике верхнего слоя городища Кюзели-гыр, но плохая сохранность горизонта и естественная в таком случае перемешанность материала затрудняли исследование.

В доме же близ Дингильдже в одном и том же помещении на полу *in situ* лежат раздавленные сосуды, причем одни из них выделаны по старым образцам, а другие уже по новым.

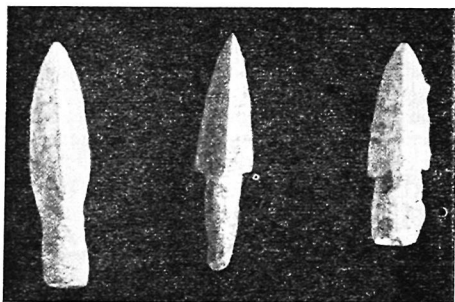

Рис. 7. Бронзовые наконечники стрел, найденные на поверхности дома на архаическом поселении близ Дингильдже

При сравнении найденной нами керамики с керамикой того же времени с других памятников наиболее близкие аналогии можно найти в комплексе посуды из верхнего горизонта Кюзели-гыра (Хорезм), датирующегося наконечниками стрел первой половины V в. до н. э.⁸

Верхняя дата устанавливается по материалам, собранным на городище Калалы-гыр-I (Хорезм) в слое, относящемся к периоду строительства. Там мы видим дальнейшее раз-

витие керамических форм, во многом уже близких классическим кангуйским образцам. По целому ряду археологических и исторических данных С. П. Толстов и исследовавший памятник Ю. А. Рапопорт датировали период постройки крепости Калалы-гыр-I концом V в. до н. э.⁹ Датировка эта не вызывает сомнения.

Таким образом, поселение близ Дингильдже может быть датировано примерно серединой V в. до н. э. Этому предположению не противоречит и дополнительный датирующий материал, собранный на поверхности помещений дома — бронзовые наконечники стрел (рис. 7) и бусы из бирюзы.

В планировке дингильджинского дома сказалось влияние ранних традиций, восходящих ко времени нижнего горизонта городища Кюзели-гыр. Северный коридор здания является как бы отголоском идущих по периметру коридорообразных помещений городищ с жилыми стенами. Устройство внутреннего коридора, делящего дом на две половины, прослеживается и до сих пор в народной архитектуре Хорезма, указывая на чрезвычайную древность и устойчивость этой традиции, зародившейся в середине I тыс. до н. э. Интересно, что для помещений верхнего горизонта Кюзели-гыра (как и в доме у Дингильдже) характерны прямоугольные выкладки из сырцовых кирпичей.

Изучение плана сооружения и строительного материала (квадратный кирпич-сырец) не позволяет отрывать памятник от аналогичных ему

⁸ С. П. Толстов. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, стр. 195, рис. 3.

⁹ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1951—1954 гг. «Вопросы истории», 1955, № 3, стр. 177. Ю. А. Рапопорт. Предварительный отчет о раскопках 1953 г. Рукопись. Архив Ин-та этнографии АН СССР.

в других районах Средней Азии. Планировка дома у Дингильдже близко напоминает известный древнебактрийский дом на городище Калаи-Мир (слой Кобадиян-I), исследованный М. М. Дьяконовым¹⁰. И в Кобадиян-I и в Дингильдже обнаружен квадратный сырцовый кирпич. Интересно, что в постройках нижнего слоя Кюзели-гыра употреблялся прямоугольный сырцовый кирпич (53×26×12 см), сменившийся в верхнем слое Кюзели-гыра квадратным (40×40×10 см).

Обращаясь к сравнительной таблице керамики из различных районов Средней Азии (рис. 6), следует отметить, что наиболее близкие аналогии посуде из дома у Дингильдже мы находим в материалах из Древней Маргианы. Много общего и с керамикой Анау-IV.

Очень интересно, что известные черты сходства керамики из дома у Дингильдже и из верхнего горизонта Кюзели-гыра наблюдаются также и на материалах более ранних подгорных культур Намазга-V—VI и верхнего слоя Анау-III. Кроме широко распространенных на памятниках раннего железа Средней Азии форм сосудов для хранения запасов, чаш и кубков, следует отметить вазообразные на высокой полой ножке сосуды, обнаруженные в Хорезме только в верхнем слое Кюзели-гыра и на поселении у Дингильдже. Существование подобных сосудов в Хорезме было кратковременным. Ни ранее, ни позже этого времени они не встречаются. Появление их следует, видимо, связывать с влиянием южных земледельческих культур. В связи с этим напрашивается предположение, что, может быть, не следует слишком отодвигать вглубь даты и Намазга-V—VI и Анау-III (верхние слои). Однако решение этого вопроса — дело будущих исследований, так как пока абсолютная хронология этих культур далеко еще не ясна.

К сожалению, среди изданных находок с интересующих нас памятников почти нет изображений лепных сосудов. В отчетах упоминаются лишь кухонные котлы домашнего изготовления. Вместе с тем посуда домашнего производства скорее может отразить черты этнической близости тех или иных групп населения, тогда как сходство ремесленной керамики свидетельствует скорее о культурных связях.

Среди известной нам лепной керамики периода, соответствующего архаическому времени в Хорезме, котлы из слоя Афрасиаб-I имеют некоторые черты сходства с хорезмскими сосудами.

Рассматривая ремесленную керамику Хорезма, следует обратить внимание на подтреугольную форму венчиков многих сосудов, особенно часто попадающихся в нижнем слое Кюзели-гыра. В керамике позднебронзовой (суярганской) культуры в Хорезме мы встречаем подобный же профиль, обусловленный напелным валиком в нижней части венчика¹¹. Хотя в архаической керамике венчик образован простым отгибанием края наружу и примазыванием его к шейке (а не валиком), не исключена возможность, что столь характерный профиль (реже встречающийся среди посуды других районов Средней Азии) является местной особенностью, которая может указывать на генетическую преемственность культуры раннего железа от позднебронзовой, существовавшей на территории Хорезма.

Близкое сходство ремесленной керамики с посудой древней Маргианы свидетельствует о тесных культурных связях древних хорезмийцев с населением южных районов современной Туркмении, а возможно, и об этнической близости племен, обитавших на этих территориях.

Подытоживая результаты раскопок на поселении у Дингильдже, отметим, что совместными работами топографического и археологического отрядов Хорезмской экспедиции выявлено новое большое неукрепленное

¹⁰ М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 274, рис. 16.

¹¹ См. статью М. А. Итиной в настоящем выпуске и там же рис. 8.

поселение, существовавшее в позднеархаический период и датирующееся серединой V в. до н. э.

Население, обитавшее здесь, занималось земледелием, которое базировалось на крупных оросительных каналах, соответствующих современному Кельтеминару. Кроме земледелия, жители занимались скотоводством — разводили крупный и мелкий рогатый скот и верблюдов.

Жилищем были, по-видимому, большесемейные многокомнатные дома. В планировке домов сохранялась традиция, восходящая к городищам с жилыми стенами. Строительная техника стояла на высоком уровне, планировка домов правильная, хорошо продуманная. Стены складывались из пахсы и сырца, причем уже к этому времени относится употребление квадратного сырцового кирпича, близкого к размерам $40-44 \times 40-44 \times 10-12$ см.

Кроме сельского хозяйства, население занималось различными ремеслами, в частности производством бирюзовых бус. О керамическом производстве можно судить по находкам ремесленной посуды, довольно хорошего качества, приготовленной на ножном гончарном круге.

На основании собранного материала — керамики — устанавливается появление в середине V в. до н. э. переходных черт от архаической культуры к кангюйской. По керамике можно судить и о связях Хорезма с другими районами Средней Азии, особенно с древней Маргианой.

Е. Е. Неразик, М. С. Лапиров-Скобло

РАСКОПКИ БАРАК-ТАМА-I в 1956 г.

В 1945 г. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР открыла на северных окраинных землях древнего Хорезма большое поселение, расположенное в бассейне Акча-Дарьи, в 140 км северо-восточнее районного центра Каракалпакской АССР — г. Тахта-Купыра. Центрами поселения являются три здания — Барак-там-I, II и III; изучение самого крупного из них — Барак-тама-I было продолжено экспедицией в 1946 и 1949 гг.

В результате этих работ, имевших разведочный характер, сделаны предварительные обмеры памятника, дано его описание и приблизительно определено время существования (III—IV вв. н. э.)¹.

В октябре 1956 г. отряд экспедиции в составе девяти научных сотрудников и 13 рабочих-землекопов провел на Барак-таме-I стационарные работы². Одновременно детальному исследованию подверглось само поселение: была произведена топографическая съемка, сделаны планы нескольких домов, и, кроме того, археолого-топографический отряд собрал данные относительно оросительных систем, на которых базировалось поселение.

В его окрестностях обнаружены следы мелкой оросительной сети и две прямоугольных планировки (вероятно, остатки бахчи или виноградника), а в 5 км к северо-востоку — валы крупного магистрального канала, до самого поселения, однако, не прослеживающегося. Водами этого канала, берущего начало из протока Акча-Дарьи, и орошалась, вероятно, территория Барак-тама. Поселение протянулось больше чем на 4 км с севера на юг и состоит более чем из 40 небольших домов, представляющих собой в настоящее время сильно оплывшие и почти сравнявшиеся с поверхностью земли бугры (рис. 1). Дома, размеры которых по площади колеблются в пределах 80—100 м², чаще всего состоят из двух-трех помещений.

Постройки группируются вокруг трех зданий — Барак-тама-I, II и III. Очень интересны гончарные печи, открытые в поселении, около которых найдены осколки глиняных вогнутых подставок, употреблявшихся при формовке сосудов на кругу.

¹ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1945 г. «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1946 г., т. 3, № 1, стр. 83—86. Е го же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 21, 53 и др. М. А. Орлов. Барак-там. «Труды ХЭ», т. I, 1952, стр. 135—152.

² Работа велась с 27 сентября по 22 октября отрядом в следующем составе: начальник отряда Е. Е. Неразик, архитекторы Д. С. Витухин, М. С. Лапиров-Скобло, научные сотрудники Р. Л. Садоков, С. А. Трудюнская, лаборанты В. Ф. Белокопытова, М. И. Земская, коллектор В. А. Лоховиц, фотограф Ю. А. Аргиропуло.

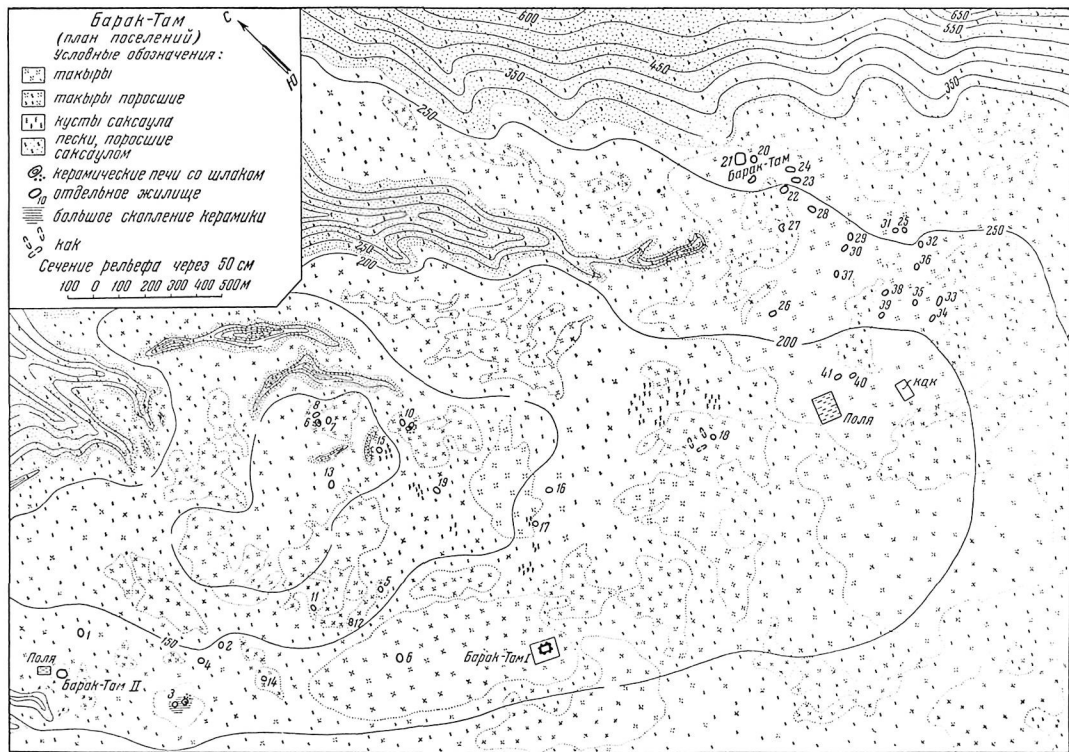

Рис. 1. План поселения Барак-там

Основную часть подъемного материала составляет керамика, которая может быть четко разделена на две группы: ремесленную и лепную.

Ремесленная керамика хорезмского происхождения имеет античный облик: это хумы с венчиком в виде овального в сечении валика, без шейки, со слабо выраженным выступом на плечиках, горшки, кувшины с узким высоким горлом и утолщенным подтреугольной формы венчиком, чаши (рис. 2). Сосуды с красным в изломе черепком достаточно хорошо обожжены и покрыты красным ангобом. Встречается также зелено-серый и бурый ангоб.

Керамика второй группы — это лепные сосуды, сделанные из глиняного теста с примесями крупнодробленых шамота и дресвы. Наиболее распространенными видами являются крупные сосуды типа хумчей, котлы

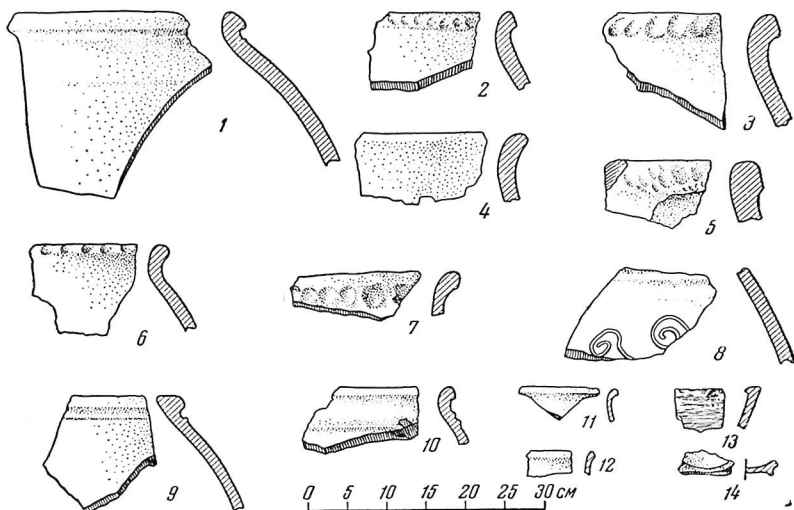

Рис. 2. Керамика из поселения

и горшки с сильно выпуклым туловом, низким горлом и плоским дном. Утолщенные и уплощенные венчики многих из них орнаментированы зацепками или ямками от вдавлений пальцами. Вмятины от пальцев заметны также на горле под венчиком некоторых из сосудов. Керамика этой группы пока не находит себе прямых аналогий. По орнаментации, технике выработки и составу глиняного теста она напоминает керамику из верхнего разрушенного слоя Куня-Уаза, датированную концом IV—V вв. н. э., а также из одновременных ему слоев городищ Топрак-кала, Думап-кала, Эрес-кала и из Дингильдже (IV—VI вв. н. э.), для которых характерно сочетание лепных сосудов, украшенных пальцевыми вдавлениями с ремесленными античными. Некоторые барактамские сосуды напоминают афригидские хумчи VI—VIII вв. н. э. Исходя из всего этого, керамику из Барактама и весь комплекс поселения в целом можно датировать концом IV — началом V в. н. э.³

³ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, № 1, 1958, стр. 127 и сл.; см. также статью С. П. Толстова в настоящем сборнике.

Барак-там-I представляет собой двухэтажное сооружение, высота которого достигает в настоящий момент 10 м (рис. 3). В плане это правильный прямоугольник, приближающийся к квадрату, размерами 18,1 (18,0) × 17,4 (17,3) м. Здание расположено в центре двора (100 × 100 м), окруженного низкими расплывшимися валами стен. Вход во двор находился, видимо, посредине южной стены, против входа в здание.

С северной, восточной и южной сторон здания возведены приставные стены. Первые две — из пахсы, толщиной соответственно 1,0 и 1,2 м, третья — кирпичная, — толщиной 1,5 м, причем приставлена она лишь к средней части фасада. Западная и участки северной и восточной основных

Рис. 3. Здание Барак-там-1. Вид с востока

стен, доступные обозрению благодаря частичному разрушению приставных, обработаны пилястрами-лопатками, шириной 1,1 м, выступающими за линию стен на 15—20 см, и покрыты плотным слоем обмазки с примесью самана.

Здание прекрасно сохранилось, особенно нижний этаж, где в значительной степени уцелели сводчатые перекрытия помещений.

В Барак-таме полностью сохранен принцип построения монументальных многоярусных сооружений из сырцового кирпича, получивший наиболее полное развитие в позднеантичный период Хорезма и перешедший в архитектуру средних веков, когда даже сравнительно небольшие сооружения — дожионы укрепленных усадеб мелких землевладельцев — в нижних этажах имели сводчатые помещения, составлявшие конструктивную основу вышележащих этажей.

Основная часть нижнего этажа Барак-тама представляет собой три сообщающихся друг с другом прямоугольных в плане сводчатых помещений, два из которых, расположенные параллельно (№ 2 и 3), замыкаются третьим, расположенным перпендикулярно их продольным осям. Это помещение разгорожено на две соединенных между собой комнаты (№ 4 и 5) (рис. 4, 1, 2 и 3).

В наружных торцах этих сводчатых помещений прорезаны окна шириной около полуметра и высотой в один метр, имеющие форму античных

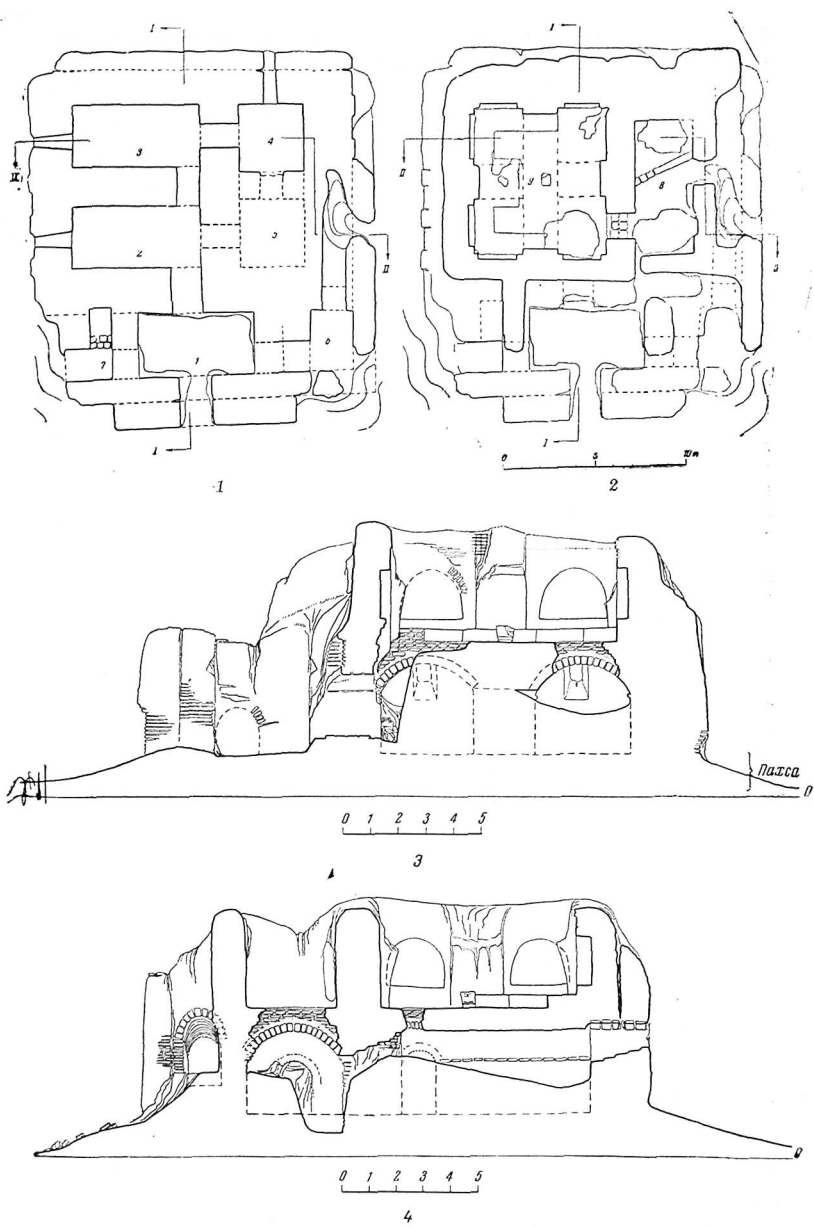

Рис. 4. Поэтажные планы и разрезы:
 1—план нижнего этажа; 2—план верхнего этажа; 3—разрез I—I; 4— разрез II—II

бойниц со стрельчатым перекрытием. Окна расширяются внутрь здания. Дно их сильно покато, причем разница отметок достигает 95 см. Они являются исключительно световыми проемами и не несут функций бойниц, хотя снаружи сильно их напоминают. Скошенные внутрь стенки и основания проемов свидетельствуют лишь о стремлении строителей пропустить наибольший световой поток внутрь помещения, тогда как для целей обороны эти скосы должны были быть обращены наружу.

Южную часть нижнего этажа здания занимает большое помещение «вестибюль» (по нашей нумерации № 1), площадью $3,32 (3,62) \times 6,34 (5,37)$ м, также перекрытое сводом, следы которого обнаружены на северной и южной стенах на высоте 2,68—2,76 м от нижнего пола. Из вестибюля открываются четыре арочных проема. Проем, находящийся в центре южной стены помещения, является входом в здание. Остальные три прохода ведут во внутренние помещения. Один из них — северный — соединял вестибюль с комнатами нижнего этажа; в другом — восточном проеме начинался узкий пандус, ведущий вдоль восточной стены на второй этаж и крышу; западный вел в небольшую тупиковую юго-западную комнату.

Вестибюль был раскопан полностью. Он оказался заполненным завалом толщиной около 3 м, образованным песчано-глинистыми намывами пад полом (50—60 см) и кирпичами обрушившегося свода, перекрывавшего комнату. В помещении открыто два пола. Нижний, имеющий уклон к южной стене (отметка +1,49 м, +1,57 м), отделен от верхнего (+1,59 м, +1,71 м) 15-сантиметровым слоем глинистой массы с большим количеством самана. Культурный слой в помещении отсутствует. Из находок следует отметить лишь нижнюю челюсть мужского черепа, найденную над верхним полом.

Юго-западная тупиковая комната (№ 7) также раскопана целиком (рис. 5, I). Внутри нее оказалось кирпичное сводчатое сооружение, имеющее при длине 2,2 м ширину 1,3 м и высоту 1,7 м. Пол его поднят по отношению к полу помещения на 0,4 м и намазан на глиняную забивку, служащую также основанием его стен. Назначение этого сооружения неясно. Некоторые догадки могут быть основаны на находке рядом с ним на полу и в проходе, соединяющем комнату с вестибюлем, человеческого черепа и костей. Очень интересно, что с этой находкой перекликается легенда о царе Бараке⁴. Барак помешал свиданию своего охотничьего орла с матерью, прилетевшей его навестить. Рассерженный орел поднял Барака высоко в небо и сбросил вниз. Барак расшибся и был похоронен у себя в доме.

Может быть, открытое нами сооружение является своего рода домашним склепом владыки Барак-тама, действительно, как говорит легенда, похороненного у себя в доме? На эту мысль наводит также и то обстоятельство, что западная стена вестибюля, с которой интересующее нас сооружение конструктивно связано, производит впечатление возведенной позже и отгородившей часть вестибюля, превратившуюся в самостоятельное помещение. Торцовая стена сводчатого сооружения несколько заглублена в северную стену (общую для вестибюля и данного помещения), но это заглубление сделано не в процессе постройки здания, а в результате позднейшей врубки — на стене ясно обозначаются следы инструмента, напоминающие следы от кирки.

Хорошая сохранность помещений нижнего этажа позволила подробно выяснить строительные конструкции и приемы, которыми пользовались мастера при возведении Барак-тама-I. Своды перекрытия состояли из одного ряда клиновидных кирпичей размерами $30 \times 20 (21-23) \times 9 (9,5)$,

⁴ См. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. стр. 21.

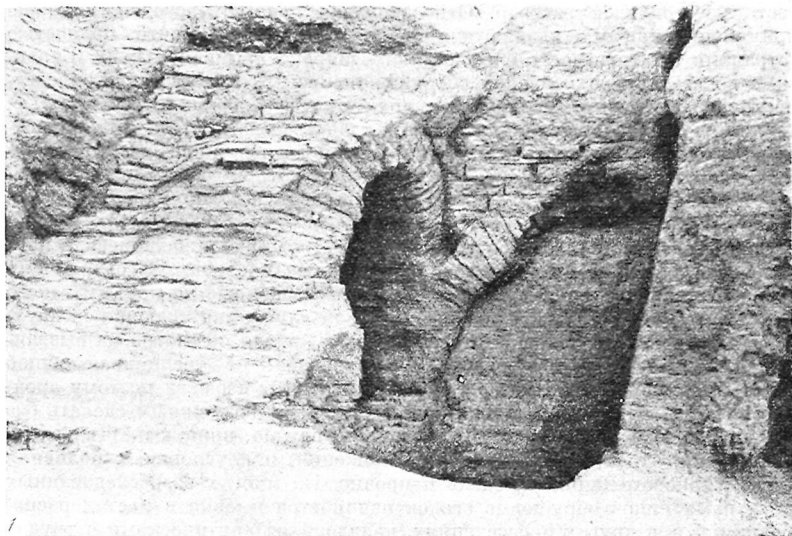

Рис. 5.

1 — сводчатое сооружение в помещении № 7 и помещении № 6; 2 — проход на второй этаж

укладывавшихся почти насухо, т. е. был применен прием бескружалной кладки наклонными кольцами (поперечные отрезки). Кирпичи свода отформовывались из глины с большой примесью самана. Из такого же теста изготовлялся раствор. Относительная пологость сводов, а также применение при их кладке клиновидных кирпичей, почти полностью устранили необходимость в расклинках, широко применяемых на Барак-таме во всех других случаях сооружения арок и сводов, как это повсеместно было распространено и в архитектуре Хорезма. Особенностью, причем очень характерной для техники кладки сводов Барак-тама, является то, что здесь для расклинки применялась не керамика, как это делалось в античном Хорезме, а кости животных, которые в большом количестве обнаружены как в кладке сохранившихся участков сводов, так и в завале свода в вестибюле.

Кривые очертания сводов трехцентровые, но приближающиеся к циркульным. Они описаны из сильно пониженных центров, благодаря чему производят впечатление лучковых. Своды, возведенные по кривым такого очертания, имеют большой распор, в данном случае погашающийся двухметровой толщиной несущих стен. Лучковая кривая, несмотря на вызванное ею утолщение стен, вполне целесообразна: не увеличивая общей высоты помещения, она позволила повесить пяты свода, и поэтому арочные проходы между помещениями представилось возможным сделать без большой врезки в оболочку. В противном случае пришлось бы делать распалубки, что в конструктивном отношении, при условии выполнения их из сырцового кирпича, очень непрочно. На многих из обследованных нами памятников обрушение сводов начинается именно в местах распалубок или при других пересечениях, являющихся критическими и трудно выполнимыми местами кладки, что, кстати, имело место и на Барак-таме в помещении № 6. Большое обрушение перекрытия наблюдается также в помещении № 2, где из-за того, что проход из вестибюля был несколько большей высоты, чем другие проходы, пришлось сделать распалубку, прорезав оболочку свода и нарушив этим самым его монолитность.

По примеру античного Хорезма, где своды при больших пролетах делались двойными (нижний, как правило, возводился поперечными отрезками, а верхний был обыкновенным клинчатый), рассматриваемые нами своды сделаны также двойными, причем нижним «опалубочным» служил уже описанный нами свод, выложенный «поперечными отрезками», а верхним являлась охватывающая его по контуру 20-сантиметровая глинобитная оболочка. Заполнение между сводами нижнего этажа и полами верхнего образовывали два ряда горизонтально положенных кирпичей (40—42 × 40—42 × 9—10 см), из которых строились наружные и внутренние стены. То, что во время предварительных исследований представлялось «нивелирующим слоем глины»⁵, на самом деле оказалось полом второго этажа, на котором были возведены суфы, прибитые за четыре слоя кладки, образующие конструкцию перекрытия над первым этажом. Таким образом, толщина перекрытий нижнего этажа равняется 0,7—0,75 м. Высота помещений, видимо, немногим превышает 3 м. Судить об этом на данном этапе работы еще очень трудно, так как, кроме вестибюля, где свод не сохранился в нижнем этаже, раскапывалось только помещение № 4, но и то не до пола. Это помещение, вернее, его юго-западный угол, оказалось заполненным рыхлым комковатым кирпичным завалом, переходящим на отметке +1,25 м в мягкую пылевидную засыпку. На этой же отметке кончаются стены. В северо-западном углу структура завала была иная: здесь залегали толстым слоем песчано-глинистые намывы, находя-

⁵ М. А. Орлов. Указ. соч., стр. 144, рис. 8.

щияся, возможно, на полу, что осталось, однако, невыясненным. Можно предположить, что в помещениях нижнего этажа пол находился на уровне пола вестибюля, т. е. на отметке +1,49, +1,50 м от такыра. В помещении № 4 в юго-западном углу могла быть яма. Кроме того, нам сейчас еще ничего не известно о фундаменте Барак-тама-1. Судя по зачистке участка западной стены здания, основанием его стен служили два ряда пахсовых блоков, общей высотой 1,44 м. Поскольку эта отметка совпадает с отметкой нижнего пола помещения № 1, такой пахсовый фундамент, очевидно, подведен под все здание. Однако результаты раскопок помещения № 4 нижнего этажа дают основание предполагать и другой вариант: пахсовые блоки могли подводиться только под стены здания, а полы помещений — настилаться на мягкую засыпку, которая и была, возможно, обнаружена в юго-западном углу помещения № 4. Доказать, какой из вариантов более правильный — дело будущих раскопок.

Нижний этаж сообщается с верхним при помощи пандуса, начинающегося в восточном проеме вестибюля. В юго-восточном угловом помещении (№ 6) пандус прерывается, переходя в ровную поверхность, и затем вновь поднимается (вдоль восточной стены) к проходу во второй этаж и далее на крышу. Место перехода пандуса на крышу здания еще не обнаружено. Возможно, что сильное смещение северной стены помещения № 8 относительно соответствующей стены смежного с ним зала указывает на то, что этот переход был именно здесь (см. план).

Пандус при выходе из помещения № 6 вначале был открытым, но, очевидно, вскоре его перекрыли сводом, образовав наклонный коридор.

Проем над пандусом в восточной стене вестибюля перекрыт двойным клинчатым сводом, переходящим затем уступом (при выходе из-под стены) в одинарный, выложенный поперечными отрезками. Пол в коридоре в этом месте переходит из наклонного в горизонтальный, сливаясь с полом помещения № 6. В данном случае, как впрочем и во всех остальных, когда проем, перекрытый аркой, устроен в стене значительной толщины, понятия арки и свода становятся равнозначными, так как сам проем фактически превращается в отрезок коридора.

Помещение № 6 было перекрыто сводом, выполненным методом поперечных отрезков и идущим перпендикулярно направлению части коридора, выходящего из вестибюля. Своды их взаимно пересекались и в силу крайней непрочности такой конструкции (о чем говорилось выше) полностью обрушились — сохранились лишь несколько колец перекрывающего коридор свода (в месте его примыкания к стене вестибюля) и небольшие участки пятовой части свода помещения № 6, примыкающие к его северной торцовой стене (рис. 5, 2).

Коридор, ведущий из помещения № 6 вдоль восточной стены на второй этаж, на протяжении примерно 1,3 м идет горизонтально, поднимаясь затем круто вверх. Горизонтальная часть его перекрыта обычным клинчатым сводом из крупных кирпичей размером $38 \times 38 \times 9(10)$ и $40 \times 40 \times 9(10)$ см. Участок восточного коридора с наклонным полом (на протяжении 2,25 м вдоль восточной стены) имеет свод, выложенный поперечными отрезками из такого же кирпича, как и в помещениях нижнего этажа, причем его кольца получают наклон в сторону понижения пола, чем облегчается выполнение кладки свода и уменьшается нагрузка на пяты, частично передаваясь на торец.

Далее коридор продолжается уже только в виде открытого пандуса — перекрытие и наружная стена обрушились.

Южный и восточный коридоры заполнены намывами толщиной примерно 1,2 м. На срезе в восточном коридоре видны очертания какого-то отверстия, может быть, грабительского лаза, также заполненного намывами несколько другой плотности. Ширина и высота лаза примерно

равны ширине и высоте коридора, однако по направлению к юго-восточной площадке он постепенно суживается.

Помещения верхнего этажа раскопаны полностью. Большую часть площади занимает обширная прямоугольная комната (№ 9) — парадный зал, расположенный в северо-западном углу (рис. 4, 2 и рис. 6).

Рис. 6. Парадный зал

Зал был заполнен слоями песчано-глинистых патеков толщиной 1,5—2 м, поднимавшимися к углам. В центре эти слои, толщина которых уменьшалась до 0,7 м, подстилали кирпичный завал арок. Для того чтобы могло отложиться такое количество патеков, зал должен был простоять сравнительно длительный срок открытым.

После снятия завала выяснилось, что вдоль стен зала, за исключением восточной, идет суфа высотой в 0,4 м, шириной у северной и южной стен — 1,07 м, вдоль западной — 1,2 м. Против середины западной стены она образует выступ шириной 2,6 м и длиной 1,4 м.

Как можно заключить по отпечаткам краски и ниток на затеках, наслоившихся на поверхности суфы, она до заступления здания была покрыта коврами, в окраске которых преобладали малиновый, лиловый, желтый и зеленый тона. В центре помещения против выступа суфы открыта кирпичная выкладка высотой около 58 см, расширяющаяся кверху: размеры по полу 45×55 см, поверху — 47×65 см. На ее обмазанной верхней плоскости расчищено зольное пятно; видимо, в этом месте стояла жаровня или светильник, подставка для которых и служила выкладка.

На полу вокруг нее обнаружено прокаленное пятно кострища. Никаких признаков культурного слоя над полом не было — непосредственно на нем залегали песчано-глинистые намывы. Находок, кроме нескольких невыразительных обломков толстостенного сосуда в слое над полом и костей животных в кирпичном завале, употребившихся в качестве расклинок при выкладке арок, в помещении не было.

Середину каждой из стен помещения занимают сильно разрушенные поверху выступы шириной в четыре кирпича (около 1,9 м) с отступом

(по уровню пола) в 0,3 м. Они имеют уклон внутрь помещения, причем их лицевые поверхности (наклонные) представляют собой очень пологие кривые, приближающиеся к прямым. Первоначально эти выступы были приняты за пилястры, но дальнейшее обследование позволило установить, что это основания арок, опиравшихся на пол, и выдвинуть два варианта перекрытия зала.

Рис. 7. Завал арок парадного зала

По первому варианту реконструкции М. А. Орлова, сделанной по материалам разведок экспедиции 1945 и 1949 гг., плоское перекрытие зала поддерживалось двумя взаимпересекающимися арками большого пролета (от стены до стены). По второму — эти арки были более чем вдвое меньшего пролета и опирались на центральный столб⁶.

Раскопки подтвердили первый вариант реконструкции перекрытия. Тщательная расчистка кирпичного завала выявила, что он образован обрушением двух арок, пересекавшихся над центром помещения, причем продольная арка, перекинутая в направлении север—юг, была сплошной, поперечная же состояла из двух отрезков, примыкавших к продольной. Обе арки были сложены из двух рядов крупных кирпичей 40 (41, 42) × 40 (41, 42) × 9—10 см, уложенных вперевязку (рис. 7).

Точный замер (через 20 см по высоте) и тщательный анализ кривизны сохранившихся частей основания арок убедил, что это основания двух взаимпересекающихся больших арок и позволил установить примерный характер их очертания.

Судя по крутизне подъема кривых сохранившихся оснований арок, их внутренняя направляющая, по-видимому, была описана из трех центров, что сближает арки Барак-тама с известными нам арками античных памятников Хорезма, носящих характер эллипса высокого подъема.

⁶ М. А. Орлов. Указ., соч., стр. 149—152.

Ввиду очень большой высоты арок, что естественно при таком большом пролете, строители заложили их пяты на уровне пола. Однако и при таком положении пят арки должны были подниматься значительно выше стен замка.

Подъем (стрела) арок — в данном случае расстояние от пола до высшей точки — был по нашим подсчетам равен 5,7 м. Над стенами же замка этот своеобразный купол поднимался примерно на 2,5 м, создавая характерный силуэт.

Внутренняя направляющая одной из арок имеет вид несколько более приподнятой кривой, чем у другой, так как при разных пролетах (6,62 м и 7,58) у них один и тот же подъем. То обстоятельство, что арки сделаны при помощи клинчатого приема кладки, предполагает возведение их по кружалам.

Такая сложная конструкция, поддерживающая легкое перекрытие, кажется на первый взгляд неоправданной.

Зодчие того времени в совершенстве владели другими более простыми строительными приемами, позволявшими осуществить перекрытие зала, не загружая его середины опорными конструкциями. Поэтому следует предположить, что отмеченное усложнение конструкции преследовало какую-то определенную цель.

Дело тут очевидно в том, что, по мнению С. П. Толстова⁷, владетель замка, вождь племени полуседлых скотоводов, стремился в облике парадного зала сохранить черты привычного ему жилища кочевников. Взаимопересекающиеся арки являлись как бы уками юрты, поддерживающими войлочное перекрытие зала (никаких следов плоского перекрытия ни на стенах, ни в завале не сохранилось, войлок же могли унести хозяева, когда покидали замок).

В каждой стене, кроме восточной, по обе стороны оснований арок расположены ниши глубиной 45—57 см.

Арки ниш выложены из крупных кирпичей клинчатой кладкой с расклинкой костями.

Пышность убранства помещения, его особая архитектура, полное отсутствие культурного слоя и, главное, наличие в нем специальной центральной выкладки-подставки под светильник заставляют предположить в нем парадный зал, где происходили торжественные приемы и, может быть, имело место отправление каких-то культов.

К востоку от зала находится помещение № 8, где была сделана замечательная находка — остатки ковра, покрывавшего пол. Помещение оказалось сильно разрушенным промоинами, особенно в южной и западной частях. Пол сохранился только в центре (ибо в этом месте он покоился на поперечной стене нижнего этажа), где на него поставлена идущая наискось стенка шириной в один кирпич, отгораживающая северо-западный угол, обрушившийся еще в то время, когда здание было обитаемо.

В этой отгороженной части комнаты расчищен участок пола площадью около 1,5×0,8 м, покрытый ковром, поверх которого шли слои глинисто-песчаных намывов. Ковер удалось вынуть и реставрировать; он оказался паласом, видимо, имевшим рисунок. Эта находка представляет несомненную ценность для науки, ибо является первой находкой паласа IV в. н. э. в Средней Азии⁸.

⁷ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, № 1, 1958, стр. 130; см. также статью С. П. Толстова в настоящем сборнике.

⁸ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, № 1, 1958, стр. 129, 130; см. также статью С. П. Толстова в настоящем сборнике.

Комната № 8, как и соседний парадный зал, видимо, долго простояла открытой, ибо над полом накопился полуметровый слой глинисто-песчаных намывов, на которые обрушились кирпичи свода.

Таким образом, второй этаж состоит лишь из помещений № 8 и 9 (рис. 4, 2). Мало вероятно, что он распространялся также над вестибюлем, юго-восточным помещением № 7 и юго-западным № 6. Видимо, над ними располагались открытые площадки.

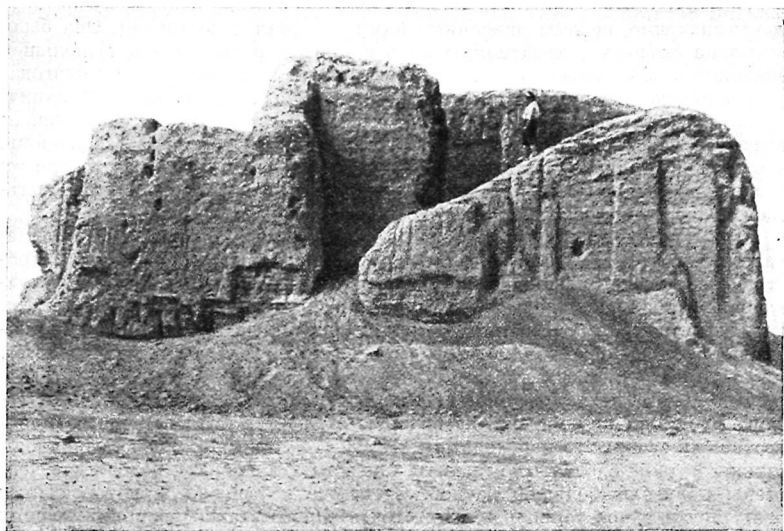

Рис. 8. Восточная стена здания с пандусом, ведущим на второй этаж и крышу

Необходимо остановиться на одном моменте, кажущемся на первый взгляд неясным, но при обследовании нашедшем свое объяснение — возведении внешних приставных стен (северной, восточной и южной).

Обработка стен пилястрами («лопатками»), являющаяся чисто декоративным приемом, естественно позволяет сделать вывод, что стены эти в какое-то время были внешними, тем более что они покрыты к тому же плотным слоем обмазки.

В этой связи северная и восточная приставные пахсовые стены (толщиной соответственно 1,0 и 1,2 м), целиком закрывшие декоративно обработанные поверхности, представляют большой интерес (рис. 8). Возведение этих стен, причем только с северного и восточного фасадов сооружения, может быть объяснено лишь тем, что устроенный с внешней стороны в толще основных (обработанных пилястрами) стен открытый пандус, выводящий во второй этаж и на крышу, был впоследствии, возможно, даже через очень короткое время, перекрыт уже описанным нами сводом: одна пята этого свода была врублена в стену, вдоль которой идет пандус. Для другой пята необходимо было возвести новую опору.

Сооружение ее на самом пандусе не представлялось возможным из-за его сравнительно небольшой ширины (1,4 м): тонкая стена в один кирпич была бы явно неконструктивной, в два — превратила бы коридор в щель. Поэтому и возвели приставную стену, благодаря которой вместо открыто-

го пандуса образовался наклонный перекрытый сводом коридор, правда, все же несколько меньшей ширины, чем пандус. Некоторое сужение коридора было сделано в целях лучшей связи старой и новой стен — последняя своей внутренней стороной опиралась на часть пандуса и как бы «перевязывалась» с ним. Таким образом, пилястры оказались заложенными, потеряв при этом свое декоративное значение, но сыграв зато некоторую конструктивную роль — еще лучше скрепив приставную стену с основной (вертикальная перевязка).

Кирпичная стена, приставленная к южному фасаду здания, имела другое назначение, нежели описанные нами северная и восточная. Она была призвана сыграть декоративную роль и притом роль, имеющую большое значение в объемной композиции всего здания в целом, так как благодаря расположению лишь в средней части фасада и сильному выступанию из его плоскости (на 1,5 м) считается мощным порталом. Декоративная выразительность этого портала усилена еще и тем, что с внешней стороны вертикальные швы кладки оставлены пустыми (без раствора), что при их несколько утрированной ширине в условиях интенсивного среднеазиатского освещения создавало богатую и своеобразную игру светотени.

При известной монументальности памятника, простоте его объема, лаконичности декоративных форм и компактности планировки в его пространственной композиции без такого портала не хватало бы ярко выраженной оси или какой-либо крупной доминирующей объемной детали, определяющей «лицо» здания. Наличие арки входа решало лишь композицию фасада, но не объема в целом, и здание без портала выглядело бы простым обезличенным кубом.

Кроме того, портал выполняет и конструктивную функцию — он контрфорсирует наружную стену, на которую опирается пята перекрывающего вестибюль свода. Это необходимо потому, что, как уже отмечалось, своды нижнего этажа сделаны по кривым, близким к лучковым, вследствие чего стены получают большой распор. Стена же вестибюля, о которой идет речь, почти вдвое тоньше прочих стен нижнего этажа, воспринимающих нагрузку от сводов, и, естественно, у зодчих появилось правильное стремление к ее усилению.

Уместно отметить, что вообще хорезмские зодчие — а этот замок построен несомненно ими, — как правило, не стремились к решению только декоративных, художественных задач, — эти задачи они органически объединяли с задачами чисто техническими, взаимно обуславливая художественную форму и конструкцию.

Для выяснения глубины залегания древней дневной поверхности двора, а также уточнения границ его стен, подле одной из них, южной, был заложен небольшой раскоп.

Зачистка участка площадью в 5×5 м показала, что дневная поверхность сохранилась лишь под стенами двора, причем уровень ее на 32 см превышает уровень современной поверхности на всей остальной территории, где она, очевидно, разрушена.

Участок древней дневной поверхности был зачищен также у западной стены здания, причем выяснилось, что стены здания в материк не заглублялись.

Глинобитные стены двора, основание которых было также не заглублено, не сохранились (следы их сохранились благодаря уплотнению такыра под стенами). Они были, по всей вероятности, очень невысокими. Их ширина, очевидно, не превышала 1—1,2 м.

Шурф $1,5 \times 1,5$ м, а также траншея шириной 1,5 м и длиной 12 м, проведенная через южную стену, вернее, такыр под ней, установили следующую стратиграфию двора: верхние его слои толщиной 20 см являются продуктом разрушения древнего такыра, смыва крепостных стен и стен зда-

ния. Они залегают на слое плотного однородного суглинка толщиной 40 см, нижний слой которого имеет синеватый оттенок и весь пропитан болотными отложениями. Он покоится на аллювиальном песке, начинающемся на отметке — 64. В траншее прослеживается другой, значительно менее интенсивный болотистый слой (отметка его — 18), который датирован находкой кремневого скребка кельтеминарского типа. Таким образом, задолго до постройки Барак-тама-I здесь была болотистая местность со стоянками первобытного человека.

Двор здания был, очевидно, не застроен; об этом говорит не столько полное отсутствие культурного слоя, который мог быть размыт, сколько отсутствие керамики, обильно представленной за пределами памятника.

Материала, могущего служить основой для датировки здания Барак-там-I, крайне мало. Строительные приемы, примененные при его возведении, античный хорезмский стандарт кирпичей и крайне небогатый керамический материал, представленный фрагментами хума, подобного распространенным на поселении (рис. 2, 1), могли бы ограничить время существования здания первыми веками нашей эры. В то же время архитектуре здания присущ целый ряд средневековых черт, свидетельствующих о том, что это — памятник переходного от античности к средневековью периода. Кроме того, Барак-там-I составляет единый комплекс с поселением. Это дает все основания датировать Барак-там-I временем существования всего поселения (конец IV — начало V вв. н. э.).

Работы на Барак-таме — один из этапов изучения культуры племен, населявших северо-восточные окраины Хорезма. Сведения, полученные благодаря этим работам, ценны тем, что проливают свет на взаимоотношения хорезмийцев с их северными соседями, без понимания истории которых трудно понять историю самого Хорезма, особенно в IV—VI вв., когда эти племена сыграли важную роль в крушении Хорезмского рабовладельческого государства и сложении новой афригидской раннесредневековой культуры, резко отличающейся от античной.

Поселение Барак-там, жителей которого С. П. Толстов считает хионитами, является поселением скотоводов, эксплуатировавших труд рабов, в том числе и хорезмийцев, руками которых был воздвигнут Барак-там-I; они же изготовляли ремесленную керамику.

Своеобразная культура обитателей Барак-тама имеет много точек соприкосновения с культурой Хорезма эпохи Афригидов⁹.

Так, здание Барак-там-I типологически напоминает дожоны замков Беркут-калинского оазиса и могло, по мнению С. П. Толстова, явиться их ранним прототипом, что вполне вероятно, хотя этот вопрос еще окончательно не исследован.

Большой интерес с точки зрения проблемы происхождения афригидской культуры и ее связей с культурами степных племен представляет лепная керамика из поселения. Некоторые ее формы (в частности, хумчи) и особенно манера орнаментации получают широкое распространение в хорезмском раннем средневековье¹⁰.

Все эти данные вновь приводят к уже высказывавшемуся предположению о тесной связи афригидской «варваризованной» культуры Хорезма с культурами периферийных племен, в среде которых могли складываться некоторые ее элементы. Решение этой проблемы — одна из задач разрабатывающихся в Приаралье работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР.

⁹ С. П. Толстов. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956). СЭ, 1957, № 4, стр. 53; см. также статью С. П. Толстова в настоящем сборнике.

¹⁰ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, № 1, 1958, стр. 129.

Е. Е. Неразик

РАСКОПКИ В БЕРКУТ-КАЛИНСКОМ ОАЗИСЕ

в 1953—1956 гг.

В Каракалпакской АССР на землях Кырк-Кызского участка Турткульского района сохранилось огромное земледельческое поселение древнего Хорезма, состоящее более чем из ста памятников VI—VIII вв. н. э. — Беркут-калинский оазис.

Изучение этих памятников — очень важная часть исследования всей эпохи раннего средневековья, эпохи становления феодализма, ибо основные процессы зарождения нового экономического строя происходили, как известно, именно в деревне.

Работы в оазисе были начаты в 1937 г. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией АН СССР под руководством С. П. Толстова. В довоенное время проведена топографическая съемка большей части оазиса и раскопано четыре усадьбы — Ташик-кала, № 4, 34 и 36.

Эти работы дали возможность С. П. Толстову сделать ряд важных выводов, касающихся не только истории самого оазиса и его датировки, но и характера социально-экономических отношений в Хорезме VI—VIII вв., определенных им как отношения зарождающегося феодализма¹. Тем самым была окончательно разбита господствовавшая в 20-х годах XX в. теория «извечного феодализма на Востоке», что имело огромное значение для дальнейшего развития исторической науки.

Следует отметить также работы первого исследователя оазиса А. И. Тереножкина, изложившего их результаты в ряде статей².

В послевоенные годы обследование Беркут-калинского оазиса было продолжено. В значительной степени оно стимулировалось необходимостью надзора за сохранностью памятников, ибо на Кырк-Кызском участке широко развернулось освоение пустыни вновь организовавшимися колхозами. В 1953—1956 гг. раскопкам подвергалось еще девять усадеб — № 32, 50, 18, 19, 59, 30, 92, 115 и самая крупная крепость — Беркут-кала, где был раскопан доижон — жилая башня. Работы велись также на территории замка и примыкающего к нему небольшого городка. Кроме того, археолого-топографический отряд экспедиции занимался изучением оросительной сети оазиса.

В результате этих работ получены интересные сведения о типах сельских поселений Хорезма афригидского времени, а также целый ряд данных, пополняющих представление о жизни его земледельческого населения.

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 151.

² А. И. Тереножкин. Археологическая разведка в Хорезме. СА, № 6, 1940, стр. 168—182; его же. О древнем гончарстве в Хорезме. «Изв. УзФАН СССР», вып. 6, 1940, стр. 56—58 и 63—64.

Главные по объему и значению раскопки Беркут-калы восстанавливают историю возникновения раннесредневекового города, растущего у подножия замка крупного феодала.

* * *

Преобладающая часть сельского населения афригидского Хорезма жила большими патриархальными семьями в отдельно расположенных укрепленных усадьбах-замках, причем подобное расселение сохранилось у потомков хорезмийцев вплоть до недавнего прошлого. Так, все исследователи Хивинского оазиса, включавшего часть территории древнего Хорезмского государства, констатируют, что «селения его состоят из множества недалеко отстоящих один от другого хуторов или замков, в которых живет по одному, по два или по три хозяина, большею частью родственников... Таким образом, главная часть народонаселения в Хивинском владении расселена по хуторам»³.

Вопрос о том, чем вызывается подобное расселение земледельцев Хорезма, не изучен, так же, впрочем, как и вообще причины появления различных типов поселений на территории Средней Азии как в древние, так и в недавние времена.

Не претендуя на окончательность решения, мы считаем, что распространение в Хорезме отдельных большесемейных усадеб обусловлено целым рядом причин, главными из которых являются естественные условия и направление хозяйства, а также формы землевладения.

Предпосылкой возникновения изолированных усадеб является существование хозяйственно независимых коллективов — больших семей. Выделение их из общинных поселков началось в Хорезме значительно раньше афригидской эпохи, к которой С. П. Толстов относит массовое распространение этого явления, что объясняется, по его мнению, распадением поселений кушанского времени на отдельные усадьбы в связи с общим ходом экономического развития и зарождением феодализма.

Характер этих поселений не установлен достаточно отчетливо ввиду их слабой изученности, однако они были, видимо, более компактными и значительными по площади, чем афригидские. Таков комплекс Аяз-кала-III, состоящий из ряда объединенных общей оградой неукрепленных домов с дворами, среди которых резко выделялась крепость аристократической семьи.

Ряд больших по площади поселений кушанского времени открыт в зоне древнего канала Тазабагыб, на территории Беркут-калинского оазиса.

Расселение отдельными усадьбами наиболее отвечало специфике земледелия в Хорезме, заключавшейся в крайней неустойчивости ирригации, ибо она связана с таким капризным водным источником, как Аму-Дарья, и разбросанности пригодной для земледелия земли, расположенной в тесном соседстве с песками (так, Беркут-калинский оазис при ширине 2—3 км имеет длину около 40 км, вытянувшись узкой полосой вдоль канала).

Расположение жилища вблизи полей позволяет постоянно наблюдать за уровнем воды в каналах во избежание наводнения. Ярким доказательством этого довода являются материалы по Таджикистану более позднего времени. Население Таджикистана XIX в. селилось в долинах усадьбами, в горах кишлаками, высвобождая там каждый клочок земли для пашни. Эта скученность в кишлачные поселки из-за малоземелья приводила к тому, что с началом весны мужчины переселялись на летний ток, так как этого требовала подготовка пашни под посевы, наблюдение за ними,

³ М. И. Иванин. Хива и река Аму-Дарья. СПб., 1878, стр. 32.

уборка урожая, не говоря уже об уходе за оросительной сетью⁴. Близость дома облегчала этот труд.

Стойкость длительного сохранения большесемейных патриархальных коллективов в Хорезме объясняется тесными связями со степными кочевниками, постоянно поддерживавшими и укреплявшими их.

* * *

Беркут-калинский древний оазис вытянулся вдоль канала Тазабагъба, параллельно которому, иногда почти совпадая с ним, прорыт ныне действующий Кырк-Кызский канал. На землях его теперь находятся пять новых колхозов, ведущих широкое наступление на пустыню.

Центром оазиса является крепость Беркут-кала, площадь которой превышает шесть га.

Беркут-кала состоит из замка и небольшого городка, выросшего у ее южной и восточной стен (рис. 1).

Замок, в плане представляющий квадрат (100×100 м), ориентирован углами по странам света. С трех сторон, северной, западной и восточной, он окружен крепостными стенами, достигающими высоты 10,48 м, а с южной ограничен сильно оплывшим валом, являющимся, как потом выяснилось, остатками более ранней кирпичной стены, в центре которой находится останец квадратного пахсового сооружения. В юго-восточном углу замка возвышается донжон.

Крепостные стены, имеющие в основании 2,5 м толщины, суживаются кверху. Пахса, из которой они сделаны, падрезана на блоки ромбовидной формы, нижние из которых имеют размер 1,3×0,7 (0,8) м, а верхние — 0,7 (0,8)×0,8 (0,9) м.

Замок сильно укреплен: вдоль каждой из его сторон находятся четыре башни — две в центре и две по углам. Конструкция их выяснена благодаря раскопкам одной из центральных башен у восточной стены и ей противоположной у западной стены, а также зачистке северо-восточной угловой.

Все башни двухэтажные и подняты на пахсовый доколь высотой около 2 м. Нижний этаж перекрыт куполом, переход к которому в восточных, овальных башнях (площадью 3,5×3,2 м) осуществлялся посредством трюмов, в западных, круглых (диаметр 3,25 м), образован напуском кирпичей со стороны 0,24—0,27 м.

Стены каждого этажа прорезаны узкими щелевидными бойницами (высота 1 м, ширина 0,13—0,17 м), сохранившимися в северо-западной угловой башне, причем в верхнем этаже они стрельчатые, в нижнем — плоскочерекрытые (рис. 2).

Вопрос о том, как обитатели попадали в верхний и нижний этажи башен, куда вели арочные проемы шириной 0,64 м, неясен. Для этой цели могли использоваться деревянные лестницы, крыши построек, а также поверхность сильно оплывшего вала, тянувшегося вдоль оснований крепостных стен и возвышающегося над уровнем развалин внутри двора на 2—3 м.

Расчистка вала показала, что это — остатки кирпичных крепостных стен, идущих параллельно новым пахсовым. К ним примыкали башни, замурованные в доколь позднейших и обнаруженные в их обвалах вдоль восточной стены, а также в раскопе у юго-западного угла замка.

Таким образом, восстанавливаются контуры более раннего замка, площадь которого равна 93×96 м. В центре его южной стены был раскопан вход, представляющий собой широкий пандус длиной около 14 м с поставленной на нем кирпичной лестницей в семь ступеней. К восточной

⁴ А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.—Л., 1940, стр. 30—31.

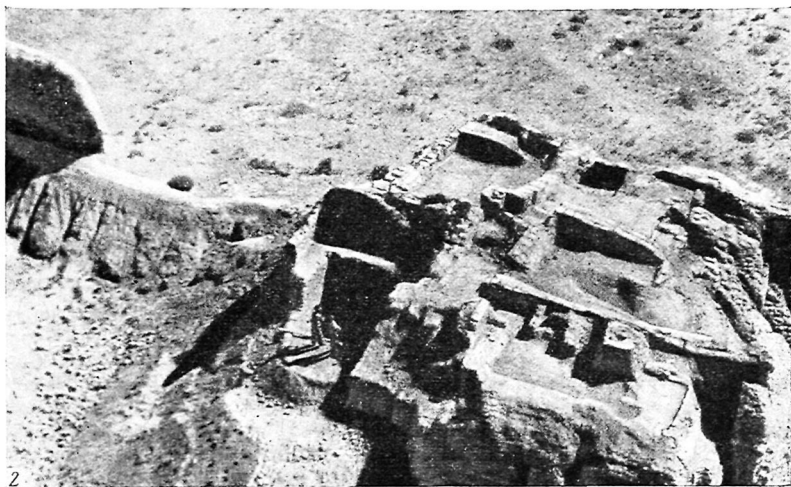
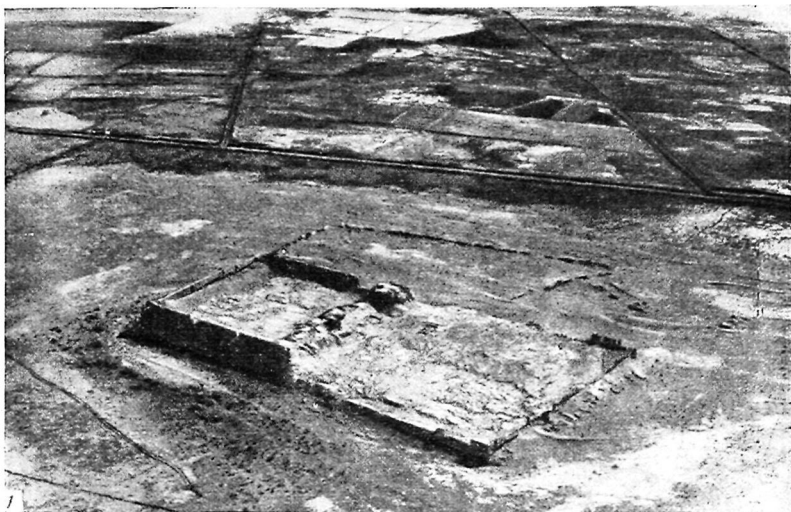

Рис. 1. Беркут-кала:
1 — крепость с воздуха; 2 — дневник с воздуха

стороне пандуса примыкает длинное узкое помещение, заложённое кирпичами. При перестройке замка лестница и пандус были также заложены кирпичами, а входной проем в крепостной стене сужен с 2,3 м до 1 м. Он вел в уже упоминавшееся выше квадратное сторожевое сооружение с очень массивными паховыми стенами (восточная, сохранившаяся на высоту свыше 4 м, имеет толщину около 3 м), а оттуда, вероятно, тоже по пандусу — в город, на южную пристройку. Раскопки доижона установили, что он также перестраивался, причем первоначальное здание соответствовало раннему замку с кирпичными стенами.

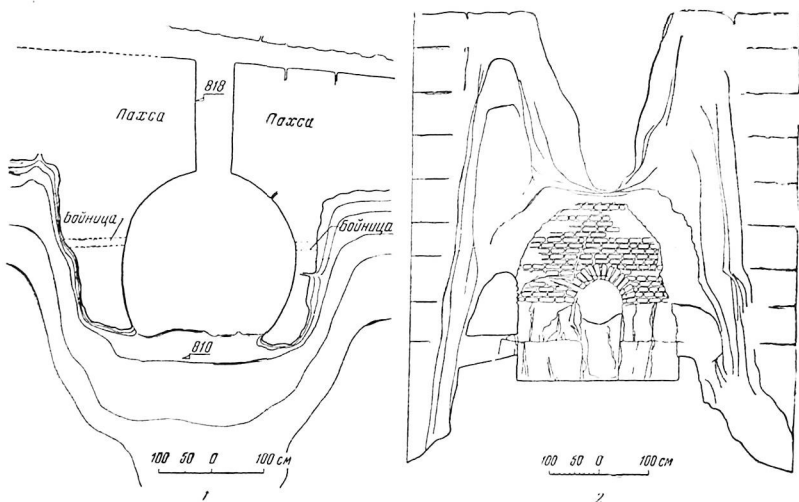

Рис. 2. Беркут-кала. Западная башня замка:
1 — план; 2 — разрез

Квадратный доижон расположен в юго-восточном углу замка, в том месте, где смыкаются стены южной и восточной пристройки. Его площадь — 18×18 м, высота 3,29 м (рис. 3, 2).

Выяснению стратиграфии здания значительно способствовало то обстоятельство, что его южная стена разрушена промоиной, зачистка которой дала прекрасный разрез от его основания до высшей точки.

Общая мощность культурных остатков доижона равна примерно 2 м. Они состоят из наслоений трех строительных горизонтов. Толщина верхнего — 1 м, среднего — 0,76 м и нижнего — 0,3 м. Остатки помещений всех строительных горизонтов разделены плотной забутовкой из сырцованных обломков сырцовых кирпичей, лежащих в каждом случае на полу, поэтому культурный слой почти везде отсутствует.

Такая же комковатая забутовка, являющаяся субструкцией нижних полов, отделяет их от кирпичей докола. Высота докола превышает 8 м. Его верхняя половина сложена целиком из квадратных кирпичей со стороной от 34 до 39 см, нижняя образована путем комбинированной кладки: полосы пахсы толщиной 0,5 м переслоены несколькими рядами кирпичей. Как показала зачистка основания доижона, он поставлен на более ранние культурные напластования.

Раскопками вскрыты все помещения, относящиеся к верхнему строительному горизонту. Они группируются вокруг расположенного в центре

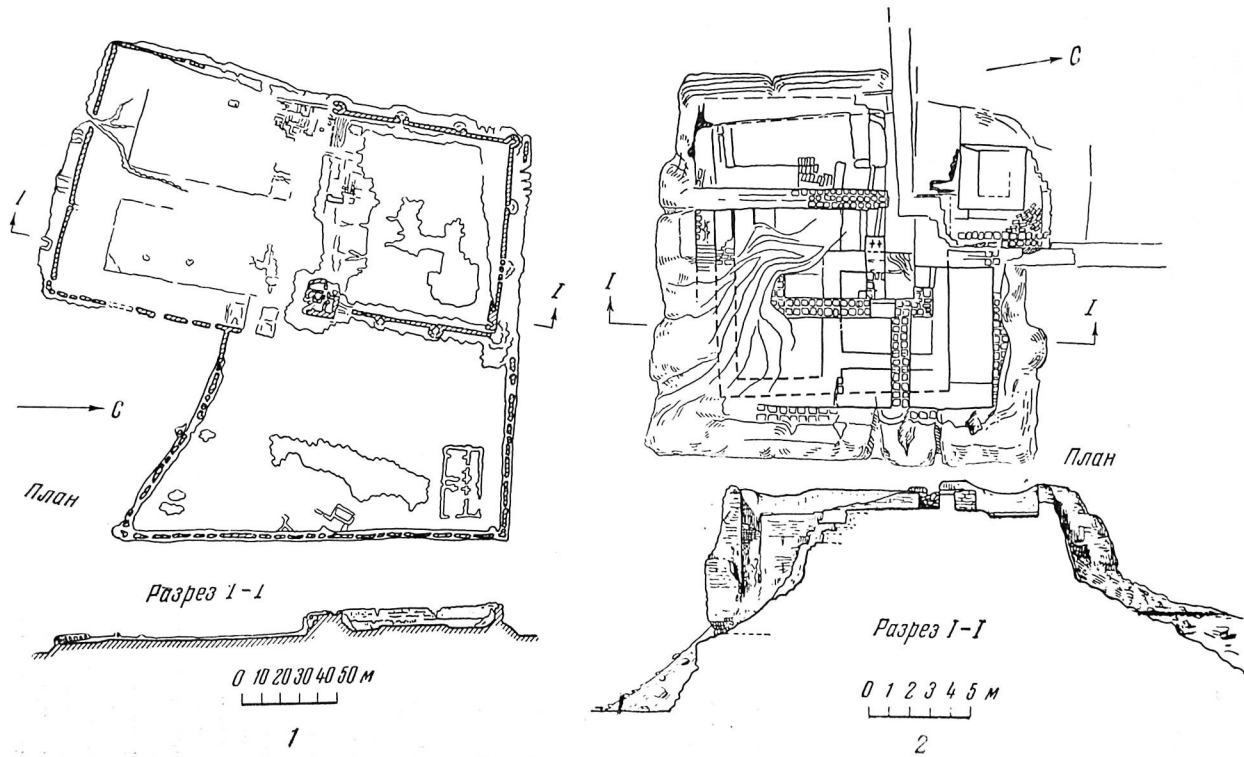

Рис. 3. Беркут-кала:

1 — план крепости; 2 — план и разрез доджона

узкого коридора, в который открываются их дверные проемы с сохранившимися остатками деревянных балок.

В южной части донжона находятся три комнаты: № 4, 5 и 6. Вдоль стен последней идут кирпичные суфы, отграниченные от прохода тонкими кирпичными стенками-барьерами. Две первых прямоугольных в плане комнаты лишены каких-либо конструкций.

В северной части донжона открыты два помещения: № 2 и 3. Помещение № 2 — обычная прямоугольная комната с широкой входной площадкой-порогом и высокой суфой у восточной стены; помещение № 3 представляет особый интерес. К концу работы на памятнике оно было раскопано на глубину 8,6 м, но пола на этой глубине еще не было. Примерно на уровне полов соседних комнат вдоль стен идет узкая галерейка, чем помещение напоминает средневековые здания. Южная стена резко отличается от трех остальных — она покрыта плотной глиняной обмазкой с самым и имеет наклон внутрь комнаты, очень напоминая внешнюю стену здания. Такая же стена с обмазкой расчищена среди кирпичей цоколя, в южной части донжона. В ходе дальнейших работ выяснилось, что это стена первоначального здания, северо-восточный угол которого оконтурен при углублении в нижние слои. Этот первоначальный донжон, к которому относятся постройки среднего и нижнего горизонтов, был меньше второго, позднейшего, — его площадь равна $14,5 \times 11,5$ м. Ранний его план неизвестен, ибо внутренние стены были почти полностью срублены при перепланировке, после которой он состоял из четырех комнат и коридора в центре. Планировка помещений однообразна: они прямоугольные, с невысокими глинобитными суфами по трем или четырем стенам. В центре одного из них открыта прямоугольная выкладка-очаг. Интересно отметить, что помещения подобного плана характерны для нижнего строительного периода донжона Тешик-калы; в верхнем они сменяются так же, как и в Беркут-кале, комнатами без суф. Внешние стены раннего донжона Беркут-калы сравнительно тонки — их толщина достигает лишь 90 см, и, может быть, именно этим вызывалась необходимость его укрепления. Здание было одето панцирем новых кирпичных стен, отчего в западной и южной его частях образовался узкий коридор (90 см шириной), кончавшийся лестницей, ведущей в цоколь. Наличие этой лестницы указывает на существование потайного хода, через который можно было попасть в город. Коридор существовал одновременно с помещениями среднего строительного горизонта, а затем был перекрыт стенами верхнего при последней перепланировке. Участки восточной и южной крепостных стен раннего замка, примыкавшие к первоначальному зданию, также оказались замурованными в кирпичи новой оболочки. Одновременно к его северо-западному углу была пристроена глубокая комната № 3, являвшаяся, возможно, зинданом. Разделить оба замка хронологически, а также датировать ранний можно пока только условно из-за недостатка материала. Датировка позднего замка не вызывает сомнений — это VIII в. н. э. Основанием для нее является находка в помещении второго донжона, а также в комнате, раскопанной в юго-западном углу замка, фрагментов толстостенных хумов с овальным в сечении крупным венчиком, украшенным ямками от вдавленных пальцами и с венчиком в виде двух валиков — крупного верхнего с процарапанным волнообразным орнаментом и более узкого — нижнего; хумчи с высоким горлом и профилированным венчиком в виде трех узких выступов; кувшинов с яйцевидным туловом, уплощенным дном и венчиком подтреугольного сечения (рис. 4, 1, 3, 4, 8, 11, 13). Толстостенные сосуды (хумы, хумчи) сделаны на круге из глиняного теста с большим количеством дресвы и шамота, плохо обожжены и покрыты зеленовато-бурым ангобом: кувшины изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью гипса. Подобная описанной керамика встречена в верхнем слое Тешик-

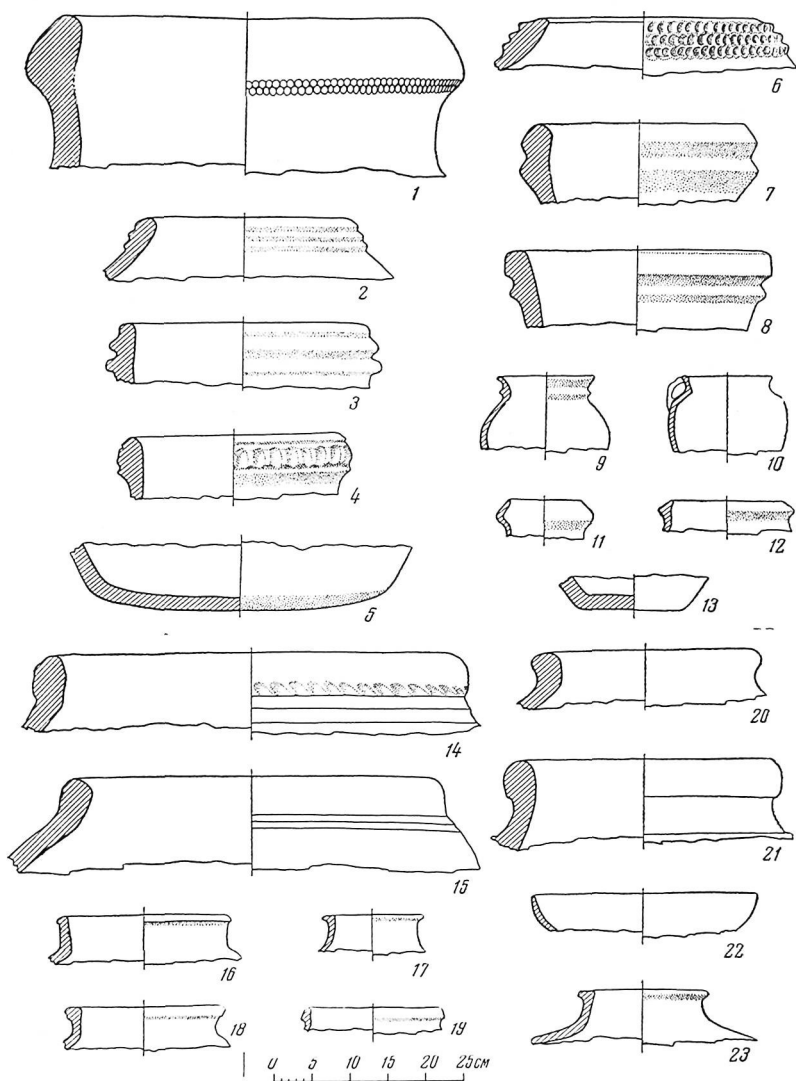

Рис. 4. Таблица керамики из Беркут-калинского оазиса:

1, 3, 4, 8, 11, 13 — из донышка Беркут-калы (верхний строительный горизонт); 2, 5, 9, 10 — из построек афригидского времени на южной пристройке Беркут-калы; 7, 12 — из нижнего слоя донышка Беркут-калы (средний строительный горизонт); 14 и 20 — из верхнего античного здания на южной пристройке Беркут-калы; 15, 21, 16—19, 22, 23 — из нижнего античного здания на южной пристройке Беркут-калы; 6 — из замка № 115

калы вместе с монетами Шаунафара и Абдаллаха (VIII в. н. э.)⁵, а также в замке № 36, датированном монетой Абдаллаха⁶.

Керамика, относящаяся к раннему замку и происходящая из помещений первоначального допжона и комнаты, примыкающей к пандусу, представлена незначительным количеством фрагментов сосудов, близких по формам и технике изготовления к вышеописанным, но имеющих ряд признаков, характерных для керамики из раннеафригидских памятников. Так, найденные здесь хумы с венчиком в виде двух валиков несколько отличаются от подобных им из второго замка тем, что валики имеют примерно одинаковую толщину и дальше отстоят друг от друга, а венчики кувшинов из раннего замка более массивны и слабо изогнуты, без того своеобразного «кармашка», который образуется изгибом стенки вышеописанных поздних сосудов этого типа (см. рис. 4, 7, 12).

Эти детали сближают данную керамику с некоторыми формами глиняной посуды верхних слоев городища Топрак-кала, что позволяет предположительно отнести возникновение раннего замка Беркут-кала к концу VI—VII вв. н. э.

Ранний замок по планировке, строительным приемам и материалам мало отличается от позднего. Стратиграфически он занимает промежуточное положение между ним и античным поселением, башня которого открыта в раскопе за северной стеной замка, а участок крепостной стены и культурные слои на южной пристройке.

Раскоп за северной стеной был заложен для выяснения назначения и происхождения сильно оплывшей высокой (7,6 м) глиняной насыпи, выступавшей за линию крепостных стен на 7—8 м. Как показал раскоп, верхние слои этой насыпи образованы завалами крепостных стен замка, а нижние — обрушением стен и башен античного поселения, поребенного под афригидской крепостью (рис. 5). Паховый цоколь одной из прямоугольных башен этого поселения открыт в раскопе на глубине 1,46 м от его поверхности. Он поставлен на материк, уровень которого на 1,5 м превышает поверхность такыров за южной стеной Беркут-калы (от которой велся отсчет при нивелировке), и покрыт зеленовато-коричневым слоем пористого, с ржавыми пятнами суглинка толщиной 18—23 см. Этот слой, образовавшийся в результате стояния воды и гниения органических остатков, подстилает паховые крепостные стены замка, что указывает на существование перерыва между их возведением и запустением античного поселения. Это подтверждается материалом раскопок на южной пристройке.

Южная пристройка имеет план квадрата со стороной 160 м. Она окружена паховыми стенами, прорезанными плоскоперекрытыми бойницами (высотой 1 м при ширине 0,18 м), следующими через каждые 2,64—2,7 м, причем помостом для бойцов служили, видимо, плоские кровли построек.

Раскоп был заложен в северо-западном углу пристройки, на бугре, примыкающем к южной стене замка и его угловой башне. На склоне этого бугра открыты остатки семи помещений, стены которых, сохранившиеся на высоту одного ряда кирпичей, построены на неровной, разрушенной ветром и дождем поверхности более ранних, как потом выяснилось, античных сооружений, а полы превратились в такырную корку (отметки 4,97—4,68 м) (рис. 6, а).

В верхней части бугра расчищен северо-западный угол очень разрушенного кирпичного здания с остатком помещения, имеющего суффы, на полу которого (отметка 6,2 м) найдена монета Абдаллаха, датирующая, таким образом, постройку VIII в. н. э.

⁵ См. С. П. Толстов. Древний Хорезм, табл. 42, 2, 51, 4—6 и 52.

⁶ Коллекция Хорезмской экспедиции АН СССР за 1939 г.

Западная стена этого сооружения поставлена на стену другого (отметка основания 5,53 м), более раннего, помещения которого скрыты под верхними,— на поверхность кое-где выходят только участки его полов.

Во всех этих постройках найден близкий материал: обломки хумов и кувшинов тех же форм, что и во втором замке (см. рис. 4, 1, 4, 8, 11), и.

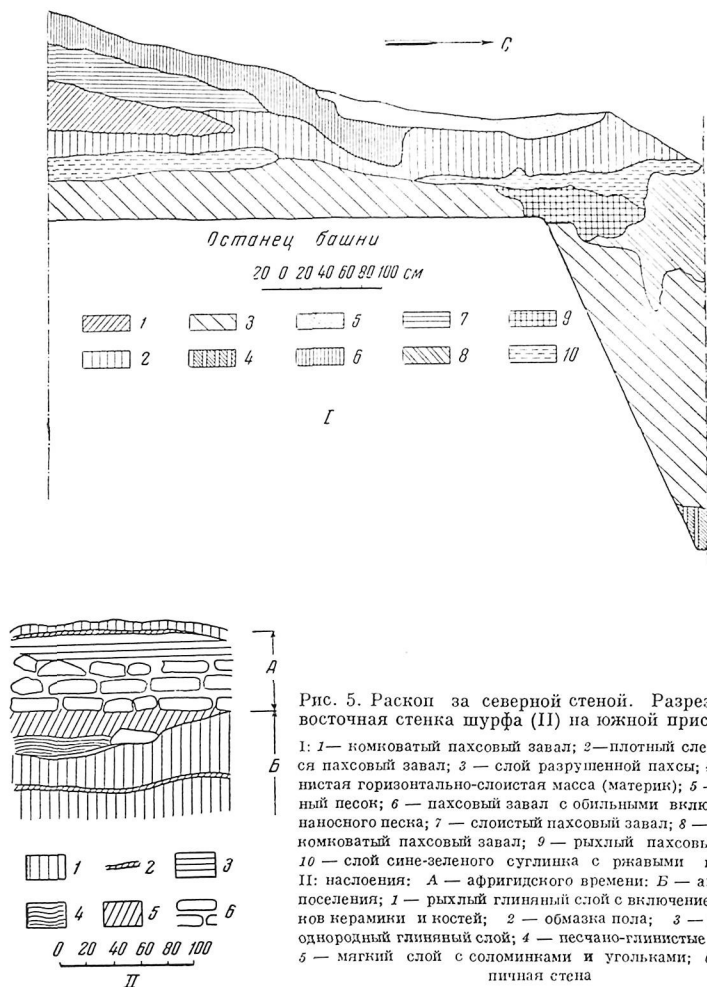

Рис. 5. Раскоп за северной стеной. Разрез (I) и восточная стенка шурфа (II) на южной пристройке:

I: 1—комковатый паховый завал; 2—плотный слежавшийся паховый завал; 3—слой разрушенной пахсы; 4—глинистая горизонтально-слоистая масса (материк); 5—наносный песок; 6—паховый завал с обильными включениями наносного песка; 7—слоистый паховый завал; 8—крупнокомковатый паховый завал; 9—рыхлый паховый завал; 10—слой сине-зеленого суглинка с ржавыми пятнами.

II: наслоения: А—афригидского времени; Б—античного поселения; 1—рыхлый глиняный слой с включением осколков керамики и костей; 2—обмазка пола; 3—плотный однородный глиняный слой; 4—песчано-глинистые намльы; 5—мягкий слой с соломинками и угольками; 6—кирпичная стена

хумчей с туловом в виде перевернутого колокола, без шейки, с венчиком, лежащим прямо на плечиках (рис. 4, 2, 5, 9, 10).

Можно, однако, предположить, что, если верхнее здание, датированное, как указывалось выше, VIII в. н. э., одновременно второму замку, то нижние афригидские постройки должны относиться к периоду существования раннего, так как в одном из помещений на склоне бугра и в подъемном

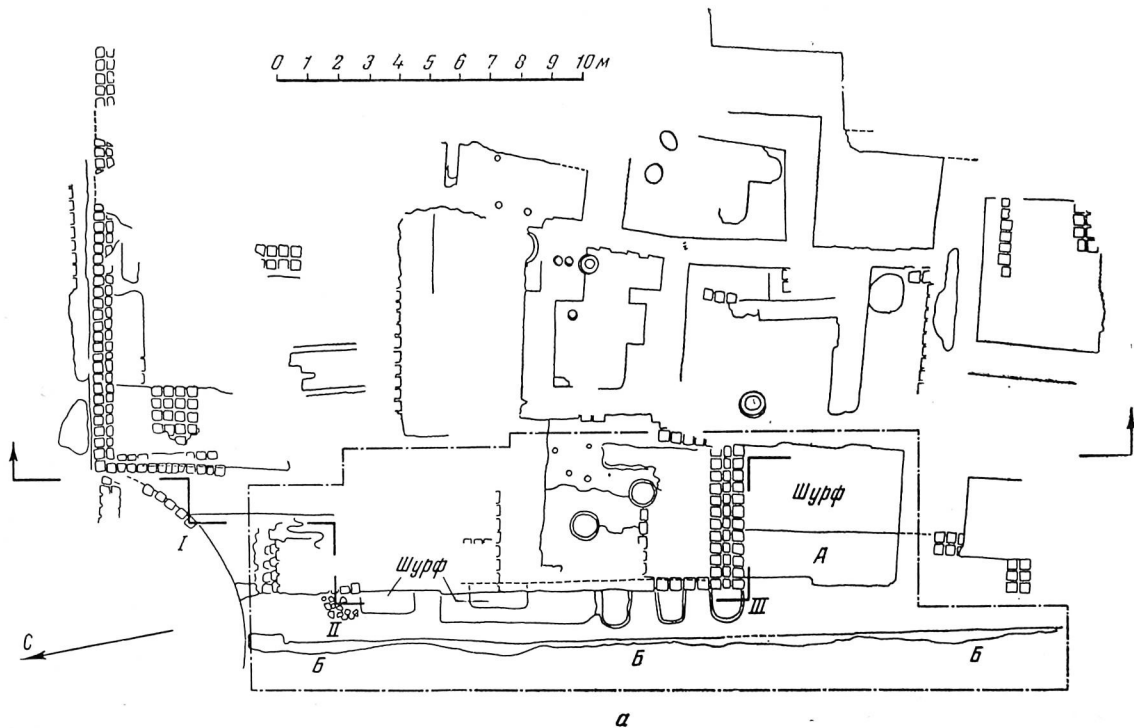
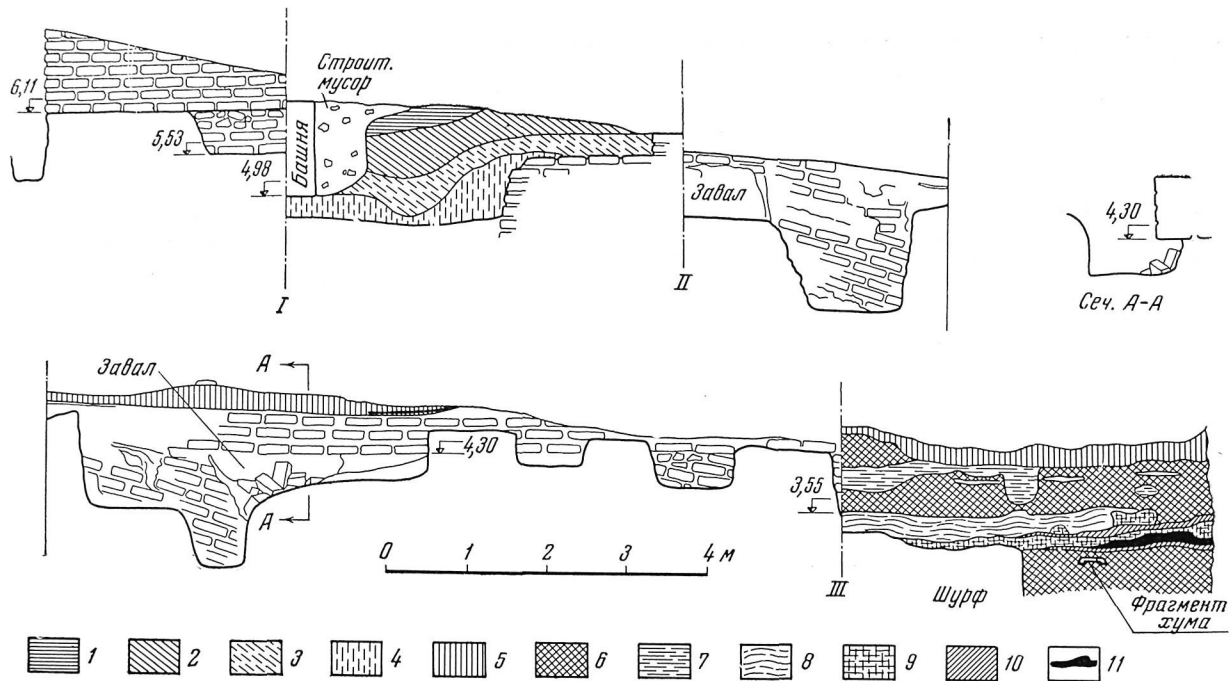

Рис. 6. Раскоп на южной пристройке:

а — план (штрихпунктиром околнурена планировка античного времени); А — стена кирпичного здания; В — крепостная стена античного поселения.

б
Рис. 6 (продолжение)

б — разрез: 1 — рыхлый паховый завал; 2 — мягкий слой желто-зеленого цвета из органических остатков с включениями мелко раздробленной керамики, костей, семян, угольков; 3 — коричневый слой перегноя; 4 — мягкий завал с включениями мелко раздробленной керамики; 5 — слой разрушившихся сырцовых кирпичей; 6 — плотный однородный глиняный слой; 7 — рыхлый мелкокомковатый слой с включением угольков, соломинок; 8 — глинисто-песчаные намывы; 9 — мягкий слой серого цвета с включениями керамики и костей; 10 — глинисто-саманная обмазка пола; 11 — вода

материале с пристройки встречены фрагменты хумов и кувшинов, подобные обнаруженным в комнате около пандуса и в слое первоначального допжона.

Нижнее афригидское здание подстилается зелено-коричневым слоем толщиной около 0,5 м, состоящим из органических остатков с включением мелкораздробленной античной керамики, косточек, угольков; в этот слой врыта также юго-западная башня первоначального замка, имеющая другое направление, чем верхняя, позднейшая, — она смотрит внутрь южной пристройки и, видимо, была построена до возведения ее стен, так как в случае их одновременности оказалась бы совершенно бесполезной.

Тот же зеленовато-коричневый слой частично перекрывает северо-западный угол фундамента верхнего из двух античных зданий, поставленных друг на друга. Их западные стены примыкают к крепостной стене античного поселения, прослеженной нами на всем протяжении раскопа, и открыты в ряду шурфов, заложенных вдоль них.

Верхнее античное здание может быть датировано концом III—IV вв. н. э., ибо керамика, найденная в его угловом юго-западном помещении, выходящем на поверхность (хумы с утолщенным валиком-венчиком из глиняного теста без грубых примесей, хорошо обожженные, а также без венчика с невысоким горлом, покрытые светлым ангобом), имеют аналогии в слое Куня-Уаза III—IV вв. н. э.⁷ (рис. 4, 14, 20).

Нижнее здание относится к более раннему времени, так как среди найденной там керамики, также сходной по формам с сосудами из Куня-Уаза и дворца Топрак-калы (чаши, кувшины, горшки из хорошего теста, прекрасно обожженные и часто покрытые красным ангобом — рис. 4, 15, 16—19, 21—23), встречаются хумы кангуйского типа (рис. 4, 21), доживающие до первых веков нашей эры, как можно датировать нижнее здание.

Эта керамика обнаружена в слоях над двумя полами, которые прорезал шурф, заложенный в его помещении (см. план). Полы, прогибающиеся в середине, покрыты прослойками намывной глины, чередующейся с песком, и плотным глиняным завалом (см. рис. 6, б).

Другой шурф, заложенный южнее раскопа на территории пристройки, дает такую же картину. Здесь толщина афригидских слоев оказалась равной 70 см, и они относятся к двум строительным горизонтам, соответствующим по керамике верхним зданиям в раскопе, причем в пол нижнего был врыт хум VIII в. н. э.

Два нижних слоя (шурф до материка не доведен) дали материал, аналогичный вышеописанному из античных зданий.

Нужно полагать, что нижние, еще не вскрытые слои античного поселения, погребенного под Беркут-калой, должны относиться к последним векам до н. э., ибо в подъемном материале встречаются фрагменты хумов кангуйского типа (рис. 4, 21) и керамики, покрытой росписью.

Таким образом, толщина наслоений афригидского времени на южной пристройке не превышает 0,7—1 м, а поверхность ее соответственно поверхности античного поселения (судя по уровням слоев в шурфах) повышается к южной стене замка.

Восточная пристройка в отличие от южной образовалась на свободной от застройки территории. Она имеет неправильный план, вытянута с юга на север и окружена низкими разрушенными стенами. Уровень поверхности восточной пристройки значительно ниже, чем южной (примерно в два раза). Как показал шурф, заложенный возле ее восточной крепостной стены, она однослойна и, судя по материалу, главным образом кера-

⁷ Е. Е. Неразник. Археологическое обследование Куня-Уаза в 1952 г. «Труды ХЭ», т. II.

мике, относится к VIII в. н. э. Эту же дату подтверждают находки медных монет чекана Абдаллаха. Постройки сосредоточиваются вдоль ее стен, в центре находится незастроенное пространство — гладкий ровный такыр, образовавшийся на месте площади, может быть, базарной. На поверхности в южной части пристройки собрано большое количество железных шлаков и криц, вдоль восточной стены отмечено скопление костяных чешуек, около северной располагается длинное здание, одно из помещений которого разрушено и при этом видно, что оно было заполнено какой-то желтой, сильно пережженной, пористой, легкой массой. На одном из останцов построек найдены бронзовый перстень с круглым глазком и пряжка, осколки железных кинжала и серпа. Таким образом, выяснилось, что территория восточной пристройки была занята в значительной степени домами ремесленников.

* * *

Города Хорезма эпохи Аффригидов исследованы мало. Их количество сильно сократилось после кризиса в IV—VI вв., засвидетельствованного археологическим материалом⁸. Табари, автор IX в., говоря о событиях, происходивших в Хорезме в начале VIII в., упоминает только три города — Ал-Фир (Кят), Хазарасп и, возможно, Ургенч. Некоторые исследователи считают, что в то время существовали также Хива и Замахшар⁹. Однако Кят был смыт волнами Аму-Дарьи в X в., а Хива, Хазарасп и Ургенч, многократно с тех пор ремонтировавшиеся и перестраивавшиеся, не сохранили деталей, позволяющих реконструировать их облик VII—VIII вв. н. э. В связи с этим раскопки Беркут-калы представляют значительный интерес, ибо они иллюстрируют историю зарождения раннесредневекового города, возникающего как посад у стен крупнейшего замка земледельческого оазиса.

Город возник в основной своей части на развалинах античного поселения после перерыва, приходящегося на конец IV—VI в. н. э. Первым был возведен замок с кирпичными стенами, укрепленными башнями. Вероятно, одновременно появляются постройки у его южной стены. В VIII в. замок перестраивается, увеличиваясь по площади. К этому времени застроенные территории, примыкающие к нему с южной и восточной сторон, окружаются стенами, возникают южная и восточная пристройки в их современных очертаниях.

* * *

Замок Беркут-калы, жилище крупнейшего феодала, занимает главенствующее положение в оазисе. К нему тяготеют прочие постройки¹⁰, резко различающиеся по величине. В категорию крупных, площадь которых достигает гектара и больше, кроме Беркут-калы, входят Кум-Баскан-калы, Уй-калы, Тешик-калы, замки № 32 и 16. К средним относится 33 замка площадью от 1000 до 2000 м²; размеры мелких, их 62, колеблются в пределах от 100 до 400 м². Замки расположены группами вдоль боковых ответвлений центрального канала, причем в оазисе насчитывается до восьми таких групп. Население каждой из них в социальном отношении представляло сельскую общину с еще очень прочными родовыми связями, ибо отголоски их сохранились до сих пор. В каждую группу входят замки

⁸ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 197 и 236; Е. Е. Неразиков. Указ. соч.

⁹ В. А. Лавров. Градостроительная культура в Средней Азии. М., 1950, стр. 56.

¹⁰ Почти все памятники оазиса, более или менее укрепленные, имеют вид крепостей, которые, следуя установившейся литературной традиции, мы называем замками, хотя, конечно, этот термин в данном тексте носит чисто условный характер.

всех выделенных нами по площади категорий, что, очевидно, свидетельствует о глубокой дифференциации общины, из которой выделяются богатые семьи (земельная знать) и крестьянские. Последние все более распадаются, теряют землю и превращаются в зависимых от земельной знати людей — кедиверов. Крупные и большая часть средних по площади усадеб являлись жилищами дехкан-феодалов. Они, как правило, располагались у истоков каналов, получая таким образом возможность контролировать распределение воды.

Археологическое обследование оазиса в 1953—1956 гг., а также в предшествующее время, позволило выявить, что все его постройки по планировке относятся к трем типам: 1) усадьбы с донжоном, нижний этаж которого представляет собой сплошной кирпичный или пахсовый цоколь или состоит из сводчатых (иногда плоскостроенных) помещений, 2) усадьбы без донжона и 3) отдельно стоящие здания (рис. 7).

Существование замков всех трех типов в VIII в. н. э. доказано находками в них одинаковой керамики, такой же, как в верхнем слое Тешик-калы и Беркут-калы, где она встречается вместе с монетами Шаушафара и Абдаллаха (середина и вторая половина VIII в.). Оно подтверждается также работами 1953—1956 гг.; раскопанные в эти сезоны замки № 92, 18 и 19 относятся к первому из выделенных нами типов, № 32 и 30 (до перестройки) — ко второму, а № 59, 50 и 115 — к третьему.

Кратко остановимся на результатах их раскопок.

1. З а м о к № 92 состоит из донжона и отдельно расположенных построек двора. Квадратный донжон (18×18 м) укреплен со всех сторон упорами — контрфорсами, что придает ему сходство с сооружениями на высоком сплошном цоколе (рис. 8). Его пахсовые стены на высоте 6 м прорезаны узкими щелевидными бойницами, относящимися к верхнему этажу, и увенчаны кирпичным зубчатым карнизом. В северо-восточный угол встроена двухэтажная однокомнатная башня, слегка выдвинутая за линию восточной стены и защищавшая находящийся в ней вход. Донжон, интересный тем, что его нижний этаж является жилым, перестраивался, причем раскопками вскрыты только помещения верхнего строительного горизонта.

В центре донжона находится комната с колодцем, перекрытым в последний период жизни замка кирпичной выкладкой. К колодцу от входа ведет широкий отлогий пандус. Крутые пандусы в дверных арочных проемах вели из центрального помещения в боковые, расположенные в южной и северной частях донжона. Проемы оформлены кирпичными пилястрами и расположены симметрично по два в южной и северной стенах центрального помещения.

Южную часть здания занимает одна большая комната, разделенная на две части квадратной неглубокой ямой с кирпичными стенками, составляющими продолжение дверных пилястров. Восточная часть помещения была жилой: здесь открыта широкая кирпичная суфа и очаг-кострище, рядом с которым расчищены ямки от вмазанных в пол сосудов с остатками допцев в некоторых из них.

Западная часть служила хранилищем: на полу отпечатались следы множества виноградных косточек и веточек, причем в этой части комнаты был мощный культурный слой зеленовато-коричневого цвета, толщина которого достигала 0,5 м.

Рядом с центральным помещением с колодцем находилась неоднократно перестраивавшаяся жилая комната с кирпичными суфами вдоль двух стен и пятном от кострища в центре.

Верхний этаж донжона не сохранился. Возможно, что он представлял собой просто навесы для стрелков, поддерживаемые столбами, однако никаких остатков от них не найдено. Центральное помещение могло быть

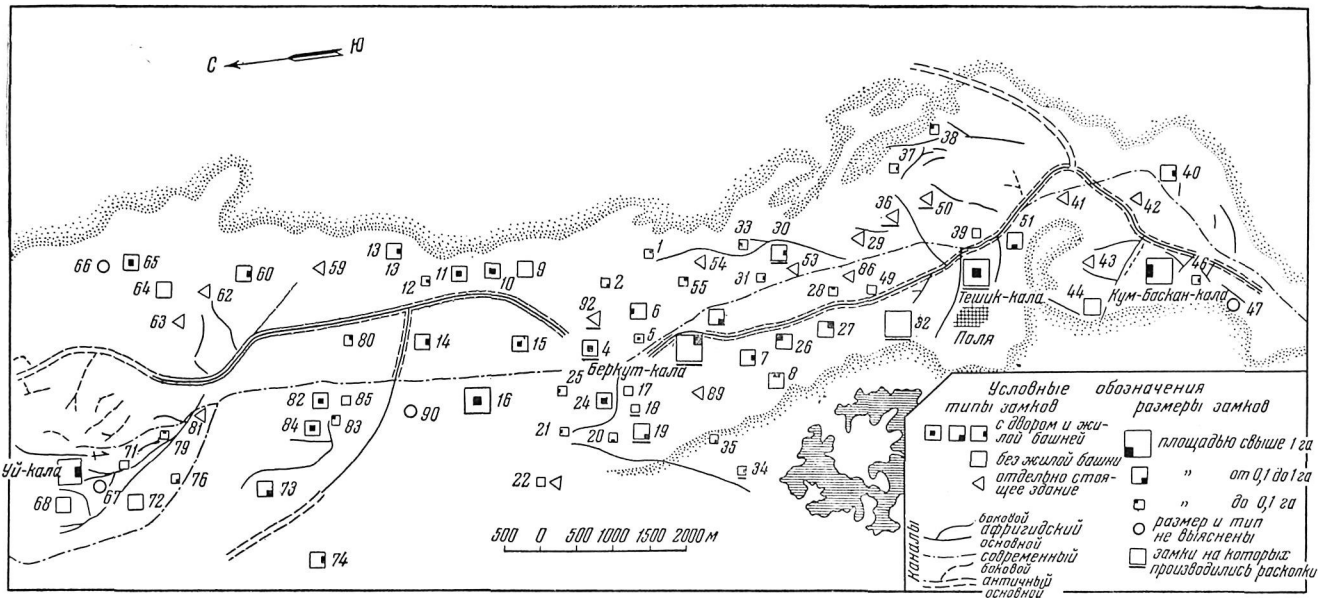

Рис. 7. Схематическая карта Беркут-калинского оазиса

не перекрыто, представляя собой своего рода световой дворик, как это показано на одном из вариантов реконструкции (рис. 8). В башне сохранился участок пола верхнего этажа со своеобразной конструкцией из кирпичей, поставленных на ребро и покрытых кирпичами, положенными планшмя. В образованных таким образом узких закромах найдено просо.

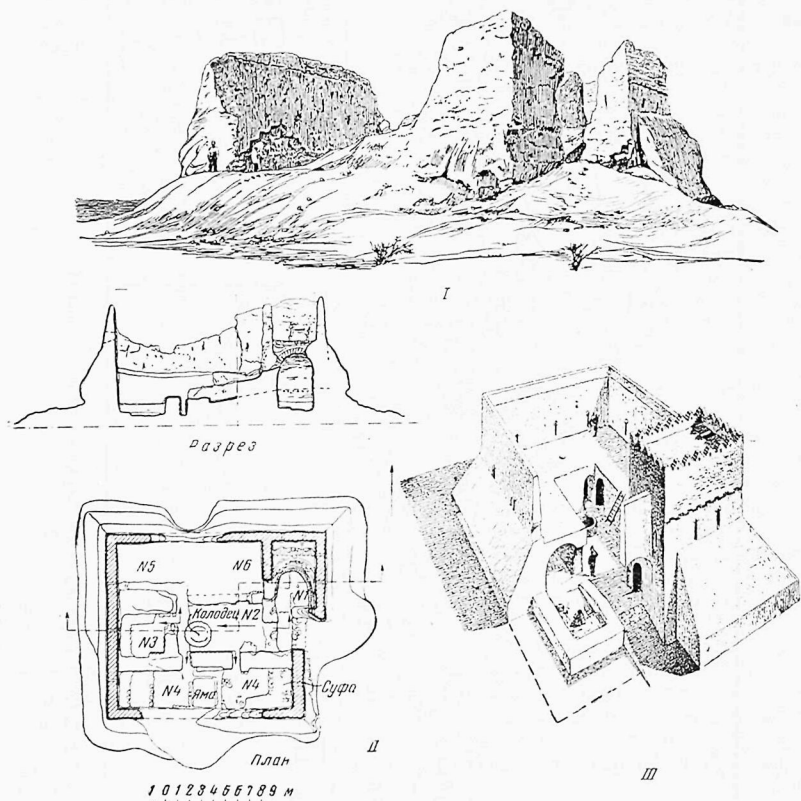

Рис. 8. Дошкон замка № 92: I — общий вид; II — план; III — вариант реконструкции (на плане стрелками без пунктира показаны пандусы; стрелка с пунктиром — линия разреза)

В помещении нижнего этажа были открыты полы обоих строительных горизонтов, к верхнему из которых относится суфа, расположенная вдоль западной стены, и кострище на полу. Здесь же найдены фрагменты железного наконечника кетменя и лезвие виноградного ножа (рис. 9, 1, 2), а также лепной кувшин с туловом, орнаментированным прочерченными треугольниками, совершенно аналогичный лепным кувшинам из верхних построек Куюк-калы (VIII в. н. э.) — городища, открытого Хорезмской экспедицией в Чимбайском районе Каракалпакской АССР вблизи от Аральского моря¹¹ (рис. 10, 4). Кроме того, из завала верхнего этажа башни извлечено большое количество фрагментов сосудов, являющихся

¹¹ См. статью Е. Е. Неразик и Ю. А. Рапопорта в наст. сб. и рис. 7 в их статье.

вариантами форм керамики, обнаруженной во втором замке и в верхнем здании южной пристройки Беркут-калы (рис. 4, 1, 2, 3, 4, 8).

При расчистке нижнего пола и входа в здание выяснилось, что первоначально оно не имело центрального пандуса, который был сооружен при перестройке, при этом вход был заложен. В связи с повышением уровня

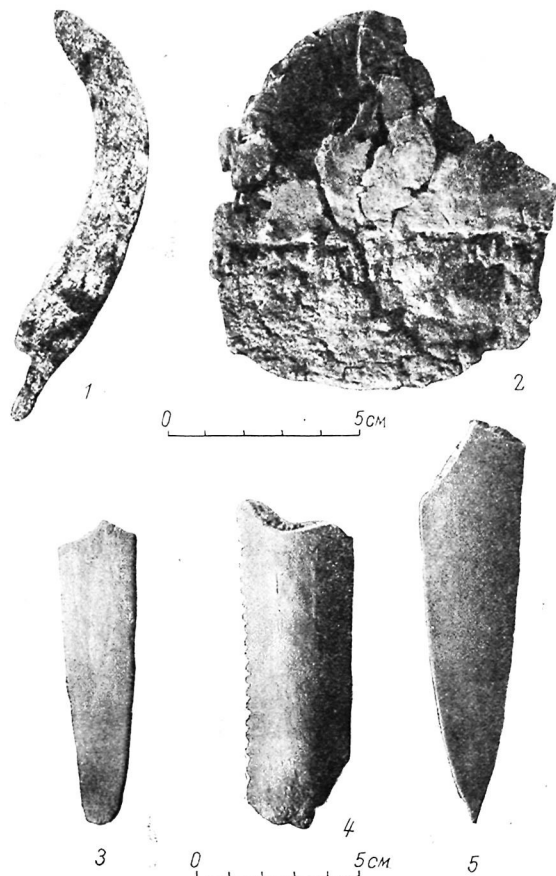

Рис. 9. Железные и костяные предметы:

1, 2, 4 — железные наконечники кетмени, виноградный нож, костяная поделка из замка № 92; 3, 5 — костяные ножи из замков № 19 и 30

пола в центральном помещении пришлось построить также пандусы, ведущие из нее в боковые комнаты. Верхний строительный горизонт донжона замка № 92 твердо датируется VIII в. н. э. монетой Шаушафара, найденной в завале верхнего этажа башни. Датировка нижнего строительного горизонта, помещения которого еще не вскрыты, дело будущих раскопок.

Замок № 19, относящийся к категории средних по площади, был, вероятно, жилищем крестьянской большой семьи. Он не имел такого огромного жилого донжона, как вышеописанная усадьба № 92. Вместо

1

0 5CM

2

0 5CM

3

0 5CM

4

0 5CM

Рис. 10. Керамические сосуды

1 — из замка № 19; 2, 3, 4 — из замка № 92

него в юго-восточном углу находилась однокомнатная двухэтажная башня, служившая в мирное время, судя по находкам из завала, хранилищем. Квадратный двор замка застроен жилыми и хозяйственными постройками и окружен пахсовыми стенами с прямоугольными башнями по углам. В настоящее время он сильно разрушен при расчистке окружающих земель под хлопок (рис. 11).

Рис. 11. Замок № 19. Общий вид раскопок

Все постройки двора делятся коридором шириной около 3 м на две части — западную и восточную. В коридор ведет пандус входа в замок, находящегося в южной стене и заложеного при перестройках кирпичами. Раскопанные постройки разграничены глухими стенами на три комплекса, каждый из которых состоит из шести помещений. Центром комплекса является одна или несколько жилых комнат, имеющих суфы по двум-трем стенам и очаг — кирпичную вымостку в середине. Два комплекса находятся в восточной части двора и один — в западной. Коридор связывает их в единое целое.

В северо-восточном комплексе было три жилых помещения (№ 2, 3 и 5); одно (№ 19) являлось, возможно, гончарной мастерской. Слой над полом состоял из золы, многочисленных фрагментов керамики и комков сырой глины, а в проходе, ведущем в соседние постройки, отмечены остатки печи, к сожалению, совершенно разрушенной. В юго-восточном комплексе оказалось две жилых комнаты (№ 15 и 16), полы которых ископаны ямами от сосудов и столбиков. Этот комплекс соединяется проходом с небольшой постройкой из трех несообщающихся помещений, служивших, вероятно, кладовыми, ибо культурный слой состоит из растительных остатков, веточек, косточек, зернышек.

В третьей группе помещений, находящейся в западной половине, только одно было жилым (№ 9), прочие имели подсобное назначение.

Почти все помещения имели два пола, разделенных плотной глиняной забивкой толщиной 7—10 см (см. рис. 12, III), причем жилые конструкции — суфы и очаги — относятся к нижнему. Над верхним, обычно

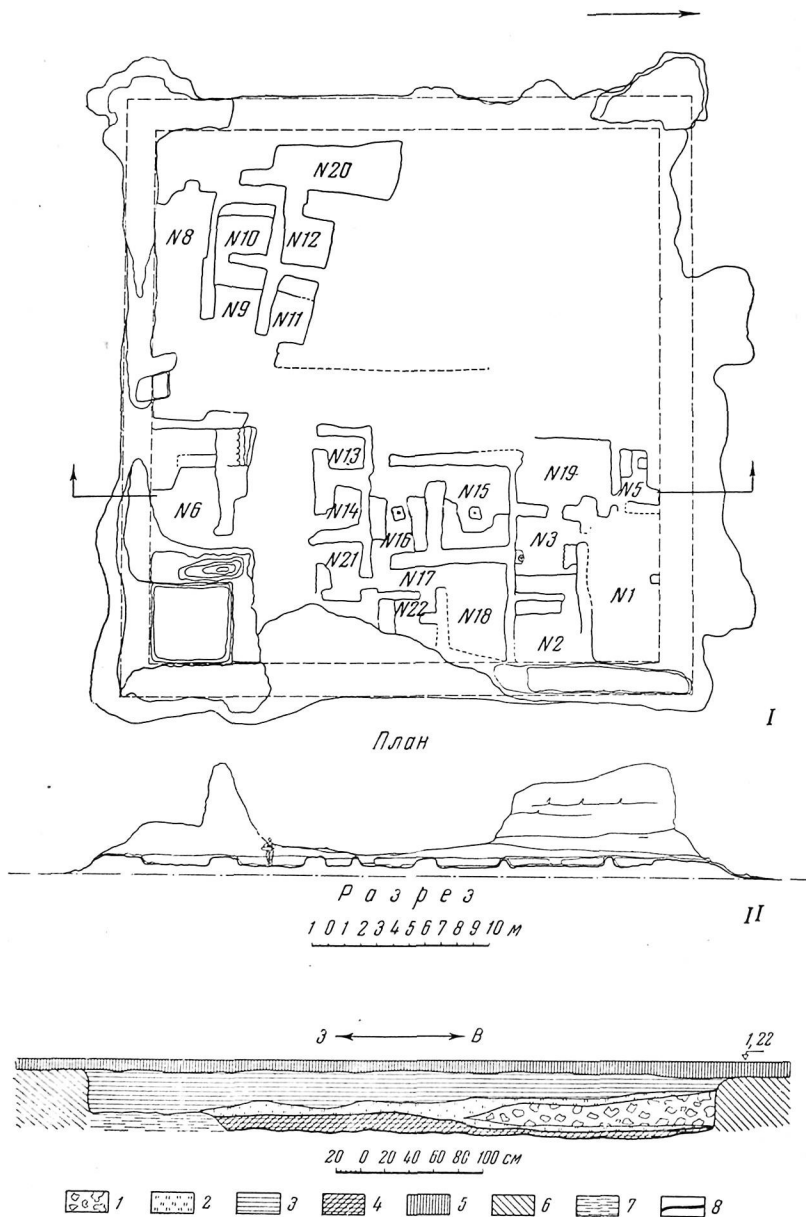

Рис. 12. Замок № 19: I — план; II — разрез; III — разрез слоев в помещении № 19: 1 — кирпичный завал; 2 — рыхлый коричневатого цвета слой из органических остатков; 3 — глинистая пористая масса; 4 — слой плотной однородной глины; 5 — песчано-глинистые намывные слои (такыр); 6 — стены помещения; 7 — кирпичные суфы; 8 — обмазки полов

лишенным каких-либо сооружений, во многих случаях залегает зеленовато-коричневый слой из органических остатков, перемешанных с овечьим навозом, вероятно, переотложенным. В слоях над полами, не различающимися по материалу, найден железный виноградный нож, подобный ножу из замка № 92, костяная поделка (рис. 9, 3), а также значительное количество фрагментов хумов, кувшинов и горшков тех же форм, что уже упомянуты при описании Беркут-калы (см. рис. 4, 1, 2, 10, 11). Интересен целый сосуд (11 см высоты) с сильно выпуклым низким туловом и вытянутым горлом (рис. 10, 1). Несколько подобный ему «луковицеобразный» кувшинчик обнаружен в башне замка № 92 (рис. 10, 2).

В одном из помещений найдена монета Абдаллаха, устанавливающая крайнюю верхнюю дату существования замка — VIII в. н. э.

Замок № 18 — последний из раскопанных нами памятников первого типа, имел донжон посредине южной стены большого двора (28 × 28 м), уже не существовавшего к моменту раскопок 1956 г., ибо он был разрушен при расчистке под хлопок окружающих его земель. Донжон к этому времени представлял собою останец высотой 5—6 м и площадью 8 × 10 м. Заполнение его частично вычерпано, в результате чего оконтурилось помещение с двойными стенами: внутренними — кирпичными и внешними — пахсовыми. Раскопки показали, что пахсовые и кирпичные стены неодновременны и замок перестраивался (рис. 14). До перестройки он имел кирпичный двухэтажный донжон со сводчатым нижним этажом, состоящим из нескольких помещений, построенных прямо на земле. Затем часть здания была срублена, оставшееся помещение забутовано, окружено второй пахсовой стеной, и на образованном таким образом цоколе воздвигнут новый этаж. Памятник датировать затруднительно, ибо в заполнении цоколя найдено лишь несколько невыразительных фрагментов боковых стенок хумов.

II. В Беркут-калинском оазисе встречаются любопытные усадьбы без донжона. Почти все они расположены возле Уй-калы. Это замки № 69, 68, 71, 72, 77, 85, а также № 32 и первоначальный замок № 30. Последние два подверглись раскопкам.

Замок № 32 — огромная усадьба, площадь которой превышает 1 га, квадратная в плане и окруженная двойным рядом стен: внутренними, высокими, и внешними, более низкими, промежуток между которыми плотно застроен (рис. 15).

Внутренний квадрат усадьбы имел овальной формы башни по всем углам и в центре, а внешний — только по углам. Пока еще не выяснено, одновременны ли эти стены или может быть, внешние, поскольку они более разрушены, являются древнейшими и усадьба перестраивалась, уменьшившись территориально. В середине южной стены внутреннего двора находится большое квадратное строение (17 × 17 м) с хорошо сохранившимися западной и восточной стенами, сложенными из пахсы и достигающими 4 м высоты и 3,5 м толщины.

Зачистки, произведенные в 1956 г., позволили выяснить, что южная стена строения обрывалась на расстоянии 4—5 м от юго-восточного угла; по всей вероятности, такова же была длина северной, т. е. они ограничивали только узкое, длинное помещение, находящееся в восточной части сооружения. Остальное пространство, площадью 13 × 17 м, было незастроено, не имело южной и северной границ и являлось, таким образом, проездом. Описанная постройка мало похожа на донжон. Скорее она напоминает предвратные сооружения, знакомые нам хотя бы по городищу Топрак-кала.

Замок возник, вероятно, на рубеже V—VI в. н. э., как об этом свидетельствует керамика, встречающаяся на его поверхности (хумы с высоким горлом без венчика, хумчи с утолщенным венчиком, боковая

плоскость которого орнаментирована вдавлениями узкой стороной пальца), аналогичная по формам посуде слоя Куя-Уаза конца IV—V в. н. э., доживающей, как показывает материал городища Топрак-кала, до VI в. н. э.¹² Последний период его существования, к которому относятся четыре расчищенных у восточной стены помещения с кирпичными суфами вдоль всех стен, датирован VIII в. н. э. — на полу одной из комнат найдена медная монета Абдаллаха, а сосуды из этих построек подобны керамике из верхнего слоя Тешик-калы и Беркут-калы.

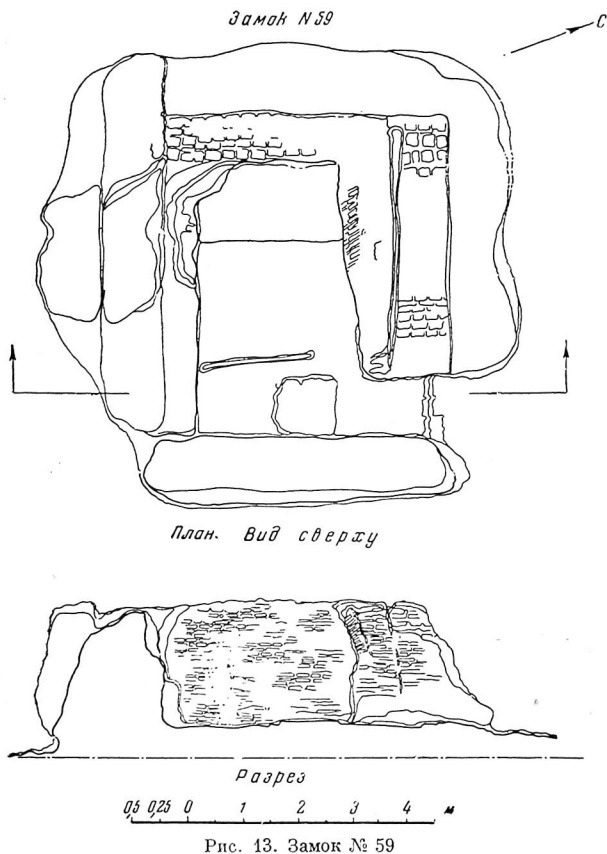

Рис. 13. Замок № 59

Очень интересными с точки зрения последовательности смены типов усадеб Беркут-калинского оазиса являются результаты раскопок замка № 30. Этот памятник по площади относится к категории средних. Он имеет квадратный двор (50 × 50 м), окруженный паховыми крепостными стенами, высота которых в настоящее время достигает 9 м. В середине южной находится высокий донжон (13,5 × 16,5 м), раскопанный почти целиком, во дворе вскрыто около 600 м² площади (рис. 16). Выяснилось,

¹² См. нашу статью «Керамика Хорезма IV—VIII вв. н. э.». «Труды ХЭ», т. IV, 1959, рис. 1 и 2.

что замок претерпел несколько перестроек. Первоначально в южной стене не находился вход с коленчатым предвратным сооружением, которое защищалось косыми бойницами, направленными внутрь него. Плоская кровля построек, расположенных в два ряда вдоль крепостных стен, прорезанных на высоте 4,5 м узкими бойницами, служила, видимо, площадкой для бойцов.

Раскопанные помещения глухими стенами четко делятся на три комплекса, один из которых открыт целиком. Он состоит из трех помещений:

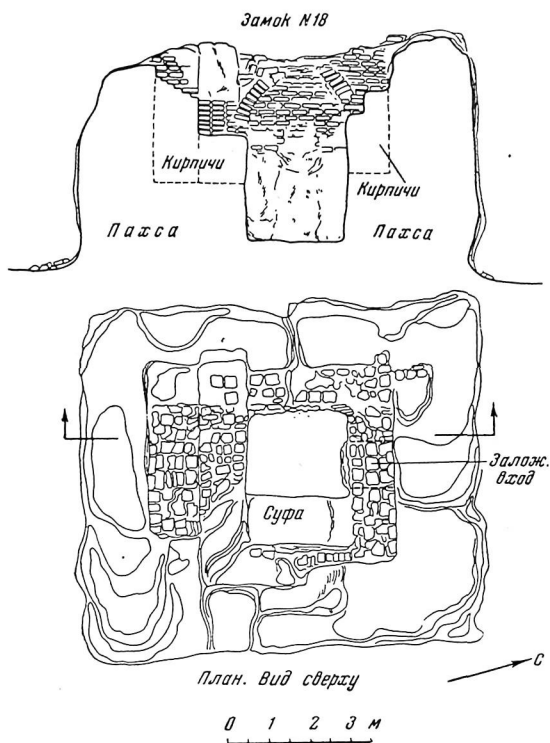

Рис. 14. Замок № 18. План и разрез

одного жилого (5,9×8,5 м) с кирпичной суфой и очагом-кострищем в центре и двух, имевших, видимо, подсобное хозяйственное значение. В центре двора, поверхность которого к воротам постепенно повышается, образуя отлогий пандус, начаты раскопки какого-то большого здания, отделенного от остальных сооружений незастроенными участками.

К следующему периоду строительства относятся сооружения донжона, возведенного вместо ворот, заложенных кирпичом и оказавшихся внутри него. Новый вход в замок, к которому вел невысокий пандус, был сделан в южной крепостной стене. Он находился возле донжона, состоящего из двух половин — северной и южной, перекрытых коробовыми сводами и разгороженных кирпичными стенками на четыре помещения. В одном из них расчищены две низкие кирпичные суфы, а на полу пятно

от кострища. Помещения очень высоки — отметка пят сводов равна 6,32 м. Вход в здание, заложный кирпичами, находится в его западной стене.

Двор тоже подготовлялся к перестройке: бойницы в крепостных стенах были заложены, а в восточной части южной стены прорубался их второй ярус. Некоторые усадебные постройки были срублены, некоторые же заложены кирпичами — готовилась платформа для новых сооружений. Однако строительство прервалось, вероятно, какой-то внезапной катастрофой. Остатки построек покрыл плотный красновато-кирпичного цвета слой

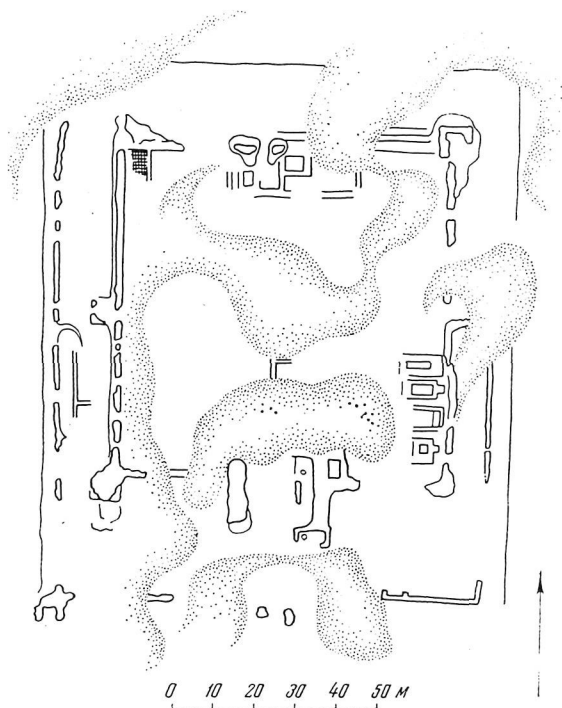
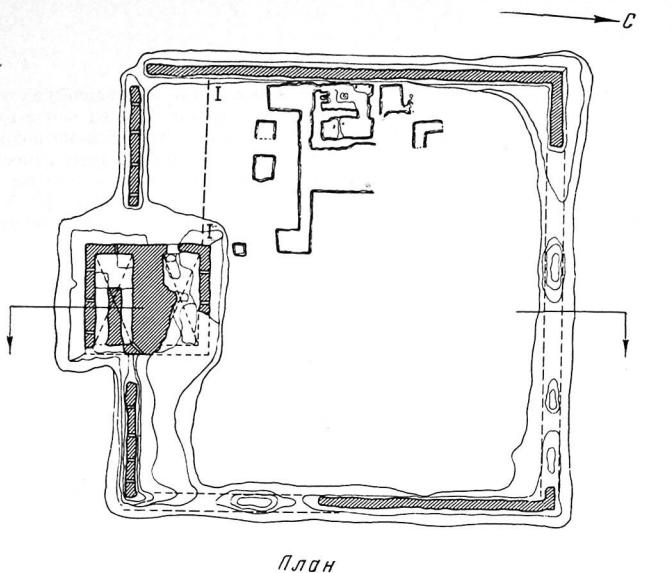

Рис. 15. Замок № 32. План.

такры толщиной до 60 см, образовавшийся от разрушения сырцовых стен (см. рис. 15). Только этой гипотезой о событиях, предшествовавших заустению замка, можно объяснить одинаковую высоту стен внутри него, а также совершенно ровную гладкую поверхность двора, образование которой вряд ли возможно при естественном разрушении построек. Хронологически разграничить оба периода представляется затруднительным. Замок жил очень недолго — помещения его однослойные, и в них и в донжоне собран одногодный керамический материал, который в целом не отличается от керамики верхнего слоя Беркут-калы, а также таких замков, как № 36, № 4, Адамли-кала, датированных VII—VIII вв. н. э. (см. также рис. 4, 1, 2, 8, 11). Видимо, к концу VII — началу VIII в. и надо относить этот памятник, причем сооружение донжона произошло, таким образом, не раньше начала VIII в. н. э.

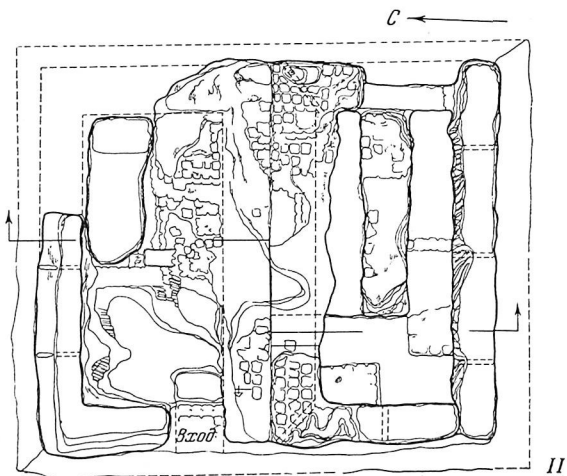

План

Разрез
2 0 2 4 6 8 10 12 14 16 18 20 м

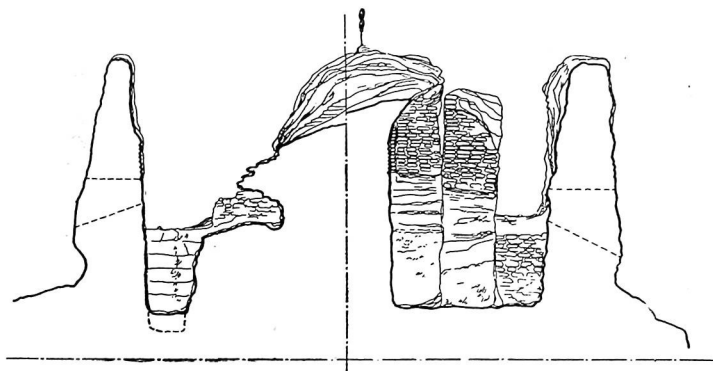
450 1 2 3 4 5 6 7 м

План

Рис. 16. Замок № 30. План и разрез замка (I) и план доижона (II)

В последующее время запустевший замок лишь эпизодически становился местом обитания людей. В конце IX — начале X в. на какое-то короткое время осваивается донжон, в котором кирпичными стенами-подпорами укрепляются грозящие обрушением своды. К этому периоду относятся два пола, настланные на забутовке, над которыми найдены остатки лепных горшков с серым в изломе черешком, характерной для IX—X вв. формы. В хорезмшахское время двор замка посещался лишь пастухами

Разрез

Рис. 17. Замок № 30. Разрез донжона

из соседних оазисов, укрывавшихся под его стенами со своими стадами. Интересно, что перестройка, подобная той, которая была произведена в замке № 30, наблюдается в Карга-тышкан-кале на Кельтеминаре (VIII в. н. э.), в которой вместо первоначального входа, обороняемого двумя овальной формы башнями, строится донжон.

III. Последний, выделяемый нами, тип построек Беркут-калинского оазиса — отдельно стоящие здания. Таков, например, дом № 59, двухэтажное однокомнатное здание, укрепленное в VIII в. приставными стенами-подпорками (рис. 13). Основанием для датировки является хум с овальным в сечении венчиком, украшенным вдавлениями от пальцев, того же типа, что и из верхних построек Беркут-калы. Вокруг него собрано значительное количество керамики VII—VIII вв., но не обнаружено никаких признаков застроенного двора, окруженного стенами. Можно предположить, что подобные сооружения принадлежали беднейшей части населения оазиса, легкие постройки которой могли совершенно разрушиться.

Особо следует остановиться на описании домов № 50 и 115, раскопанных соответственно в 1953 и в 1956 гг. Это только два во всем оазисе отдельно стоящих здания, перекрытых куполом.

Дом № 50 состоит из одного помещения, имеющего глубокую нишу с кирпичными пилонами в южной стене. Вдоль трех его стен идут суфы, причем одна из них — восточная, оказалась разрушенной позднейшими захоронениями. Костяки лежали головой на восток поверх толстого (около 40 см) слоя гари, перекрывавшего основной пол. Недалеко от них, в верхней части этого слоя, найден фрагмент крышки глиняного оссуария, характерной для афригидского времени формы. Проход, находящийся посередине северной стены, оказался заложеным кирпичами.

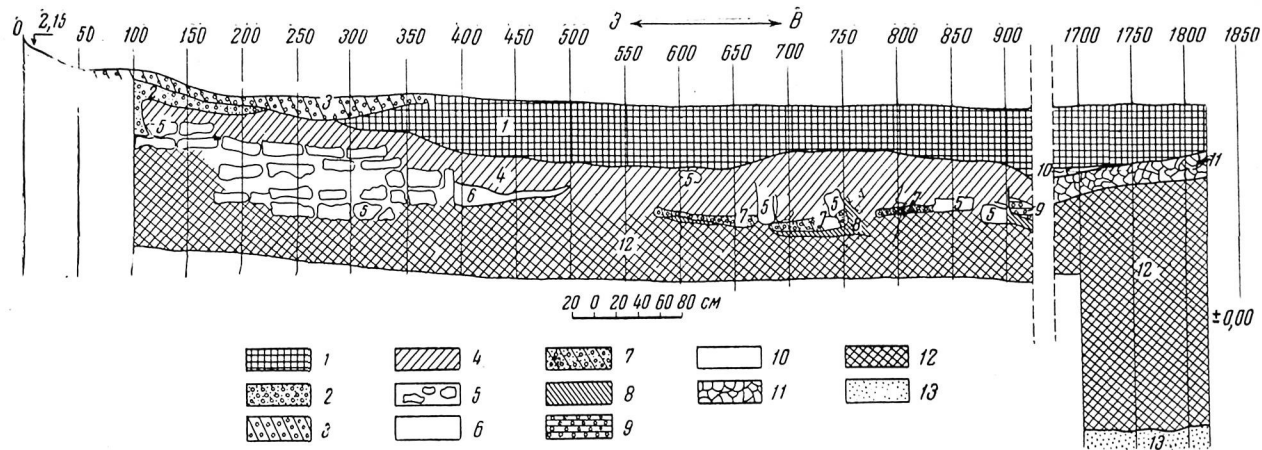

Рис. 18. Замок № 30. Разрез через слои двора по линии 1—1:

1 — плотный пористый песчано-глинистый слой с горизонтальной слоистостью; 2 — овечий навоз с примесью наносного песка; 3 — песчано-глинистые намывы с включением овечьего и коровьего навоза; 4 — завал; 5 — сырцовые кирпичи; 6 — мягкий пылеватый слой с многочисленными примесями золы, костей, угольнов и фрагментов керамики; 7 — слой пылеватого песка с включениями овечьего навоза; 8 — слоистая плотная глина зеленого цвета; 9 — горизонтально-слоистый навоз; 10 — слой золы, углей, комков глины; 11 — слой из плотно слежавшихся комков пахсы; 12 — очень плотная аморфная глина; 13 — мелкозернистый серый песок

Мощным слоем гари заполнена и башня № 115, также состоящая из одного помещения, но без ниши, с широкой и низкой суфой вдоль западной стены (рис. 19).

Толщина наслоений в ней достигает 2,5 м. Они разделяются на четыре яруса уплотненными навозно-глиняными прослойками — временными полами, каждый из которых имеет очаг — углубление, заполненное белым пеплом (см. рис. 19, III).

Два нижних яруса толщиной 1 м, состоят из черной гари и плотной серой золы. В них найдены немногочисленные фрагменты афригидской керамики, представленной обломками водоносных кувшинов уже описанной выше формы (см. рис. 4, II) и хума с весьма своеобразным венчиком, украшенным тремя рядами пальцевых зацепов, чем он напоминает хумы из слоя Хайван-калы, относящегося, по предварительной датировке, к концу VIII в. н. э.¹³ (рис. 4, 6).

Основной пол, которым является поверхность глинобитного невысокого цоколя, и низ пахсовых стен здания сильно обожжены; особенно интенсивное горение, судя по прокаленности, происходило, очевидно, на квадратной кирпичной выкладке, находящейся на суфе.

Верхние два яруса мощностью 1,5 м состоят из культурных наслоений хорезмшахского времени и навоза. В них встречены фрагменты серых кувшинов с круглой в сечении ручкой и чаш на дисковидном поддоне, покрытых бесцветной поливой по светлому ангобу с коричневым рисунком.

Назначение обеих построек пока трудно установить точно. Может быть, этому поможет анализ горелого слоя, пока еще не сделанный. Нам кажется, однако, возможным предполагать, что это культовые здания, о чем свидетельствует как особый характер их архитектуры, так и интенсивность горения.

Этому не противоречит и тот факт, что план помещения дома № 50 абсолютно совпадает с планами жилых комнат замка № 32. В. А. Крачковская уже отметила для древнеарабского строительства, что культовые памятники часто воспроизводили форму жилых зданий¹⁴.

* * *

В результате работ довоенных лет в Беркут-калинском оазисе С. П. Толстов выдвинул положение о перестройке его памятников в начале VIII в. н. э., объясняя эту перестройку необходимостью их укрепления в связи с острой социальной борьбой внутри страны и усилившейся угрозой внешних нашествий¹⁵.

Раскопки 1953—1956 гг. прибавляют ряд новых фактов в обоснование этого положения — установлены перестройки замков № 30, 59 и центральной крепости оазиса — Беркут-калы, которые производились, вероятно, одновременно с укреплением Тешик-калы, ибо материал из верхних слоев всех этих памятников очень схож. Укрепление замка № 18 относится, вероятно, к тому же периоду, так как здесь, так же как и в Тешик-кале, вместо сравнительно слабого в фортификационном отношении сооружения возводится донжон на высоком сплошном цоколе. Это лишний раз доказывает более позднее появление подобного рода донжонов.

Постепенно восстанавливается первоначальный облик оазиса, во всяком случае облик его до перестройки в VIII в. н. э. Он определяется такими памятниками, как ранние Тешик-кала, Беркут-кала (кирпичный

¹³ См. нашу статью «Керамика Хорезма IV—VIII вв. н. э.». «Труды ХЭ», т. IV, 1959, рис. 11, 4.

¹⁴ В. А. Крачковская. Жилище в Хадрамауте. СЭ, № 2, 1947, стр. 184.

¹⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 153.

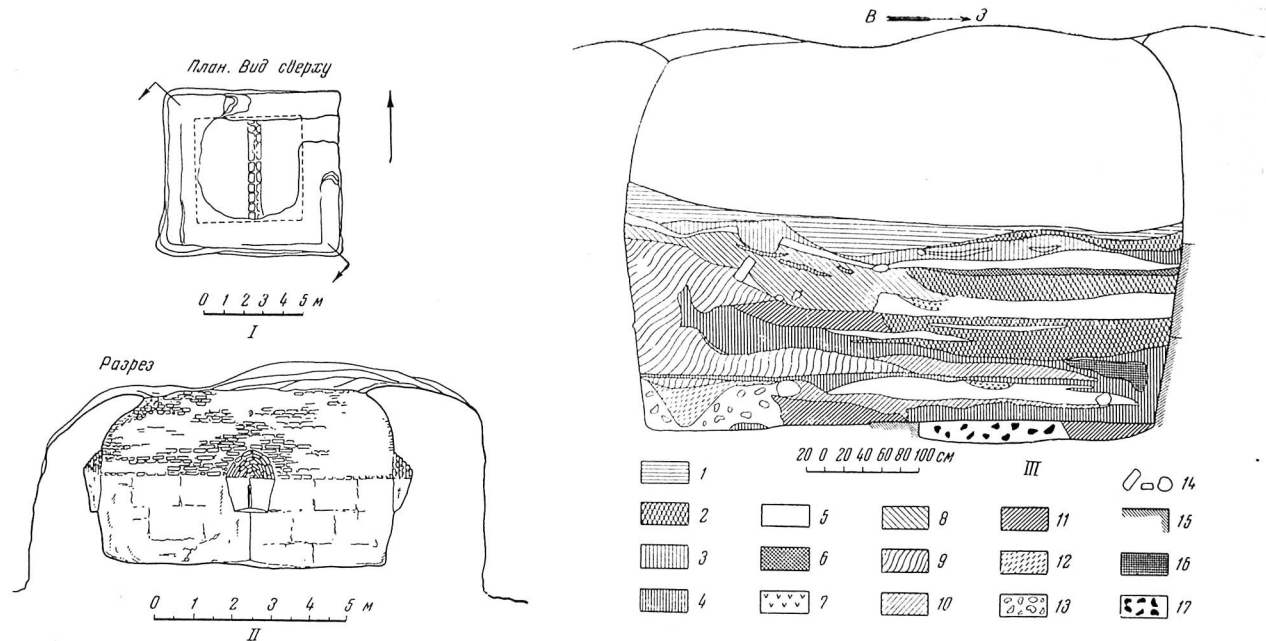

Рис. 19. Замок №115: I — план; II — разрез; III — разрез через напластования внутри башни:

1 — суглинистая пылевая слоистая масса (тапыр); 2 — слоистый навоз светло-коричневого цвета с растительными остатками; 3 — слой жирной черной гари; 4 — пылевая сусесь желтоватого цвета с перегнившими растительными остатками; 5 — плотный слоистый навоз темно-коричневого цвета; 6 — однородный слежавшийся белый пепел; 7 — пылевая светло-коричневая горизонтально слоистая глинистая масса с включениями перегнившего навоза, угольков, керамики и костей; 8 — песчано-глинистые намысы с горизонтальной слоистостью с редким включением самана и навоза; 9 — плотная аморфная глина с уплотненной поверхностью; 10 — пылевая сусесь с примесью золы; 11 — плотная голубовато-серая зола; 12 — мелнокомковатый суглинок с угольками и редкой примесью навоза; 13 — комковатая глина; 14 — осколки сырцовых кирпичей; 15 — квадратная обожженная вымостка на суфе; 16 — пылеватый суглинок с включениями органических остатков; 17 — обожженные, закопченные комья глины

замок), № 18, 30, 59, 32. Таким образом, первыми в оазисе появляются усадьбы без донжона, а также с донжоном, поставленным прямо на землю или на невысокий фундамент и состоящим из одного или нескольких сводчатых помещений. Последние постройки, как это отметил С. П. Толстов, типологически сближаются с античными зданиями Кзыл-кала и Кузы-Кыргып-кала-I¹⁶.

Данные для датировки ранних памятников Беркут-калинского оазиса еще недостаточно, ибо в их слоях отсутствуют монеты, а керамика невыразительна. Можно, однако, предположить, что первые усадьбы без донжона возникают на рубеже V—VI вв. н. э.; это предположение основано на изучении материала замка № 32, среди керамики которого встречаются формы, распространенные в это время, а планировка поразительно напоминает Малую Кават-калу, датированную С. П. Толстовым кушано-афригидским временем и отнесенную к числу наиболее архаичных замков¹⁷. Однако подобные замки могли строиться и на протяжении всего последующего периода существования оазиса вплоть до VIII в. (так, замок № 30, как мы выяснили, был возведен не раньше VII в. н. э.).

Видимо, тогда же возникают и первые усадьбы с двухэтажным донжоном, хотя это положение еще требует дополнительного обоснования в ходе дальнейших раскопок.

Интересно отметить, что наиболее ранней из подобных построек является здание Барак-там-I (конец IV — начало V в. н. э.), расположенное на северо-восточных окраинах Хорезма (бассейн Акча-Дарьи), в центре большого поселения. Этот памятник культуры хионитов, с которым С. П. Толстов отождествляет жителей поселения, мог явиться, по его мнению, прототипом донжонов афригидских замков¹⁸.

Сопоставление афригидских усадеб-замков с позднейшими хорезмскими и некоторыми другими среднеазиатскими постройками позволяет установить определенные черты сходства между ними и наметить некоторые линии развития выделенных нами типов построек.

Так, усадьбы без донжона с воротами в одной или двух стенах внешним обликом близко напоминают хорезмские крепости IX—X вв. Наиб-кала и Буран-кала, а также крупные замки Кават-калинского оазиса XI—XIII вв. и, наконец, «хаули» узбеков Хивинского оазиса, сходство которых с древними хорезмскими постройками уже отмечено в литературе¹⁹. Развитие идет по линии отмирания фортификационных укреплений — оборонительные башни VI—VIII вв. заменяются в XI—XIII вв. чисто декоративными сооружениями и вырождаются в глиняные столбы, иногда полые внутри, укрепляющие углы «хаули». Таким образом, афригидские усадьбы без донжона кажутся нам далеким прототипом узбеков «хаули».

Донжоны афригидских замков — порождение определенных условий жизни в обстановке постоянной опасности нападения. Типологически это то же, что и башни народов Северного Кавказа, динги туркмен и т. д. Свообразным вырождением донжона, по мнению С. П. Толстова, являются кантар-хана хорезмских усадеб XI—XIII вв.

Пережитком оборонительных башен типа донжона являются, по нашему мнению, телеки и учки усадеб хорезмских туркмен и туркмен-эрсари Чарджоуской области — двухэтажные постройки с нижним жилым и верхним хозяйственным этажами. Эти постройки своей усеченно-пирамидальной формой напоминают афригидские донжоны, так же возвышаясь

¹⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 128.

¹⁷ См. статью С. П. Толстова в наст. сб.

¹⁸ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, № 1, 1958.

¹⁹ М. В. Сазонова. К этнографии узбеков Южного Хорезма. «Труды ХЭ», т. I, 1952, стр. 282 и сл.

над остальными постройками двора. Некоторые из телеков и учеков в довершение сходства имеют сплошной цоколь²⁰.

Внешний облик туркменских усадеб также напоминает афригидские замки. Верх глинобитных стен, окружающих эти усадьбы, снабжен ложным парапетом с зубцами, углы и ворота в одной из стен оформлены округлыми декоративными башенками. Жилые постройки, кладовые и загоны для скота располагаются внутри двора вдоль его стен.

Таким образом, традиции, следуя которым до последнего времени строили свои большесемейные усадьбы узбеки Хорезма и часть туркмен, восходят к глубокой древности.

Некоторые черты сходства с позднейшими хорезмскими постройками должны быть отмечены также во внутренней планировке афригидских усадеб.

Так, застроенный двор замка № 19 делится на две половины коридором шириной около 3 м, напоминающим «дализ» «хаули».

Постройки во дворах афригидских памятников были местом обитания рядовых членов большой семьи — кеда. Весьма интересны с этой точки зрения отдельные комплексы помещений, раскопанные в замках №№ 19 и 30, а также двухкамерные постройки во дворе Тешик-калы, в которых жили, по нашему мнению, малые семьи — хозяйственные ячейки родового коллектива усадеб.

Вопрос о большой семье среднеазиатского раннего средневековья совершенно неразработан из-за отсутствия материала. Внутренняя планировка усадеб-замков может стать важным источником для изучения ее структуры, организации хозяйства и быта, поэтому раскопки дворов должны явиться одной из задач дальнейших работ в Беркут-калинском оазисе.

В заключение отметим, что специального внимания заслуживает вопрос о связях жителей Беркут-калинского оазиса с племенами окраин Хорезма.

Найденная в 1956 году на территории замков № 32, 92 и Беркут-калы лепная керамика, украшенная прочерченным орнаментом, по формам и своеобразной техникой обработки поверхности готовых изделий жидкой глиной близко напоминает сосуды из памятников урочища Джеты-асар и Куюк-калы (VI—VIII вв. н. э.) — городища, основанного гунно-тюркскими племенами на окраинах Хорезма (нынешний Чимбайский район Каракалпакской АССР).

В орнаментации афригидской керамики появляются элементы, несвойственные ей в предшествующее время и находящие аналогии в орнаментации глиняной посуды полусоседних племен Приаралья середины I тыс. н. э. (Джеты-асар, «болотные городища»)²¹.

Все это свидетельствует о сосуществовании земледельцев оазиса с каким-то пришлым населением, оседавшим в афригидских замках, и поднимает большую проблему взаимоотношений раннесредневекового Хорезма с окружающими его племенами.

²⁰ В. А. Левина. Усадьбы эрсаринцев Приамударьинских районов. «Труды ЮТАКЭ», т. III. Ашхабад, 1953, стр. 29.

²¹ См. нашу статью «Керамика Хорезма IV—VIII вв. н. э.». «Труды ХЭ», т. IV, 1959.

Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт

КУЮК-КАЛА В 1956 г.

Городище Куюк-кала находится в Чимбайском районе Каракалпакской АССР в 30 км от Аральского моря¹. Оно построено на невысокой возвышенности, окруженной со всех сторон низменностью древней поймы Аму-Дарьи. Пойма прорезана рукавами Кара-Узяка, одного из позднейших ее протоков, сливающихся воедино северо-западнее памятника. В 2 км от городища на возвышенности Кушкана-тау находится большой оссуарный могильник, одновременный городищу. Куюк-кала была открыта и предварительно обследована в июле 1956 г. этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции, работавшим под руководством Т. А. Жданко в северных районах Каракалпакии. В августе того же года на городище другим отрядом экспедиции были проведены небольшие раскопки. Одновременно раскапывался оссуарный могильник².

Куюк-кала представляет собой большое раннесредневековое городище, площадь которого достигает 41 га (рис. 1). Оно имеет неправильный план и окружено кирпичной стеной, ломаная линия которой следует очертаниям холма. Стена в рельефе городища не выражена — на поверхности его проступают лишь сырцовые кирпичи кладки, скрепленные глиняным раствором зеленоватого цвета.

Восточную часть городища занимает цитадель, в плане составляющая неправильный прямоугольник, северная часть которого равна 170 м, южная — 195 м, западная — 140 м и восточная — 145 м. Цитадель окружена сильно разрушенными кирпичными стенами высотой 1,5—2 м. Углы ее расплылись буграми, образовавшимися за счет разрушения башен. Под острым углом к западной стене цитадели примыкает вторая прямоугольная цитадель (площадь 160×115 м), видимо, более старая. Очертания ее видны только с воздуха, ибо она перекрыта позднейшими наслоениями³. С воздуха видна также светлая полоса вокруг стен цитадели шириной около 10 м, вероятно, следы рва. Эта древняя цитадель обозначена нами западной в отличие от более поздней — восточной.

¹ Кроме Куюк-калы, описание которой является темой данной статьи, существует одноименное ей городище в Казалинской обл. Казахской ССР, результаты обследования которого опубликованы С. П. Толстовым в работе «Города гузов», СЭ, 1947, № 3, стр. 54—102.

² Работы велись с 5 по 15 сентября. Раскопами на городище руководила Е. Е. Неразик, на могильнике — Ю. А. Рапопорт. Состав отряда: науч. сотр. С. А. Трудновская, архитектор Д. С. Витухин, топограф Н. И. Игонин, лаборанты В. Ф. Белокопытова, А. Ф. Леонова, В. А. Лоховиц; коллекторы — Е. И. Шумилов, М. И. Земская и семь рабочих-землекопов.

³ См. статью С. П. Толстова в наст. сб., рис. 23.

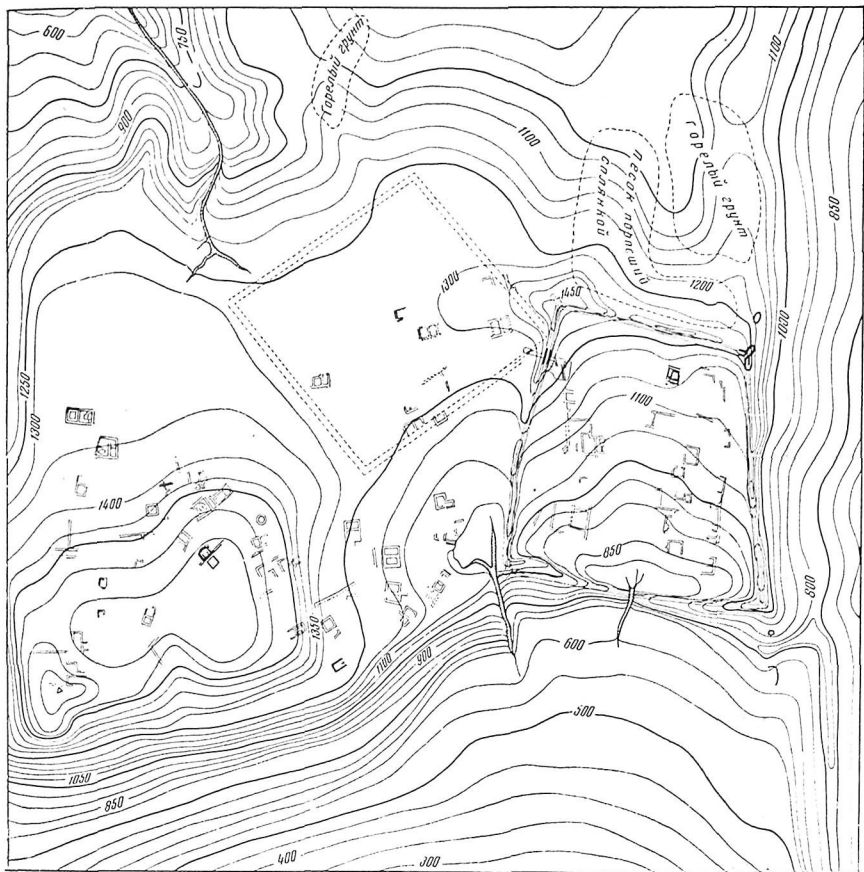

Рис. 1. План городища Куюк-кала

На всей поверхности городища, плоской, лишенной сколько-нибудь значительных бугров и возвышенностей, четко видна планировка отдельных домов, беспорядочно пристроенных друг к другу. Всюду проступают обломки полов, сырцовые кирпичи стен, следы пожарниц.

На городище было заложено семь раскопов: три — в восточной цитадели, два — в западной и два — в южной части городища.

Тремя раскопами в цитадели выяснены конструкции ее укреплений (раскопы I и III), стратиграфия слоев и соотношение двух цитаделей во времени (раскопы I и II). Кроме того, здесь расчищено жилое помещение (раскоп II).

Установлено, что стены цитадели поставлены на более ранние культурные напластования. Судя по зачистке небольших участков западной, северной и восточных стен, они были двойными, образуя коридор шириной от 1,6 до 2 м, имевший плоскую камышевую кровлю.

Коридор в западной и южной крепостных стенах, в отличие от коридоров в северной и восточной, был жилым. Западная стена стоит на

возвышении образовавшем, очевидно, развалинами каких-то капитальных сооружений, северная и восточная поставлены на барханный песок, укрепленный глиняной подсышкой с обмазкой. В раскопе III, кроме небольших участков крепостных стен, расчищена угловая башня, сложенная,

Рис. 2. Юго-восточная башня цитадели и примыкающие к ней участки крепостных стен

так же как и они, из сырцовых кирпичей размером $33 \times 33 \times 8/9$ см, частично же из их обломков, скрепленных очень грубым глиняным раствором, положенным толстым слоем (4—5 см). В кладке встречаются

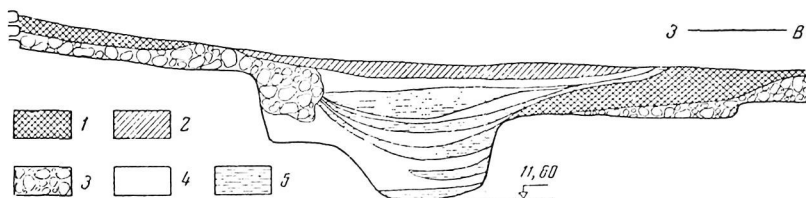

Рис. 3. Стратиграфическая траншея у стен восточной и западной цитаделей (разрез): 1, 2 — полы помещений, перекрывающие стены западной цитадели; 3 — кладка стены западной цитадели; 4 — песчаные натёки; 5 — глинистые натёки

кирпичи из желтой глины, более крепкие и употреблявшиеся, видимо, для придания ей большей прочности. Башня имеет форму очень вытянутого неправильного овала, ось которого продолжает направление диагонали цитадели (рис. 2). Построенная на стыке северной и восточной стен, она не

сообщается с коридорами, идущими внутри них, перегородженными в этом месте стенами прохода из цитадели в башню.

Стратиграфическая траншея (раскоп I) была заложена в том месте, где две цитадели близко подходят друг к другу (рис. 3). Полученный при этом материал подтвердил предположение об их разновременности: стены одной из них, западной, оказались перекрытыми полами помещений, одновременных второй, восточной.

В траншее возле стены восточной цитадели открыт котлован шириной около 4 м и глубиной до 2 м, вырытый в культурных слоях и заполненный песчаными и глинистыми напусками, в разрезе образующими линзу.

В том же раскопе I произведена зачистка поверхности участка, прилегающего к западной стене внутри восточной цитадели. Расчищена широкая кладка из восьми рядов квадратных кирпичей со стороной 33 и 34 см, являющаяся, вероятно, стеной здания, подле которой был заложен шурф размером 3,00×1,25 м (рис. 4). Шурф был доведен до материка, отметка которого в этом месте равна 10,62 м по отношению к поверхности поймы. Он прорезал культурные остатки толщиной 2,3 м, составляющие напластования трех строительных горизонтов. От сооружений первого из них на данной территории, как и на всей поверхности городища, сохранились лишь участки полов. Горелые культурные слои над полами построек двух нижних строительных горизонтов выходят на срезе шурфа (отметка первого пола — 12,9, второго — 12,22, третьего — 11 м).

Помещения, относящиеся к первому и второму горизонтам (счет ведется сверху), открыты в раскопе II. Верхнее из них представляет собой большую комнату (4,7×3,4 м), по плану совершенно подобную жилым помещениям афригидских хорезмских замков Беркут-калинского оазиса. Вдоль всех ее стен, сохранившихся на высоту в полкирпича, идут кирпичные суфы, в центре находится кирпичная прямоугольная выкладка-очаг. В слое над полом, т. е. фактически на поверхности раскопа, собрано значительное количество фрагментов хорезмской афригидской и местной керамики.

Нижнее помещение, не совпадающее с верхним по плану, полностью не вскрыто. В центре его, так же как и в верхнем помещении, находится прямоугольная кирпичная выкладка-очаг, вдоль северной стены — суфа. Комната сообщалась с соседней посредством прохода шириной 80 см. Глубина помещения — 60 см. Оно заполнено комковатым спрессованным завалом, лежащим поверх культурного слоя толщиной 5—7 см. Пол покрыт камышовой подстилкой, на которой найден кухонный горшок с зернами проса. В завале над полом обнаружены обломки нескольких разбитых сосудов, в том числе кувшина, орнаментированного прочерчен-

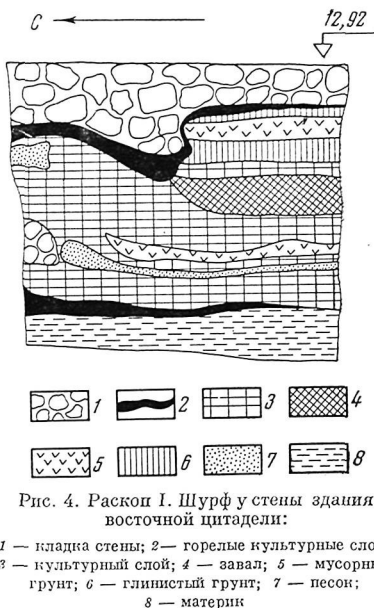

Рис. 4. Раскоп I. Шурф у стены здания восточной цитадели:

- 1 — кладка стены; 2 — горелые культурные слои;
 3 — культурный слой; 4 — завал; 5 — мусорный
 грунт; 6 — глинистый грунт; 7 — песок;
 8 — материк

ными треугольниками. Совершенно подобное по плану помещение открыто в раскопе IV, заложенном у южного склона гыра, где на поверхности четко просматривалась планировка и было собрано несколько монет и бронзовых поделок.

Это помещение, как и вышеописанная комната в цитадели (раскоп II), перестраивалось дважды. От верхней комнаты и соседнего с ней помещения сохранились только остатки стен, сложенные из кирпичей тех

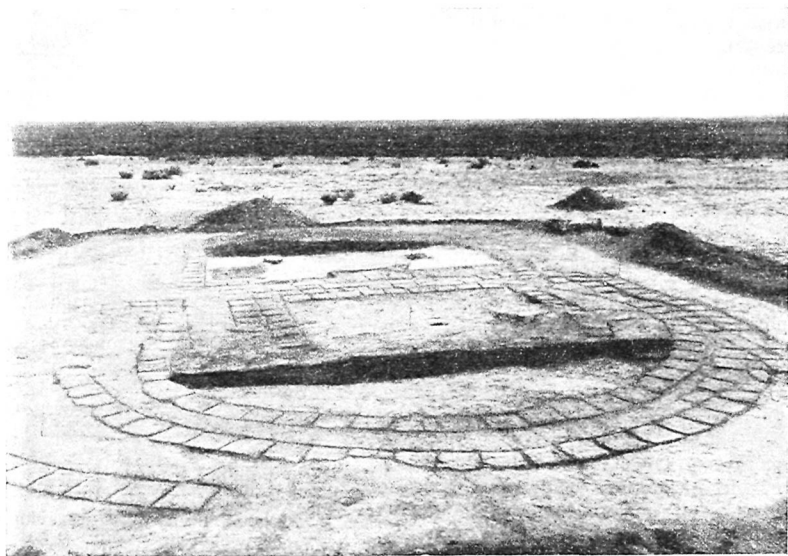

Рис. 5. Круглое сооружение. Общий вид во время раскопок

же размеров, что и цитадель, и днища семи ям от крупных сосудов. Одно из нижних помещений (II строительный горизонт) вскрыто почти целиком. Вдоль трех его стен находятся суфы (у восточной и северной — кирпичные, у западной — глинобитная), в центре — обожженная прямоугольная выкладка-очаг с округлым вдавлением от сосуда.

Комната забутована плотно спрессованными обломками кирпичей. В забутовке встречаются фрагменты керамики и кости.

На поверхности раскопа найдены три прекрасно читаемые хорезмские бронзовые монеты чекана Абдаллаха (VIII в. н. э.).

Одним из самых интересных оказался раскоп V. Он расположен в западной части городища против юго-западного угла старой цитадели. На поверхности до начала зачистки возвышался бугор, состоящий из глинистых наслоений зеленовато-желтого цвета, перекрывавших кирпичную кладку, образующую круг.

Раскопками вскрыты остатки круглого в плане сооружения, диаметр которого равен 6,2 м (рис. 5). Стены постройки толщиной 2,1 м сохранились на высоту одного ряда кирпичей. Над полом, состоящим из прекрасно сохранившихся плотных глиняных обмазок, культурного слоя нет — непосредственно на нем лежит слой плотной глинистой массы толщиной

25—30 см. Этот слой подстилал полы небольшой прямоугольной комнаты (3,4×3,3 м), перекрывавшей круглое сооружение.

Пол этого помещения, оказавшийся выше его стен, разрушенных до основания, засыпан глиной зеленого цвета без всяких видимых примесей. Такой же глиной была заполнена вторая комната, примыкавшая к его западной стене. На полу ее, посящем следы ударов орудия типа кетменя, найдены четыре обломка песчаника.

Очень возможно, что в этих помещениях размельчалась зеленая глина, которая была, вероятно, пластичнее серой и поэтому употреблялась при изготовлении растворов для кладки и обмазок. Кирпичи из такой глины встречаются редко. Глину добывали тут же: из нее частично состоит гыр, на котором построено городище.

Назначение круглого сооружения окончательно не выяснено. Возможно, что это — «подставка» под юрту, как предполагает С. П. Толстов⁴. Для понимания его назначения большой интерес могут представить раскопки подобной же круглой в плане постройки, находящейся примерно на 30 м восточнее расчищенной, а также раскопки смежных с ними помещений.

В 50 м севернее раскопа V на поверхности были обнаружены куски печины и пятно гари, поэтому в поисках печи в этом месте был заложен раскоп VI. Печь оказалась обыкновенным домашним тандыром, дно которого вкопано в пол жилой комнаты, имевшей кирпичную суфу вдоль одной из стен. В ходе дальнейших работ на Куюк-кале у южной стены городища были открыты остатки железоплавильного производства (раскоп VII) и большой гончарной печи.

Раскоп VII был заложен на склоне бугра, где четко обозначалась планировка четырех помещений, а на поверхности собрано большое количество железных криц и шлаков, а также осколков печных стенок.

В результате работы выяснилось, что в той части бугра, где скопление шлаков было особенно велико, находится большое помещение (8,05×4,2 м), имеющее три пола, к верхнему и нижнему из которых относились железоплавильные печи. Остатки печи верхнего пола, превратившегося в такую корку, представляют собой хаотическое нагромождение осколков печных стенок, криц, углей и шлаков. Рядом открыта небольшая ямка (диаметр 30 см, глубина около 35 см), наполненная железными крицами. Неподалеку от нее на полу обнаружено скопление углей и золы.

Печь, относящаяся к нижнему полу, также разрушена; сохранилась лишь часть пода с несколькими отверстиями. Обожженная красная поверхность пола в том месте, где была печь, сохранилась на площади 1,5×1 м. Форму печи по этим остаткам установить невозможно, ясно лишь, что она отличается от формы гончарных печей. Впрочем при сыродутном способе плавки железной руды, а на Куюк-кале известен именно этот способ, трудно рассчитывать на находку целых печей, разрушаемых после плавки.

Нижний пол с остатками печи, очень сильно разрушенный ямами, был затем подремонтирован путем засыпки и заново перемазан, причем этот новый, по нашим обозначениям, второй пол был только жилым. В культурном слое над ним найдено большое количество костей, керамики (отметим находку горшка, наполненного рыбьими костями) и совсем нет шлаков и криц. Второй пол совершенно необожжен и покрыт камышевой подстилкой.

Верхний пол, состоящий из большого числа обмазок толщиной 25 см, отделен от него слоем завала толщиной 36—40 см.

⁴ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1956 г. Доклад на пленуме Ин-та истории материальной культуры и Ин-та этнографии АН СССР в 1957 г.

На поверхности бугра, в культурном слое соседнего помещения, найдена хорошо читаемая медная хорезмская монета чекана Абдаллаха.

На городище был собран богатый материал, происходящий из верхних разрушенных построек, полы которых выходят на поверхность. Главную массу его составляет керамика, которая подразделяется на две больших группы — лепную местного происхождения и ремесленную хорезмскую. Следует отметить большую устойчивость форм лепных сосудов, ибо они совершенно однотипны в находах из помещений, относящихся к I и II горизонтам. Керамика из нижнего горизонта неизвестна, поскольку он открыт пока только в шурфе, где найдено несколько невыразительных фрагментов боковых стенок сосудов.

Лепная керамика преобладает на городище. Она сделана из очень плохо перемешанной глины с большим количеством дресвы, обжиг, как правило, плохой. Черепок в изломе серо-красный, двуцветный. Поверхность сосудов затерта жидкой глиной. Это своеобразный прием широко известен в технике изготовления посуды из памятников Джеты-асарского комплекса.

Местная «варварская» керамика из Куюк-калы (рис. 6) представлена следующими формами.

1. Кувшины с высоким горлом в виде раструба и выпуклым туловом. Ручка овально-уплощенная в сечении, одним концом прикреплялась к плечикам, другим — к краю или середине горла. Встречаются крупные и мелкие экземпляры. Крупные достигают 0,5 м высоты, диаметр горла — 30 см, диаметр тулова — 41 см. Мелкие имеют высоту 21 см, диаметр тулова — 15 см, диаметр горла (10 см) превышает диаметр дна (8,5 см). Тулово кувшинов украшено прочерченными треугольниками, а плечи — елочкой.

2. Очень распространены широкогорлые сосуды типа котлов с утолщенным плоским венчиком, украшенным насечками, ямками от вдавлений пальцев или полым круглым штампом, а во многих случаях, кроме того, четырьмя налепами четырехугольной формы. Выпуклое тулово таких сосудов украшено грубым рифлением пальцами. Как и кувшины, они разнообразны по величине. Диаметр горла крупных сосудов достигает 30—35 см, мелких — 14 см. Существовали подобные сосуды и без рифления (рис. 8, 13).

3. Мелкие лощеные чаши округлой формы с плоским дном. Черепок в изломе серый. Их диаметр 14,3 см, высота 0,5—0,6 см, толщина стенки 0,4 см (рис. 6, 16).

4. Горшки с ручкой, один конец которой прилеплен к плечикам, другой — к краю горла. Подобные горшки широко известны в керамике замков Беркут-калинского оазиса (VI—VIII вв. н. э.).

Лепная посуда из Куюк-калы богато украшалась прочерченным орнаментом, вдавленными пальцем или ногтем, насечками, налепами, лощением. Наиболее употребительный прочерченный орнамент состоит из сочетающихся в самых разных вариантах простейших элементов — треугольников, лесенок, елочек, зигзагов. Глубокая древность такого орнамента, восходящего к эпохе бронзы, придает некоторым сосудам очень архаический облик (рис. 6).

Другими видами прочерченного орнамента являются растительный, стилизованные в виде завитков бараньи рога — очень распространенный мотив орнаментации сосудов из Каунчи-тепе-II⁵, и т. д. (рис. 7).

Кроме прочерченного, встречается рельефный растительный орнамент, которым украшена, например, керамика из раскопа II. Ручка другой

⁵ Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. «Изв. АН Казахской ССР», № 1, 1948, табл. 13 и 14.

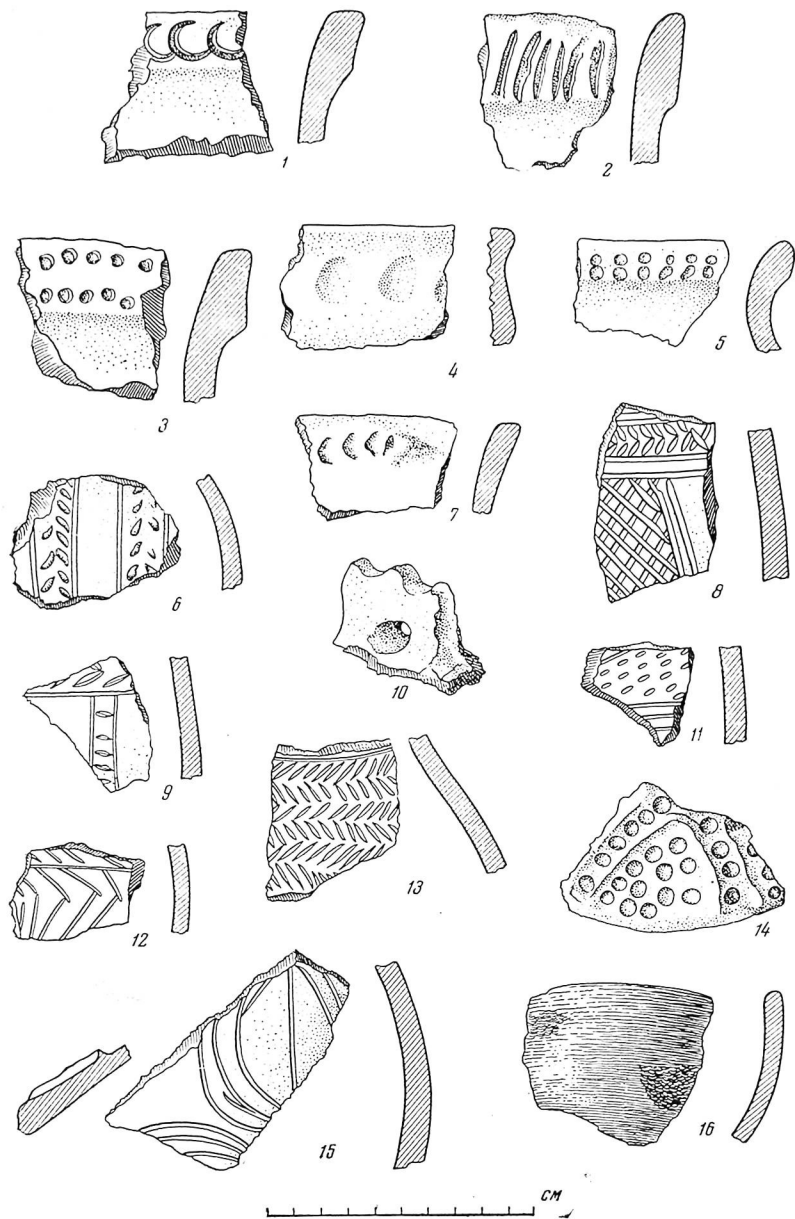

Рис. 6. Керамика из верхних слоев Куюк-калы

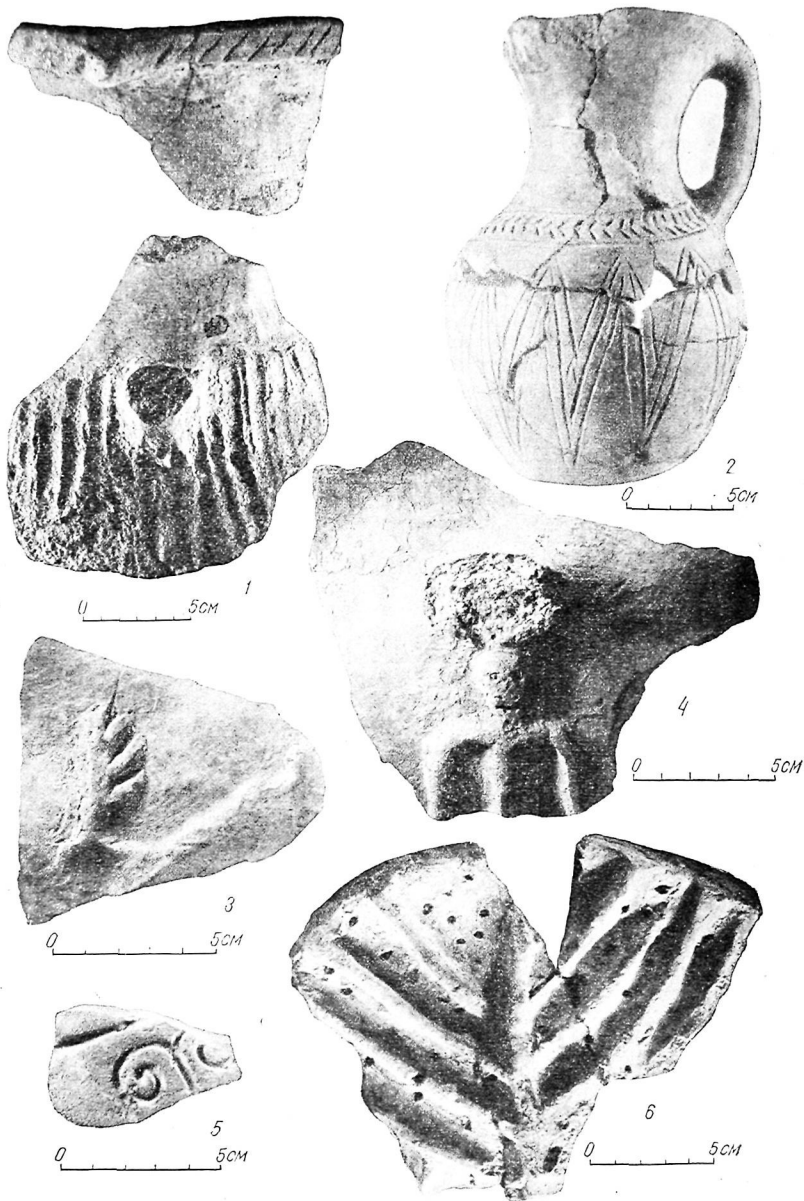

Рис. 7. Керамика с Куюк-калы:

1 — 3, 6 — из раскопа II, нижнего помещения; 4, 5 — подъемная с цитадели

крышки из подъемного материала близко напоминает ручки крышек из Каунчи-тепе-II⁶ (рис. 6, 10).

Куюк-калинская посуда украшалась также лощением и налепами, очень интересными образцами которых являются налепы в виде фигурок грубо изображенного человека и оленя с ветвистыми рогами (рис. 7, 3 и 4).

Орнаментация лепных сосудов из Куюк-калы и их формы имеют прямые аналоги в керамике из афталитско-тюркских слоев «оболотных городищ» Куюк-калы, Куюк-Кескен-калы и других⁷, а также в керамике памятников Джеты-асар⁸. Интересно отметить, что совершенно подобные

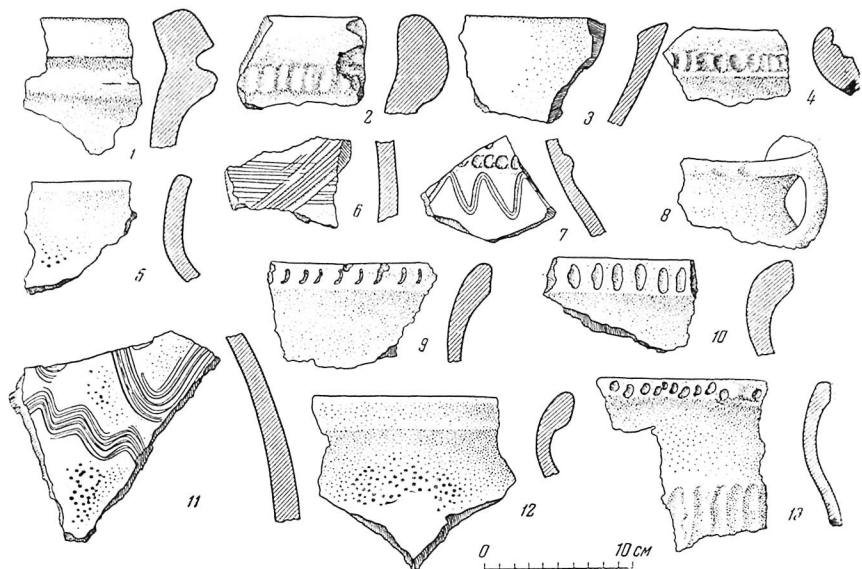

Рис. 8. Керамика из верхних построек Куюк-калы

куюк-калинским кувшины, украшенные прочерченными треугольниками, найдены в ряде замков Беркут-калинского оазиса.

Хорезмской афригидской керамики на Куюк-кале сравнительно немного. Это в основном крупные сосуды: тонкостенные хумы с венчиком в виде валика, орнаментированного по низу ямками от вдавления боковой стороной пальца или с венчиком в виде двух валиков, и водосносные кувшины с венчиком подтреугольного сечения (рис. 8). Реже встречаются мелкие небольшие блюда, украшенные по бережку налепной полоской, гофрированной пальцами. Интересно, что хумы на Куюк-кале — только хорезмийского происхождения, среди местной керамики их нет. Следует также отметить, что таких крупных толстостенных хумов, которые известны по материалам Беркут-калинского оазиса, здесь не встречено — найденные на Куюк-кале хумы тонкостенные и относительно небольшие. Время появления на Куюк-кале хорезмской посуды пока не установлено точно. В слое над нижним полом в шурфе (III строительный горизонт) и в завале нижнего помещения раскопа II (II строительный горизонт) найдены

⁶ Г. В. Григорьев. Указ. соч., табл. IX, рис. 69.

⁷ С. П. Толстов. Города гузов, рис. 12, 8, 9; 13, 14—17; 15, 10—12, 14—15.

⁸ Коллекция Хорезмской экспедиции за 1949—1951 гг.

обломки водоносных афригидских кувшинов, но ввиду незначительности вскрытых раскопом участков основывать на этом факте какие-либо утверждения пока нельзя — находки могут быть случайными.

Из других находок отметим бронзовые вещи: чашу, найденную на южном склоне городища, серьги широко известного «салтовского» типа, подвеску, изображающую верблюда, украшения для головного убора, бронзовые перстни (рис. 9). Кроме того, нумизматическая коллекция из Куюккалы насчитывает 24 хорезмские монеты, четыре из которых, чекана Абдаллаха, происходят из раскопов IV и VII.

Рис. 9. Бронзовые вещи

Раскапывавшийся одновременно с поселением оссуарный могильник расположен над южным обрывом возвышенности Кушхана-тау, занимая отдельные мысы, образованные оврагами и промоинами; часть захоронений лежит на плато на расстоянии до 100 м от обрыва. Протяженность могильника — свыше километра. Оссуарии расположены на высоте от 35 до 50 м от уровня окружающей равнины (рис. 10). Вся поверхность могильника — усыпана обломками сотен оссуариев. По словам информаторов, это следы массовых разрушений, произведенных в 1936 г. после того, как пропелся слух о том, что геологи нашли в захоронениях драгоценные камни. О существовании могильника население знало и раньше. Очевидно, отсюда происходят привезенные этнографом Милковым в 1929 г. оссуарии, поступившие в Русский музей⁹. Могильник приписывают легендарным иноземным завоевателям, именуя его «Калмак-аулия». Оссуарии называют «тас сандык» — каменный ящик.

Оссуарии изготовлены из алебаstra; белые, реже розоватые, прямоугольные, на четырех массивных ножках, длина в среднем 60 см (52—72 см), ширина 28 см (26—31 см), высота около 40 см (высота ножек около 10 см), толщина дна 5 см, толщина стенок 2—4 см. Глубина ящиков примерно 25 см; они закрывались крышками, имевшими четырехскатную форму, обычно со смягченными гранями и уплотнением на месте

⁹ А. Ю. Якубовский. Городище Миздахкан. «Записки коллегии востоковедов», т. V. Л., 1930, стр. 564.

гребня. Высота крышек — 20 см. Все оссуарии однотипны (рис. 11). Наблюдаются лишь незначительные различия в деталях: так, обычно ящик имеет по внутренней стороне верхнего среза выступ и крышка — соответствующую выемку, но встречаются и с выемками на углах верхнего среза, куда вставляются соответствующие выступы крышки. Переход от ножки к ножке иногда плавный — арочный, иногда через плоский участок дна.

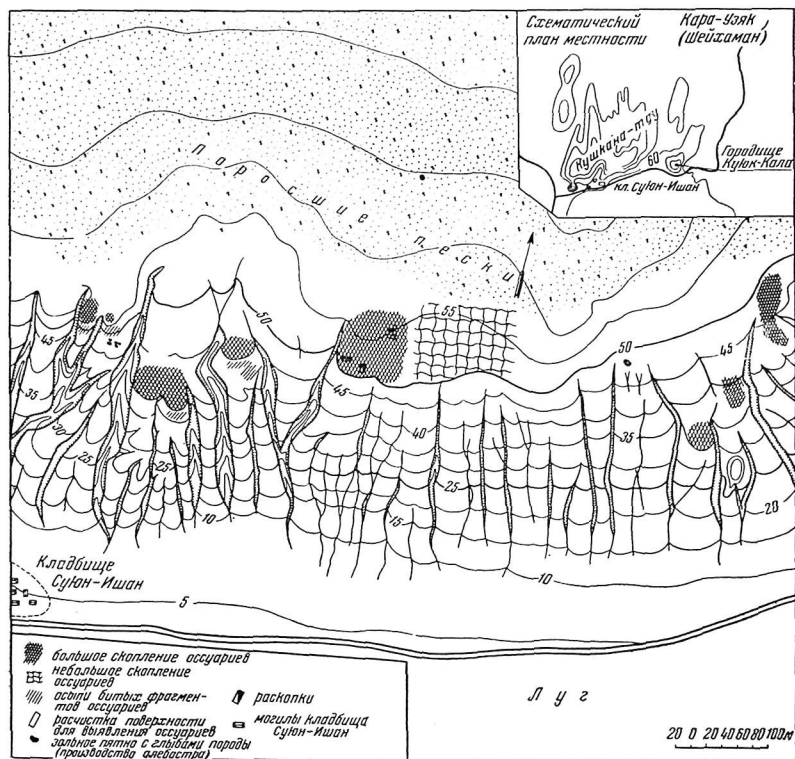

Рис. 10. План могильника

По форме все оссуарии относятся к широко распространенному в Хорезме типу. В частности, большая группа подобных ящиков была найдена С. П. Толстовым в замке № 36 Беркут-калинского оазиса¹⁰. Такая форма известна как для алебастровых, так и для глиняных оссуариев. Весьма вероятно, что, происходя от керамических «саркофагообразных» форм оссуариев, найденных на Калалы-гыр-I, именно эта форма утвердилась при изготовлении алебастровых оссуариев. Оссуарии устанавливались в вырытых, точнее, выбитых в каменистом грунте ямках; дно ямки — обычно плотный слой кристаллического гипса; как правило, из этой же породы и стенки ямы, которые к тому же иногда обкладывались плитками гипса.

¹⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 149—150.

Таким образом, оссуарии заключались как бы в каменные цисты. Глубина ям соответствовала высоте ящиков. Во всех случаях, когда оссуарии не выступали над поверхностью, никаких признаков их залегания отметить при осмотре не удавалось — нет ни холмиков, ни впадин, ни плит, ни оградок. Верхние края ящиков обнаруживаются после снятия слоя грунта толщиной в 5—10 см. Не исключена, однако, возможность того, что крышки до разрушения выступали над поверхностью. Оссуарии располагаются как по одному, так и группами; два — четыре костехранилища устанавливались вплотную друг к другу (рис. 11), причем зарыты они не всегда одновременно. Так, в группе, состоявшей из четырех ящиков, один из них, крайний, был перекрыт куском породы, а обломки крышки лежали внутри. Совершенно очевидно, что при захоронении одного из оссуариев было обнаружено, что успела разрушиться крышка более раннего. Несомненно, что стоящие рядом костехранилища принадлежали членам одной семьи. Кроме того, можно полагать, что более значительные группы оссуариев, расположенные в пределах отдельных мысов, — участки погребений каких-то более крупных родовых единиц.

Внутри каждого ящика, очевидно, помещалась часть костей одного скелета. Собирали кости еще до полного разложения связок и сухожилий — сохранились сочленения в суставах. К сожалению, не удалось получить почти никакого краниологического материала, так как попадавшая в оссуарии вода (которая не могла просочиться через алебастровые стенки в каменистый грунт) и корни растений, проросших внутрь оссуариев, уничтожили кости в большинстве случаев совершенно бесследно.

При захоронении в оссуарии складывались только кости, засыпка отсутствовала, о чем свидетельствует то обстоятельство, что обломки разбившихся оссуарных крышек лежат прямо на костях или на дне в тех случаях, когда кости не сохранились.

Ориентировка захоронений совершенно различна, часто разную ориентацию имеют даже ящики, стоящие рядом. На мысах можно, пожалуй, отметить стремление установить оссуарий торцом к обрыву. Следует сказать, что наибольшие скопления оссуариев отмечены у самого обрыва, в глубине плато они расположены значительно реже. Так, если на одном из мысов на площади в 50 м² зафиксированы следы не менее чем 20 захоронений, то на другом участке, лежащем в 100 м от обрыва на защищенной площади в 250 м², обнаружено лишь 11. Можно полагать, что, руководствуясь зороастрийскими традициями, предпочитали хоронить над обрывом, где восприятие «гор», «скал» было острее, чем на плато.

В оссуариях не найдено никаких предметов, сопровождающих захоронения; на обширной площади могильника поднято всего несколько фрагментов керамики. Однако могильник с достаточной уверенностью можно датировать VII—VIII вв. н. э. Основанием для этого служит как полная аналогия оссуариев могильника с оссуариями, найденными в Беркут-калинском оазисе, так и датировка близлежащего городища Куюк-кала.

Работы 1956 г. на городище Куюк-кала и оссуарном могильнике являются началом исследования истории и культуры населения, оставившего эти интересные памятники.

Раскопки на Куюк-кале восстанавливают сложную картину постепенного роста города, складывавшегося из многих разнородных частей. В результате этих раскопок выявлена мощность культурных наслоений города, намечены этапы его развития и предварительная датировка, а также собран большой материал, характеризующий культуру его населения.

Первоначальным ядром Куюк-калы являлась, по всей вероятности, прямоугольная цитадель, окруженная рвом, вокруг которого стихийно во всех направлениях начал разрастаться город. В последний период его

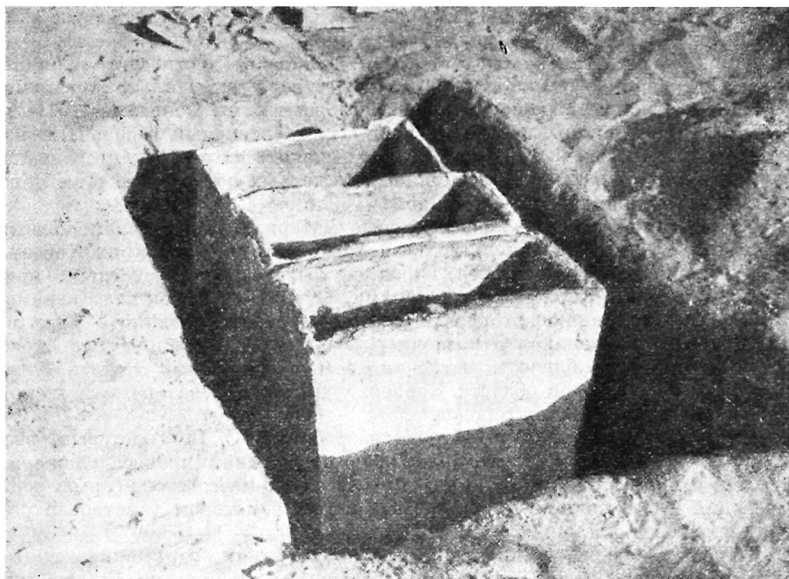

Рис. 11. Осуарии

жизни, датирующийся VIII в. н. э., цитадель переносится на новое место, а старая занимается постройками, одновременными новой крепости.

Наслоения Куюк-калы, как об этом можно судить по работам в ее восточной части, где находится новая цитадель, достигают толщины 2,3 м. Они явились результатом трех перестроек, вызванных пожарами. Верхние постройки хорошо датируются хорезмскими монетами VIII в. н. э. Материал нижних построек (II и III строительный горизонты) известен еще недостаточно для того, чтобы выделить их во времени. Однако, судя по толщине наслоений, возникновение первых построек на гыре можно предварительно датировать концом VI в. н. э.

Обследование Куюк-калы дает новые материалы по истории области низовьев Аму-Дарьи и дополняет сведения о взаимоотношениях Хорезма с окружающими его племенами. Городище было основано местными приаральскими гунно-тюркскими племенами. Обилие на Куюк-кале керамики, близко напоминающей керамику из «болотных городищ», сходство этих городищ с Куюк-калой позволяют говорить об их общем происхождении и этнической близости населения всей территории и считать Куюк-калу одним из городов области Кердер, упоминаемой авторами X в. при перечислении хорезмских городов¹¹.

Этническая история этой области разработана С. П. Толстовым, воссоздавшим сложный и длительный этногенетический процесс сложения туркмен и каракалпаков, потомков древнего сако-массагетско-сарматского населения низовьев Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, в котором участвовал ряд гунно-тюркских племен¹².

Жители Кердера, начиная с древнейших времен, занимались скотоводством, рыболовством, земледелием и охотой, используя благоприятные условия жизни в общей древней пойме Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Авторы X в., описывая области низовьев Сыр-Дарьи, отмечают, что там много озер, в которых ловят рыбу, а в зарослях по берегам водятся кабаны, что жители имеют многочисленные стада и живут в больших селениях¹³. По данным раскопок Куюк-калы, обитатели таких городов-селений времени от эфталитско-тюркского периода до арабского завоевания Средней Азии, помимо скотоводства, рыболовства и земледелия (просо), занимались ремеслами (железоплавильное, гончарное) и торговлей, получившей, судя по находкам большого количества монет, широкое развитие.

Культура населения Куюк-калы имеет смешанный «варварско»-хорезмский характер. Область Кердер в VIII в. н. э. была тесно связана с Хорезмом; наличие афригидской керамики на Куюк-кале, особенности строительной техники и, наконец, зороастрийский хорезмский обряд захоронений в оссуариях, подобных оссуариям из Беркут-калы, не оставляют в этом никаких сомнений.

С другой стороны, обитатели Приаралья проникают в оазисы Хорезма, оседая в его поселениях. Это тесное соприкосновение афригидского Хорезма и окраинных племен наложило глубокий отпечаток на его культуру, все более отчетливо выявляемый археологией.

¹¹ МИТТ, т. I, 1939, стр. 431.

¹² С. П. Толстов. Города гузов.

¹³ МИТТ, т. I, 1939, стр. 150.

Б. В. Андрианов

**АРХЕОЛОГО-ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА ЗЕМЛЯХ ДРЕВНЕГО ОРОШЕНИЯ ТУРТКУЛЬСКОГО
И ВИРУНИЙСКОГО РАЙОНОВ КАРАКАЛПАКСКОЙ АССР
в 1955—1956 гг.**

БЕРКУТ-КАЛИНСКИЙ ОАЗИС

Беркут-калинский древний оазис, который располагается в низовье современного канала Тазабагъяб (Кырк-Кыз), был впервые обследован Хорезмской экспедицией под руководством С. П. Толстова в 1937—1940 гг. В те годы культурные земли заканчивались у Гульдурсуна, а дальше на север лежала пустыня: пески, такыры и древние развалины. Экспедиция проследила основное ложе древнего Кырк-Кызского канала в виде плоского глиняного вала, шириной 40—60 м, на всем протяжении от Гульдурсуна до Большого Кырк-Кыза¹. Была произведена топографическая съемка территории между Кум-Баскан-калой и Уй-калой, на которой обследовано, снято на план и нанесено на карту около 100 укрепленных позднеафригидских усадеб VIII—IX вв.²

С 1946 г. в работах Хорезмской экспедиции получили широкое применение авиавизуальные разведки и аэрофотосъемки, которые в сочетании с наземными археологическими исследованиями дали возможность значительно уточнить схематическую карту земель древнего орошения правобережного Хорезма (опубликованную в работе С. П. Толстова «Древний Хорезм»)³ и составить новую схему⁴. В 1952—1954 гг. была значительно расширена плановая аэрофотосъемка. Сначала на левом берегу Хорезма (Чермен-яб)⁵, а затем на правом (древний Кельтеминар)⁶ были проведены специальные археолого-топографические изыскания с целью изучения древних оросительных систем и составления подробных археологических карт.

Исследования археолого-топографического отряда в 1955 г. в Беркут-калинском оазисе являются продолжением этих работ. Отряд обследовал

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 132 и сл.

² Там же, стр. 135.

³ Там же, стр. 47.

⁴ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. Приложение.

⁵ Б. В. Андрианов. Археолого-топографические исследования древней ирригационной сети канала Чермен-яб. «Труды ХЭ», т. II, 1958, стр. 365, карта «Древняя ирригационная система Чермен-яба».

⁶ «Труды ХЭ», т. II, карта «Древняя ирригационная система Кельтеминара».

древний Кырк-Кызский канал, вдоль которого теперь проложено русло нового канала, зеленеют колхозные поля и располагаются современные колхозные поселки. По ряду участков древнего канала проходит дорога, местами он полностью разрушен. В окрестностях Большого Гульдурсуна ложе канала сохранилось в виде нескольких останцов береговых отвалов, возвышающихся над хлопковыми полями на 4,5—5 м. Общая ширина канала превышает 40 м, между валами 7,5 м. Ниже отдельные участки канала, сохранившиеся в виде очень плоского глинистого вала шириной 30—50 м и высотой 1—1,5 м, а местами в виде двух валов, были зафиксированы у Кум-Баскан-калы, рядом с Тешик-калой, в окрестностях Беркут-калы и к северу от последней, где ложе древнего канала отклоняется на восток от современного и проходит по окраине культурной зоны в пределах еще неосвоенной восточной части Беркут-калинского оазиса афригидского времени. Большой, плоский, сильно размытый и переметанный песками канал в 5 км от Уй-калы образует дугу, обращенную в сторону замков № 58 и 60. Далее он пересекает неширокое русло бокового протока Акча-Дары, следует его изгибам, вновь пересекает русло и делает крутой поворот в сторону Атсыз-калы, откуда плавной дугой подходит к Большому Кырк-Кызу, где канал дает ответвления в сторону Малого Кырк-Кыза, а затем южнее крепости круто меняет направление с северного на восточное в сторону Кургашии-калы. У Большого Кырк-Кыза его общая ширина превышает 40 м, расстояние между валами равно 20 м.

На канале было заложено 17 поперечных профилей (через каждые 2 км), которые выявили два ложа. Одно из них, более узкое, шириной 27—30 м (между валами 6—8 м), по всей видимости, одновременно многочисленным афригидским замкам и крепостям. Оно связано с ними сетью боковых ответвлений и мелких арыков, от которых сохранились отдельные участки на неосвоенных такырах среди колхозных полей.

Другое, более мощное, ложе канала, которое то полностью смыкается и перекрывается более узким афригидским ложем, то отходит от него на 30—50 м, имеет средние размеры 40—50 м, между валами 10—11 м, местами — 20 м. Оно относится, на основании многочисленных находок, к античной кангуйско-кушанской эпохе. Следы значительных античных поселений были открыты С. П. Толстовым еще в довоенные годы (к северу от Тешик-калы, в окрестностях Беркут-калы, Уй-калы и т. д.)⁷. Недалеко от Уй-калы ложе античного канала имеет общую ширину 50 м, между валами 11 м. От него прослеживается ряд ответвлений и мелких арыков в сторону Уй-калы, которая в момент обследования была окружена озером. На берегу озера рядом с магистральным каналом были открыты следы больших (кушанских) керамических мастерских в виде холмов со шлаками, обожженными кирпичами, обломками посуды и керамического брака. В 1956 г. был раскопан один из холмов, оказавшийся засыпанной керамической печью диаметром в 3,5 м⁸.

Археолого-топографические изыскания выявили, наряду с кангуйско-кушанской оросительной системой в бассейне Кырк-Кыза, каналы архаического периода (VII—IV вв. до н. э.). Их остатки располагаются к западу от Тешик-калы и Беркут-калы на берегу древнего протока Акча-Дарьинской дельты, занесенного теперь песками, местами заполненного сбросными водами.

На ответвлениях канала в точке 724 были обнаружены остатки архаического поселения в виде скопления керамики, обломков больших

⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 135, карта Беркут-калинского оазиса.

⁸ М. Г. Воробьева. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии. «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии». Рукопись.

светлоангобированных «кюзели-гырских» хумов с характерным венчиком. Здесь была обнаружена громадная зернотерка с верхним и нижним камнем.

Отдельные участки архаических каналов в виде сильно разрушенных такырных останцов и скоплений керамики зафиксированы и севернее, в окрестностях замка № 74 и Якке-Парсана, где ширина сохранившейся такырной полосы — 20 м. Эта сеть была прослежена в 1956 г. и далее по направлению к Аяз-кале в виде сильно разветвленных извилистых такырных полос, не превышающих 10 м в ширину.

В зоне архаического канала, к юго-западу и северо-западу от Беркут-калы, были обнаружены и более древние археологические памятники — стоянки поздней бронзы и раннего железа, которые могут рассматриваться как продолжение открытых еще в 1938—1939 гг. С. П. Толстовым между Наринджаном и Тешик-калой и к западу от последней первобытных стоянок тазабэгъябской и амирабадской культур. Пешие маршруты в зоне тяжелых песков и высоких барханов, западины между которыми покрыты свежими наносами и сильно засолены, выявили целый ряд амирабадских стоянок: к юго-западу от Тешик-калы (точка 1007), к северо-западу от Тешик-калы (точка 1008—1001), к западу и северо-западу от Беркут-калы. Самая крупная из них — Уй-кала-I расположена к северо-западу от замка № 76. Стоянка простирается с севера на юг на 350 м, образуя выгнутую на запад цепочку выходов культурного слоя с обильными скоплениями керамики, кострищами, кусками обожженной глины и т. п. Поверхность стоянки обильно усеяна неорнаментированной или частично орнаментированной грубой керамикой, обломками толстостенных небольших сосудов с черной, черно-серой и бурой поверхностью, с плоским дном, округло-выпуклыми стенками и слабо отогнутыми венчиками; встречены также сосуды с прямым высоким венчиком, орнаментированные нарезками в косую сетку.

Цепь стоянок приурочена к берегам древнего узкого протока, следы которого в виде размытых и разветвленных такырных полос прослеживаются на местности и на аэрофото, начиная от района Кум-Баскан-калы и Наринджана к Тешик-кале, Беркут-кале и далее к западу от Уй-калы. Именно здесь, на затухающем акча-дарьинском протоке, на заре античности и были проложены архаические каналы. Они следовали, так же как и в системе древнего Кельтминара, вдоль берега русла по западной окраине такырного щита. Более поздние кангюйская и кушанская оросительные системы базировались на мощном 40-метровом канале, проложенном уже посередине щита такыровидных суглинков. Остатки мелкой оросительной сети, снабжавшей водой многочисленные кангюйские и кушанские поселения, свидетельствуют о непрерывном функционировании этого магистрального канала на протяжении всей античности, после чего в афригидский период было проложено второе более узкое ложе, снабдившее водой многочисленные афригидские поселения, замки и усадьбы Беркут-калинского древнего оазиса, прекратившего свое существование в VIII в. н. э.

ЯККЕ-ПАРСАНСКИЙ КАНАЛ

Якке-Парсанский канал был открыт и прослежен на всем протяжении от окрестностей развалин раннесредневекового города Наринджан до Якке-Парсана и Аяз-калы во время авиавизуальных работ 1946—1948 гг.⁹ Тогда С. П. Толстовым было сделано предположение, что канал

⁹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. Приложение.

после выхода из современной культурной зоны как бы пересекает «новый» (XIII—XIV вв.) и «старый» (X—XI вв.) город, оставляя мавзолей, в основе которого находится более древний (афригидский) замок, слева от линии канала. Археолого-топографические исследования 1955 г. подтвердили этот вывод. Как «новое», так и «старое» городище перекрывают ложе канала, которое у южных стен выражено очень плоским 13-метровым понижением. Днище канала ниже окрестных такыров на 1—1,5 м. Общая ширина канала, вероятно, достигала 25—27 м. Он усеян мелкими фрагментами афригидской и саманидской керамики. К северу от городища канал был распахан. Его общая ширина достигала 23—28 м.

Археолого-топографические изыскания выявили у Наринджана сложную раннесредневековую сеть небольших каналов и арыков, орошавших прилегающие к городищу окрестности, теперь густо усеянные обломками бурых, светло-охристых и серых раннесредневековых сосудов, фрагментами поливной керамики с красно-коричневатой росписью в виде геометрических узоров, арабских кувфических надписей и т. п.

Якке-Парсанский канал был обследован на всем протяжении от Наринджана до Якке-Парсана и Аяз-калы. В 5 км к северу от Наринджана канал прослеживается по очень плоскому валу общей шириной 15 м. На нем — россыпи раннесредневековой керамики IX—X вв. Рядом возвышаются развалины небольшого раннесредневекового укрепления, от которого сохранилась южная глинобитная стена высотой в 5 м с узкими плоскими бойницами. Окружающая местность покрыта тяжелыми песками, среди которых такырные «островки» очень редки. Далее на север в подъемном археологическом материале уже полностью преобладает афригидская и античная керамика.

В районе афригидского городища Кум-кала, на боковых ответвлениях Якке-Парсанского канала, был зафиксирован целый ряд архаических, кангуйских и кушанских поселений (в виде скоплений керамики и невысоких бугорков).

Ширина Якке-Парсанского канала колеблется от 28 до 50 м. Преобладающая (особенно в верхней части) ширина — 25—32 м, между береговыми отвалами 9—10 м, видимо, относится к наиболее позднему кушано-афригидскому и афригидскому ложу. Там, где ширина превышает 40 м, очевидно, сохранились участки более древнего античного канала, на что указывают археологические находки. У Аяз-калы этот канал имеет общую ширину 28 м, между береговыми отвалами 6 м. Дно приподнято над окружающими такырами на 1,6—2 м.

БАССЕЙН ГАВХОРЭ

Рустаки Гавхорэ, впервые открытые и обследованные Хорезмской экспедицией в 1937—1940 гг., располагаются в низовьях современного канала Амирабад. Небольшие замки и многочисленные неукрепленные усадьбы XII—XIII вв. окружают развалины более крупного раннесредневекового замка Кават-кала, являющегося центром обширной округи, вытянутой вдоль древней ирригационной системы Гавхорэ.

Мертвый оазис простирается вдоль древних русел и современных озер на 30 км от культурной зоны в виде изогнутой полосы такыров, почти сплошь покрытых многочисленными развалинами отдельных усадеб и замков, возвышающихся среди густой и причудливой сети каналов, арыков и полей. С запада этот оазис граничит с тяжелыми песками, сухими руслами и современными озерами. С востока его оконтуривает зона песков и котловин выдувания, образовавшихся в местах сброса вод прежних ирригационных систем. Общая площадь, покрытая полями, достигает 35 км².

Причем в центральной, наиболее густо заселенной части, прилегающей к Кават-кале, на площади в 14 км² зарегистрировано свыше 140 усадеб. Если считать, что в среднем в одной усадьбе проживало от 20 до 30 человек, то окажется, что в окрестностях Кават-калы жило от 3000 до 4000 человек. Плотность населения, вероятно, достигала 200—250 человек на квадратный километр площади оазиса, что было для тех времен весьма высокой цифрой. И не случайно Якут, посетивший Хорезм в 1219 г., писал, что он «не видел нигде области более обитаемой, чем он (Хорезм.— *Б. А.*)... Непрерывная заселенность, близкие друг от друга селения, много отдельно стоящих домов и замков в его степях, редко падает твой взор в его волостях (рустак.— *Б. А.*) на невозделанное место...»¹⁰.

Археолого-топографические изыскания 1956 г., в результате которых удалось составить подробную карту, показали, что система Гавхорэ состоит из ряда разновременных магистральных каналов, местами проложенных параллельно, местами переплетающихся между собой и образующих сложный пучок (рис. 1).

В своей верхней части раннесредневековая система Гавхорэ была прослежена в пределах культурного оазиса недалеко от раннесредневекового замка Наиб-кала. К югу от этого замка канал имел в сторону античного городища Думан-калы ответвление, которое достигало у Наиб-калы ширины свыше 30 м. Основное русло канала после выхода из современной культурной зоны в окрестностях озера сужается до 25 м, между валами — 6—5,5 м. Высота береговых отвалов 2 м. В 3 км от культурной зоны канал раздваивается. Общая ширина превышает 40 м. Но ширина левого, видимо, основного ложа сохраняется. Она равна 20 м, между береговыми отвалами — 6 м. Несколько ниже к средневековой системе близко с юго-запада подходит античная система, и образуется почти сплошная полоса разрушенных разновременных каналов и арыков общей шириной около 200 м (точка 1171).

По мере приближения к Джильдыку магистральная система Гавхорэ, проходящая по берегу уже другого озера, вновь сужается до 100—120 м. На западе — мощный 40—50-метровый вал, усеянный античной керамикой, восточнее — пучок небольших раннесредневековых каналов, сильно разрушенных дефляцией. Наиболее крупный из них имеет ширину между береговыми отвалами в 5 м.

В окрестностях замка V раннесредневековая магистральная система Гавхорэ сильно разветвляется. Ее общая ширина превышает 220 м. Несмотря на сильное разрушение, в поперечном профиле удалось выявить 11 арыков, различающихся друг от друга по величине и образующих почти сплошную серию бугорков и уступчиков, останцов, береговых отвалов, не превышающих высоты в 1 м (рис. 2). В подъемном керамическом материале преобладают обломки и фрагменты раннесредневековых неполивных и поливных сосудов.

Между V и IV замками система Гавхорэ сильно разветвляется, давая ответвления распределительных арыков как влево, так и вправо. Пучок раннесредневековых каналов слегка уклоняется к западу и подходит к IV замку в виде 150-метровой зоны разрушенных арыков и каналов, центральные части которых не превышают 3—3,5 м. До IV замка античная и раннесредневековая системы идут параллельно. Но между IV и III замками картина осложняется. Местами сплошная зона параллельных и перекрещивающихся арыков достигает 400 м.

Поперечный профиль между IV и III замками выявил пять небольших

¹⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 156.

раннесредневековых арыков. Наиболее крупный из них, магистральный, расположен на западной окраине. Его ширина 15 м, между валами — 4,5 м. Он направляется к III замку и далее к Кават-кале, где от него отходит большое количество мелких арыков. К северо-западу от городища его общая ширина 12 м, между валами 4 м. Затем он поворачивает на северо-запад вдоль античных систем, орошавших окрестности Топрак-калы и Кзыл-калы, где узкая зона раннесредневекового орошения постепенно выклинивается.

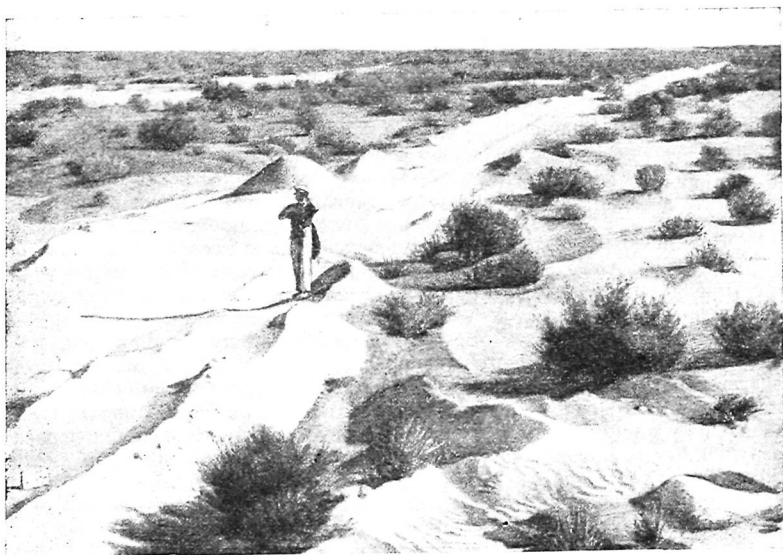

Рис. 2. Магистральный канал Гавхорэ в окрестностях замка V

Археолого-топографические исследования в окрестностях Кават-калы выявили определенную группировку крестьянских усадеб вдоль отдельных каналов системы Гавхорэ. Отдельные группы в 10—20 усадеб размещаются по каналам, как правило, ниже замков, к которым они тяготеют. Так, к замку I прилегают усадьбы 1—10, 59, 60 и др. Замок II главенствует над каналом, где расположены усадьбы 19, 22—26 и др. Ниже замка III лежат усадьбы 36, 45, 46, 63—70.

На плане ирригационной системы Гавхорэ с ее сложноветвистыми формами и многочисленными узкими ответвлениями, вдоль которых группируются крестьянские усадьбы, тяготеющие к определенным замкам, можно видеть топографическое воплощение существовавших в то время феодальных отношений.

Подмеченные еще в 1940 г. С. П. Толстовым, эти особенности топографии местности дали ему основание для заключения о том, что рустак Гавхорэ — пример законченного феодального типа расселения, с резиденцией крупного феодала-князя в Кават-кале, замками его вассалов и многочисленными крестьянскими усадьбами.

Археолого-топографические изыскания в окрестностях Кават-калы выявили наряду с раннесредневековыми ирригационными системами остатки

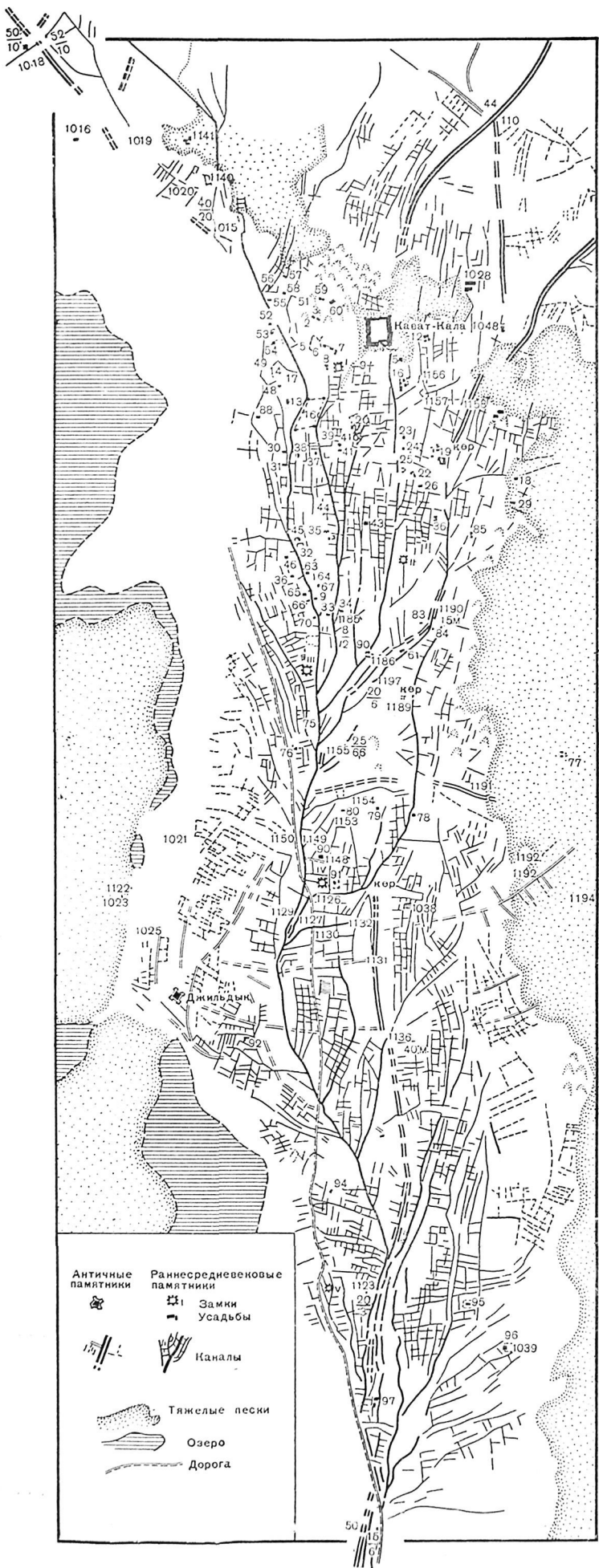

Рис. 1. План окрестностей Кават-кала

и более древней античной ирригации. Основное ложе античного канала к юго-востоку от Думан-калы, сооруженное, судя по керамике, в архаический период, сохранилось в виде очень плоского, засыпанного песком глиняного вала, общей шириной свыше 70 м. В окрестностях Думан-калы вал античной магистрали постепенно снижается и уменьшается до 50—40 м. Не достигая 5 км Джильдыка, эта древняя античная система прерывается, уступая место раннесредневековой системе Гавхорэ, которая до этого тянулась параллельно, то приближаясь на 50—100 м, то удаляясь на 500—1000 м.

В окрестностях Джильдыка и Кават-калы в пределах густо пересеченного мелкой арычной сетью раннесредневекового оазиса обрывки античного Гавхорэ были обнаружены только в нескольких местах. Однако можно заметить, что конфигурация античных систем в отличие от сложноветвистой раннесредневековой планировки имеет подпрямоугольные угловатые формы, которые восходят к ранней античности.

Н. Н. Вактурская и О. А. Вишневская

**ПАМЯТНИКИ ХОРЕЗМА ЭПОХИ ВЕЛИКИХ ХОРЕЗМШАХОВ
(XII — начало XIII в.)**

Летом 1956 г. один из отрядов¹ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР с 23 августа по 20 сентября изучал памятники материальной культуры на территории средневекового Кават-калинского оазиса, расположенного в 12—15 км к югу от восточной оконечности гор Султан-Уиздаг (Каракалпакская АССР, Бирунийский район), — крепость Кават-калу, представляющую наиболее крупные развалины в оазисе, и одну из ближайших к ней усадеб.

Изучение феодального земледельческого поселения Кават-калинского оазиса было начато С. П. Толстовым во время разведовательных маршрутов 1938² и 1939³ гг. с обследования крепости Кават-кала. В 1940 г., когда проходило обследование всего Кават-калинского оазиса, на Кават-кале были проведены рекогносцировочные раскопки. Тогда же в ее окрестностях раскопали крестьянскую усадьбу № 1⁴. Археологические работы в оазисе после длительного перерыва возобновились в 1956 г. в связи с приближением современной культурной полосы и вытекающей отсюда возможностью гибели памятников оазиса.

Как уже отмечалось выше, в этом году одним из объектов изучения были развалины крепости Кават-калы (рис. 1), имеющей в плане (рис. 2) форму прямоугольника размером 160 × 190 м. Крепость ориентирована длинными сторонами с севера на юг. По периметру ее окружала стена, идущая в два ряда, с башнями по углам и сторонам. Башни небольшие, в плане полуovalные, за исключением одной у юго-восточного угла, имеющей почти круглую форму. Башни, как и сами стены, выведены из пахсовых блоков различной величины; высота слоев пахсы от 40 до 105 см. Различие в размерах пахсовых блоков при наличии на некоторых участках стены закладок из сырцового кирпича, применяемого в Хорезме в античную и средневековую эпохи (37—40 × 9 см, 32 × 6 см и 25 × 4,5—5 см),

¹ В состав отряда входили: начальник отряда Н. Н. Вактурская, научные сотрудники О. А. Вишневская, Б. И. Вайнберг, Р. Л. Садоков, В. Н. Ягодин, А. В. Виноградов и А. В. Гудкова; научно-технические сотрудники М. И. Земская, Э. Н. Гурова, М. Ф. Грошева и Г. А. Еценстова; архитектор Ю. В. Стеблюк, художник И. В. Савицкий и фотограф Г. А. Аргиропуло.

² С. П. Толстов. Древнехорезмийские памятники в Каракалпакии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 174.

³ С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 155, рис. 1.

⁴ С. П. Толстов. Хорезмская археологическая экспедиция 1940 г. КСИИМК, XII, 1946, стр. 92; его же. Новые материалы по истории Хорезма. ВДИ, 1946, № 1, стр. 79 и сл.; его же. Новые материалы по истории Хорезма. ВДИ, 1946, № 1,

показывает, что крепостные сооружения Кават-калы неоднократно подвергались ремонту и переделкам. Стены крепости сохранились довольно хорошо, в ряде мест они и теперь еще возвышаются на 10—12 м. Вход в крепость находился на южной стороне, ближе к ее восточному краю.

Внутренность крепости почти на три четверти засыпана песком, который местами образует высокие барханы, достигающие верха стен. Свободное от песчаных наносов пространство, за исключением отдельных небольших участков в северо-восточном и юго-восточном углах и в северной части городища, где выходят пятна горизонтально ровных такыров, занимают бугры, скрывающие остатки обрушившихся построек. Один из бугров, расположенный у южной стены, особенно выделялся своими размерами, занимая больше половины городища. Поверхность городища усеяна многочисленными обломками гончарных предметов хорезмшахского периода. Некоторые из керамических фрагментов принадлежат кангюйским сосудам.

Ввиду того, что основной задачей обследования Кават-калы этого года было получение материалов последнего периода существования крепости, раскопки велись преимущественно в верхнем строительном горизонте. Было вскрыто около 300 м² площади в южной части городища, на только что названном большом бугре, скрывавшем, как оказалось, развалины огромного дворца. При расчистке отдельных участков этого холма открыты остатки обширных дворцовых помещений, из которых одно было вскрыто полностью и три частично. В свое время эти помещения имели пышную внутреннюю отделку: их стены украшала полихромная роспись, а поддерживавшийся колоннами деревянный потолок и двери были отделаны искусной резьбой.

Полностью расчищенное помещение (рис. 3, I) находится в восточной части бугра, с южной стороны единственного на всем городище высокого останца. Оно имело размер 11×14 м и было ориентировано сторонами, как и сама Кават-кала, по странам света. Помещение заполнял завал, состоявший из обрушившихся верхних частей здания и песчаных наносов. На полу в беспорядке лежали сгоревшие деревянные части строения слоем в 10—15 см. Над ними находилась толща аморфной глины, в которой встречались обломки сырцовых и обожженных кирпичей и куски стеной штукатурки. Мощность этого второго снизу слоя достигала у западной стены 20—25 см, а в юго-восточном углу — примерно одного метра. Сверху его перекрывали небольшие барханы наносного желтого песка. Эти завальные слои были частично нарушены позднейшими перекопами, места которых удалось проследить по различию в плотности грунта и песчаному заполнению некоторых из ям, открывшихся в завале. На стенках ям сохранились следы инструмента, которым их копали, — лопаты или кетменя с дугообразной рабочей частью.

Стены помещения, за исключением восточного конца южной, который и сейчас еще возвышается над окружающей поверхностью почти на 3 м, сохранились только в своей нижней части. Северная стена в ее наиболее высоком месте сохранилась на высоту около 80 см, западная — около 30 см, а от восточной осталось преимущественно основание. Стены сложены из пахсы (в южной высота пахсовых блоков — 105 см, ширина — 60—75 см) и сырцового квадратного кирпичика (25—29×4—5 см), положенного в кладке плашмя. Скрепляющим раствором служила жидкая глина. В нижней части стены имеют смешанную кладку: два ряда сырцовых кирпичей чередуются с рядом обожженных. Размер обожженных кирпичей — 25×25×5 см. По толщине стены неодинаковы: ширина северной равна 0,65 м, южной — 0,85 м. Со стороны помещения они были оштукатурены глиной, смешанной с саманом, и затем по штукатурке, окрашенной в белый цвет, расписаны голубой, черной, желтой и розовой красками. Северную стену

помещения украшали сверх того пилястры прямоугольного сечения. Южная имела по низу облицовку из сырцовых кирпичей. Этот последний строительный прием для Хорезма до раскопок 1956 г. оставался неизвестным.

В помещение № 1 вели четыре прохода. Один из них, наиболее широкий (2,6 м) и, по-видимому, главный, с деревянным оформлением дверного проема, находился в середине северной стены. В западной части ее был второй проход, шириной в 1,25 м, с деревянным порогом. Третий, шириной около 1,5 м, находился в южной стене против главного входа, а четвертый — в южном конце восточной.

Рис. 1. Кават-кала.

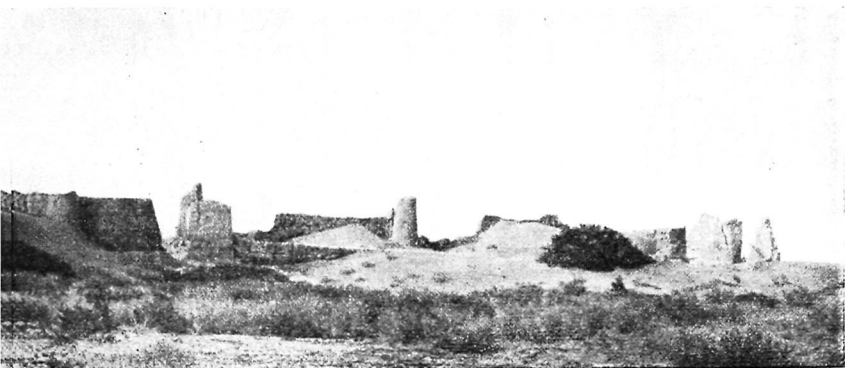
Пол в помещении № 1 был глинобитным и местами ошлакованным. Его обмазка частью уничтожена перекопами, и там, где она отсутствует, проглядывают сырцовая кладка, идущая под полом вдоль южной и восточной стен, и земляная подпольная засыпка. На полу стояли базы колонн. Из оставшихся девяти баз четыре были сделаны из серого мрамора и пять — из песчаника. Десятая база была унесена, когда перекапывали завал. Ее место в виде квадратного углубления в полу открыто в одной из ям перекопов. Судя по оставшимся от нее мелким обломкам, она была тоже песчаниковая. Песчаниковые базы, имевшие, за исключением одной круглой, форму ступенчатой пирамиды со стороной около 50 см, при высоте около 40 см, стояли по три в ряд вдоль восточной и западной стен. Мраморные, представленные грудами мелких обломков, находились в северной половине помещения, размещаясь по две в ряде по сторонам центрального прохода. В южной части помещения против мраморных баз выявлены две прямоугольные вымостки (75 × 85 см) из квадратного обожженного кирпича со стороной в 27 см. Кирпичи в них уложены плашмя в несколько перекрывающих друг друга рядов. Эти вымостки, судя по их расположению, служили, как и базы, опорой для колонн, на которых покоилось плоское перекрытие. Сами колонны не обнаружены. Видимо, они были деревянными и сгорели во время пожара.

Перекрытие в помещении № 1 было деревянным с глиняной обмазкой по слою камыша. Среди его остатков, обнаруженных на полу в виде груды углей, выявлены отдельные детали потолка — балки, доски, плахи.

Внутри помещения вдоль северной стены по обе стороны центрального прохода шли суфы, с лицевых сторон сложенные из сырцового кирпича,

а внутри засыпанные аморфной глиняной массой. Поверхность суффа имела глиняную обмазку.

При расчистке помещения были собраны медные и железные изделия, обломки стеклянных и керамических предметов, растительные остатки, обломки поделок из дерева, обрывки циновки (рис. 4), бумаги и ткани. На полу в западной части помещения около крайней южной песчаниковой базы колонны найдены три медные монеты. В числе находок были также бесформенные медные слитки — остатки расплавившихся в огне изделий. Эти слитки лежали на полу в виде отдельных скоплений.

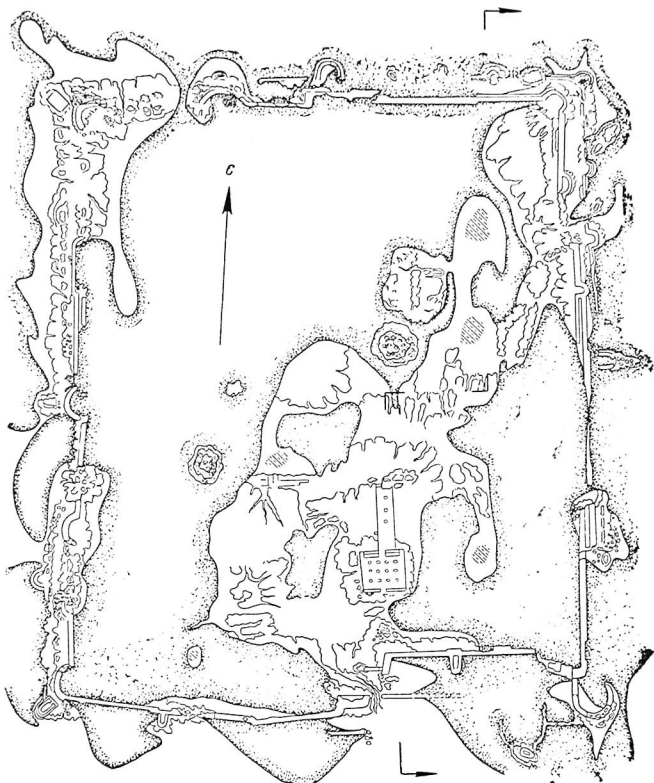
Общий вид

Характер собранных вещей, среди которых почти нет бытовых предметов, а также размеры и внутренняя отделка помещения позволяют полагать, что перед нами не обычная жилая комната, а большой парадный зал.

С северной стороны к первому помещению примыкало второе (рис. 5), еще больших размеров, раскрытое нами неполностью: через него прошли траншеей шириной в 5,25 м. Расстояние между южной и северной стенами этого помещения определяется в 21,2 м. Его восточная и западная границы остались неустановленными. Завал помещения № 2 состоял из остатков обрушенных верхних частей здания.

Южная стена помещения общая со стеной первого. Противоположная ей — северная — в свое время была целиком разобрана, и там, где она стояла, теперь проходит длинный узкий ров. Перекрытие было плоским, деревянным. Его остатки открыты на полу у южной стены. Судя по их расположению, потолок состоял из перекрещивающихся балок, пространства между которыми заполняли дощечки, украшенные резным растительным узором. Потолок поддерживали колонны. На это указывают каменные базы, проявившиеся в восточном обрезе траншеи и вдоль северной стены. Пол был глинобитным.

Два других помещения дворца — № 3 и ведущий в него коридор, расположенные к западу от помещения № 2, были расчищены тоже частично. Заполнявший их завал также состоял из обрушившихся частей сооружения. Внизу, на полу лежали обгоревшие доски двери и остатки перекрытия из дерева и камыша. Их покрывал мягкий глинистый слой с кусками глиняной саманной обмазки, включениями горелого камыша и небольшими песчаными линзами. Этот мягкий слой был перекрыт твердым кирпичным завалом, в котором попадались сырцовые кирпичи, побывавшие в огне.

Условные обозначения

 Песок
  Такыр

Масштаб
 0 10 20 30 40 50 м

Рис. 2. Кават-кала. План

КАВАТ - КАЛА
Раскопки № 1 и 5

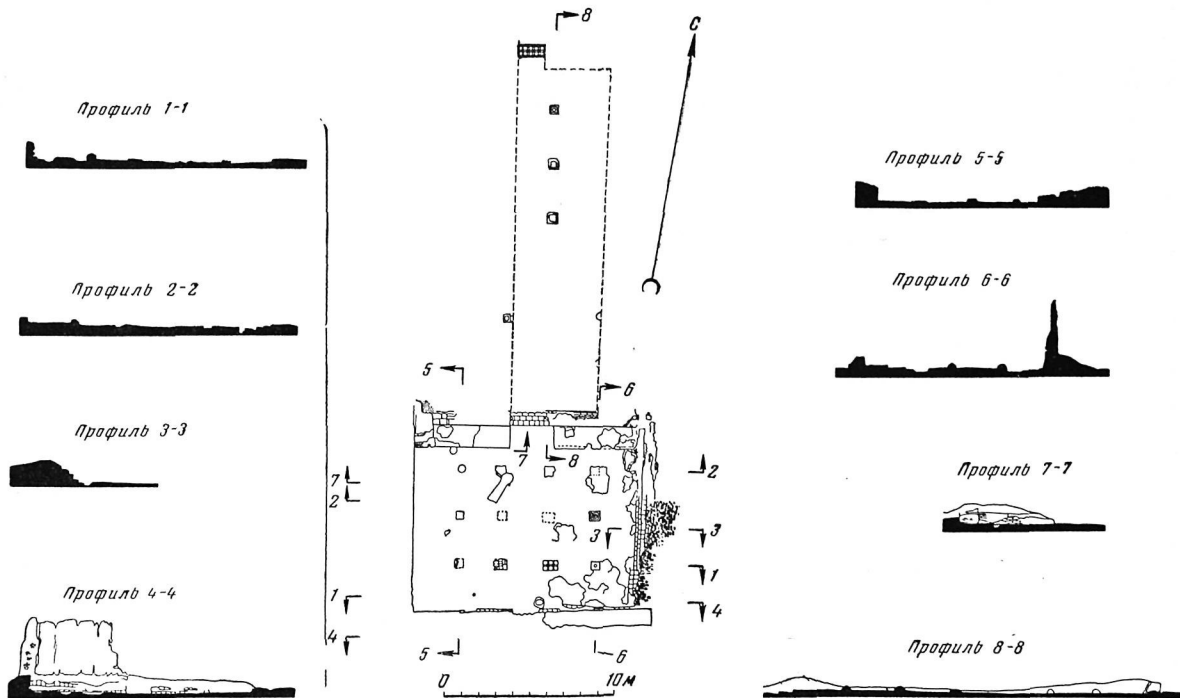

Рис. 3. Кават-кала. План помещения № 1 и раскопанной части помещения № 2

Стены помещения № 3 и коридора, сохранившиеся на высоту 25—50 см, сложены из сырца и облицованы изнутри тем же сырцовым кирпичом. Глинобитный пол покрыт двумя слоями обмазки.

Коридор, шириной 0,9—1,0 м, расчищен примерно на 3 м в длину. В нем открыт деревянный порог, составленный из двух плах, лежавших поперек коридора, и упавшая рядом с ним дверь (рис. 6),— то и другое обгоревшие. Под верхней обмазкой пола в западном конце коридора у его южной стены находилась яма, заполненная песком, в которой стояла неповрежденная хумча. Рядом с хумчой в песке лежал медный кувшин.

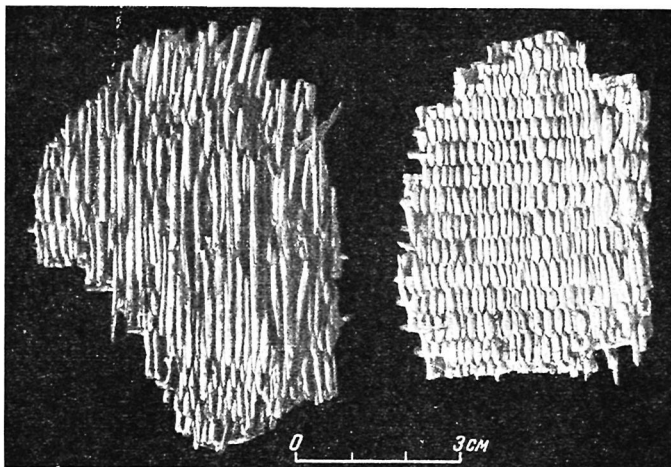

Рис. 4. Обрывки цинковки

В шурфе, образовавшемся на месте ямы, открылась часть строения нижележащего строительного горизонта. Под северной стеной коридора вышла более ранняя, облицованная глиной с саманом. Пол нижнего помещения, имевший глиняную обмазку, находился на 65 см ниже уровня пола верхнего горизонта. Пространство между полами заполняли песок и мелкокомковатая глина. Над полом нижнего помещения найдены два обломка неполивных серых сосудов. Один из них представляет часть темно-серого сосуда, по-видимому, чаши, со слегка отогнутым наружу краем, очень тонкостенной и внутри покрытой лощением. Другой обломок является частью плоского днаща.

Помещение № 3 расчищено только в северной части, причем западная его граница определяется предположительно.

Предметы материальной культуры, собранные при раскопках Каваткалы, немногочисленны: несколько экземпляров медных изделий, среди которых один упоминавшийся выше кувшин (рис. 7, 4). Он имеет конический слегка суженный книзу корпус, широкие, почти горизонтальные плечи и высокое узкое горло с длинным, немного поднятым вверх носиком. Ручка у кувшина большая, подпрямоугольного сечения, в нижней части орнаментирована насечками. Горло и плечи украшены узором в виде ломаной линии и меандра, выступающим на фоне поверхности более темным цветом. По форме этот сосуд близок железному кувшину XI—XII вв.

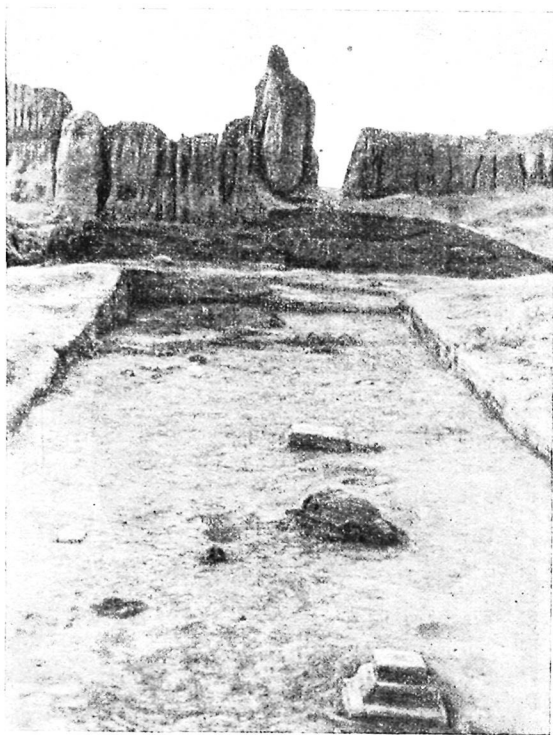

Рис. 5. Кават-кала. Помещение № 2

Рис. 6. Кават-кала. Порог и упавшая дверь в коридоре

Рис. 7. Кават-кала.

1—3 и 5— медные изделия, 4— медный кувшин

Александровского городища (Чуйская долина), только у последнего нет носика⁵.

Дверная скоба, судя по найденным обломкам, представляла собой пластину с петлей посредине для продевания кольца-ручки. На одном конце пластины имеется полая полусфера, а на другом — массивная накладка в виде четырехгранной ступенчатой пирамидки.

Несколько обломков неизвестных предметов представляют собой стерженьки овального сечения с шаровидным утолщением и колечком на одном из концов (рис. 7, 1, 2, 5). Второй конец обломан. Две подвески — одна в виде толстой проволоочки с загнутыми концами, вторая — овальная с заостренными разомкнутыми концами (рис. 7, 3), обнаружена в основании

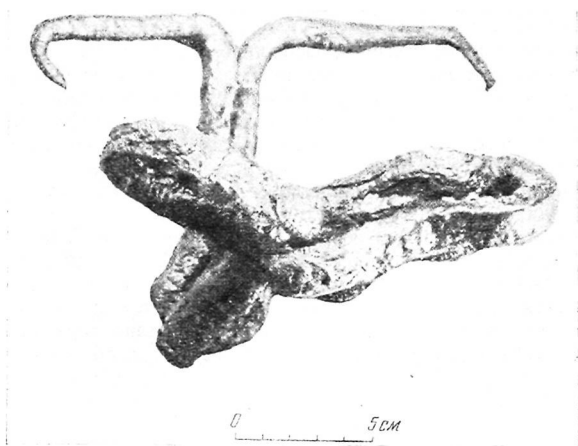

Рис. 8. Железная цепь

песчаного бархана и к слою, видимо, не имеет отношения. Ее форма полностью повторяет формы подвесок, найденных на городище Топрак-кала и в его окрестностях и на такырах у Наринджан-бабы, которые С. П. Толстов относит к кушано-афригидскому и афригидскому периодам⁶.

Железные предметы представлены многочисленными гвоздями и цепью. Гвозди кованые, в виде стерженька квадратного сечения, один конец которого заострен, а другой расплюсчен и отогнут в сторону, образуя своеобразную шляпку. Цепь состоит из четырех вытянутых звеньев, сделанных из кованой проволоки квадратного сечения и согнутого вдвое стержня с петлей в месте перегиба. Три звена сужены посредине. У стержня концы заострены и отогнуты в стороны под прямым углом. По-видимому, это цепь от двери.

Из стеклянных изделий имеются в основном обломки оконного стекла, представлявшие собой плоские диски с загнутым краем и с утолщением в центре. Такие оконные стекла уже известны в Средней Азии по находкам в Туркмении (Ниса⁷) и Таджикистане (Калаи-Боло⁸).

⁵ МИА, № 14, 1950, табл. LXXXVIII, 5.

⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 132, рис. 74 б и сводная табл. в конце книги.

⁷ Е. А. Давидович. Стекло из Нисы. «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 388.

⁸ Е. А. Давидович. Средневековое оконное стекло из Таджикистана. «Доклады АН Таджикской ССР», вып. 7, Сталинабад, 1953, стр. 31.

Мелкие невыразительные обломки деревянных поделок не дают возможности составить представление о вещах в целом.

Известного внимания заслуживает находка горелой бумаги, возможно, части книг.

Найденная на Кават-кале циновка была сплетена из тонких растительных волокон.

Керамика, собранная в завалах, представлена обломками изделий хорезмшахского времени. Преобладают обломки от неполивных серых сосудов, часто имеющих темно-серую ангобную облицовку. Многие сосуды сделаны из глины с примесью дресвы, широко применявшейся в керамическом производстве Хорезма в хорезмшахский период. Есть изделия из хорошей тонкой глины с темной лощеной поверхностью. Сосуды украшены налепами, вдавлениями, прочерчиванием. Встречаются изделия с росписью темно-серым ангобом. Основные виды сосудов: кувшины с почти прямым высоким горлом и массивной округлой в сечении ручкой, высоко поднимающейся над горлом сосуда; невысокие чаши на кольцевом поддоне с резко поднятой верхней частью борта и отогнутым наружу краем; конические миски с отогнутым наружу краем и горшки с уплощенно-овальным дном, дающие по форме несколько вариантов.

Поливная керамика представлена обломками глиняных и кашинных сосудов. Среди первых преобладают сосуды с тонким гравированным узором и зеленой росписью, подобные найденным А. И. Тереножкиным в домах XII в. около Наринджан-бабы⁹. Встречены также фрагменты от сосудов с красно-коричневой росписью, характерных для X—XI вв., но встречающихся и позднее, и обломок светильника с длинным граненым носиком, облицованный зеленой глазурью. Кашинная керамика представлена обломком сосуда с надписью насхом, выполненной зеленовато-коричневым люстром. Непосредственно с полами помещений связываются только хумча из коридора и несколько светильников из помещения № 1. Хумча (рис. 9) изготовлена из глины с примесью дресвы. Обжиг серый. Форма яйцевидная, без шейки. По устью обрамлена налепным массивным венчиком в виде выступающей на наружную сторону полочки. Дно плоское. Плечи украшены налепной рельефной полоской с пальцевыми вдавлениями и прочерченным арочным узором. Светильники неполивные серые в виде открытой низкой чашечки со слегка оттянутым в стенке и сдавленным с боков носиком.

Среди гончарных изделий, кроме сосудов, имеются еще две неполные глиняные статуэтки — фигурки коней. Одна из них, найденная в верхнем слое завала, сделана из тщательно приготовленной глины красноватого обжига. Она сохраняет на себе следы красноангобной облицовки и, по-видимому, относится к античному времени. Вторая фигурка серого обжига и слеплена из глины с примесью дресвы, как и большинство сосудов XII—XIII вв. Бока лошади украшены прочерченным елочным узором, подобно сосудам хорезмшахского времени.

Растительные остатки представлены косточками урюка и персиков, а также какими-то зёрнами, возможно, хлопка.

Что касается времени существования замка, помещения которого были открыты на Кават-кале, то оно достаточно точно устанавливается по трем монетам, обнаруженным в первом помещении. Все монеты чеканены хорезмшахом Мухамедом ибн Текешем в Бухаре в 610 г. хиджры (1213—1214 гг.)¹⁰. Таким образом, монеты дают возможность датировать замок Кават-калы первой четвертью XIII в.

⁹ А. И. Тереножкин. Археологические разведки в Хорезме. СА, № 6, 1940, стр. 187.

¹⁰ Монеты определены сотрудником Государственного исторического музея С. А. Яниной.

Работы, проведенные на Кават-кале в 1956 г., позволили уточнить характер памятника. Было установлено, что Кават-кала является не городом, как это полагали прежде, а огромным феодальным замком, который, как о том можно судить по подъемному материалу, был выстроен на месте раннего античного поселения. Искрытые на Кават-кале два строительных горизонта довольно близки по времени и могут быть отнесены к одной исторической эпохе — эпохе расцвета средневекового Хорезма.

Рис. 9. Кават-кала. Хумча

Как показали раскопки, Кават-кала погибла во время большого пожара, причем он был столь велик, что многие медные и стеклянные предметы расплавились. Есть основания полагать, что пожар, прекративший жизнь замка, связан с монгольским нашествием. Весьма возможно, что его сожгли войска Джагатай и Угедей, посланные Чингисханом в 1220 г. в Хорезм. Как известно, эти отряды монголов шли из Самарканда к Ургенчу через Бухару и по пути могли быть на Кават-кале.

Материальные остатки, собранные при раскопках Кават-калы, являются новыми дополнительными данными, необходимыми для расширения и уточнения существующих представлений о культуре Хорезма XII—начала XIII в. Эти данные указывают на значительные достижения хорезмийцев того времени в области развития материальной культуры и искусства, что вполне согласуется с показаниями письменных источников, рассказывающих об экономическом и политическом расцвете Хорезма накануне

монгольского нашествия. Они показывают, что из ремесленных производств к этому времени приобрели большое значение кузнечное, стекольное, керамическое. Строительное искусство достигло высокого уровня развития. В частности, в постройках использованы не только издавна применявшиеся пахса и сырце, но и более совершенный строительный материал — обожженный кирпич. В это время впервые находят применение застекление оконных проемов, о чем свидетельствуют находки оконного стекла, которые в этой части Средней Азии ни разу еще не отмечались для более раннего времени. Для внутренней отделки зданий, характеризующейся большой пышностью, наряду с росписью применяли резьбу по дереву. Однако в то время резной шtuk использовали для украшения зданий не только в Хорезме. Например, так был отделан дворец XII в. в Термезе¹¹. Образцы художественной резьбы по дереву указывают на высокое развитие в Хорезме предмонгольского времени этого вида народного искусства.

Другим объектом работ была усадьба № 16 «В», западная в комплексе усадеб № 16 «А» и «В», расположенная примерно в 350 м к юго-западу от Кават-калы (рис. 10).

В южной части раскапываемой усадьбы (рис. 11 и рис. 12, 1) помещается дом, обращенный лицевым фасадом на восток. В нем по обе стороны коридора, идущего от входа, расположено по две небольших комнаты. В конце коридора находятся два вытянутых с востока на запад помещения размером 10×15 и 6×15 м. С севера к дому примыкают два дворика: восточный, размером $11,25 \times 11,5$ м, и западный, размером $17,0 \times 14,0$ м. С севера от них находится вытянутый в северном направлении двор, размером 48×31 м, по восточной стороне которого расположен ряд однотипных по размерам и планировке комнат с небольшим айваном при каждой из них. Раскопками вскрыто пятнадцать комнат, около трех четвертей восточного дворика и примыкающая к западной стене часть западного, что составляет более 500 м^2 площади; кроме того, расчищены западная стена и юго-западный угол северного двора, что составляет около 100 м^2 .

Из раскопанных в северном дворе четырнадцати помещений три расположены вдоль южной стены, остальные вдоль восточной (айван при каждом из помещений этого ряда имел свой порядковый номер). Таким образом, из восьми пар помещений (комната и айван), идущих по восточной стороне двора, раскопано пять и, кроме того, самое северное из этого ряда, отличающееся по размерам и планировке.

При раскопках усадьбы было выяснено, что она пережила в основном два периода существования: первый, следовавший непосредственно за постройкой ее, и второй, не отделенный от первого никакими стерильными слоями, но связанный с новым уровнем полов; в этот период часть помещений изменила свое первоначальное назначение. В некоторых комнатах прослеживается и третий, промежуточный пол, но он носит чисто временный характер.

Стены усадьбы сложены из пахсы. Толщина наружных стен дома и стен восточного дворика, оказавшегося мазаром, равна 1,2 м; толщина всех остальных, в том числе и стен, ограничивающих северный и западный дворы, равна 0,7 м. Изнутри стены помещений покрыты глиняно-саманной штукатуркой, сохранившейся в большинстве своем ниже уровня верхнего пола. Перекрывавшие помещения, вероятнее всего, плоские, правда, следов перекрытий не сохранилось, но в завале отсутствуют кирпичи свода, что уже говорит в пользу плоских перекрытий. В некоторых из дверных проемов сохранилась нижняя балка дверной коробки и невысокие пороги из кусков сырцового и обожженного кирпича, в одном случае в каче-

¹¹ М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение. «Труды УзФАН СССР. Серия I, история, археология»; вып. 2, Ташкент, 1941, стр. 45.

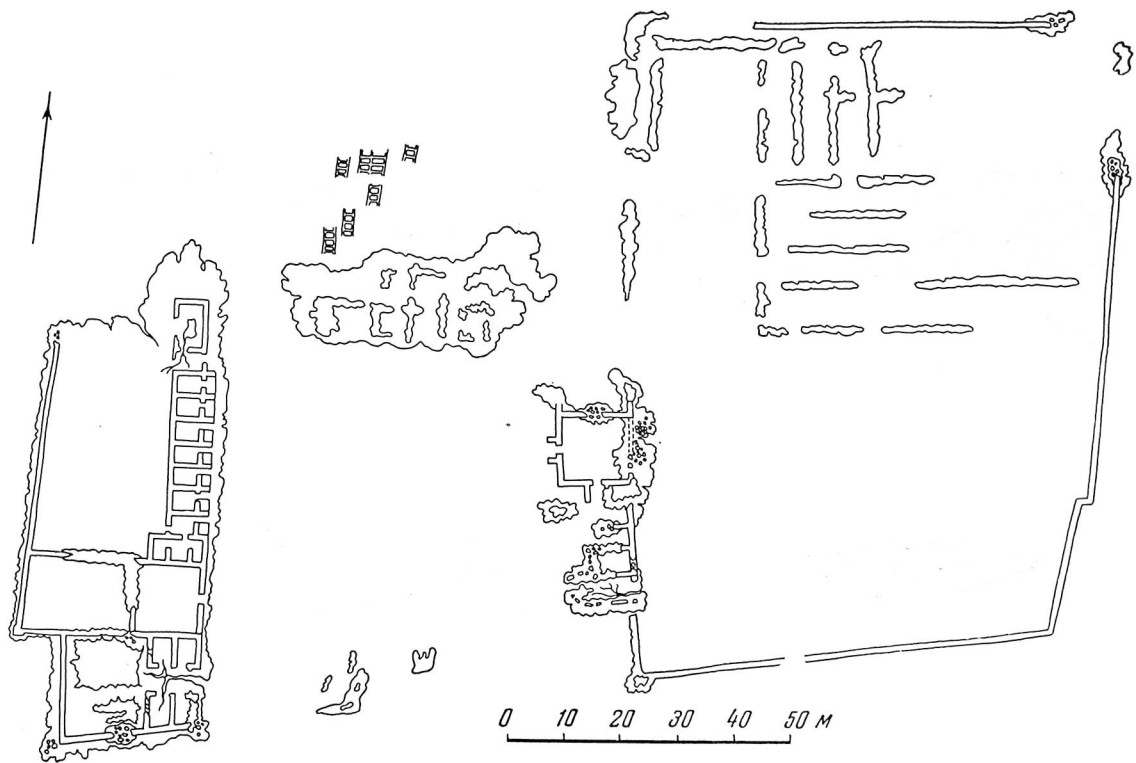

Рис. 10. План усадьбы № 16 «А» и «В»

*Каваш-Калинский комплекс
Усадьба N 16 „В”*

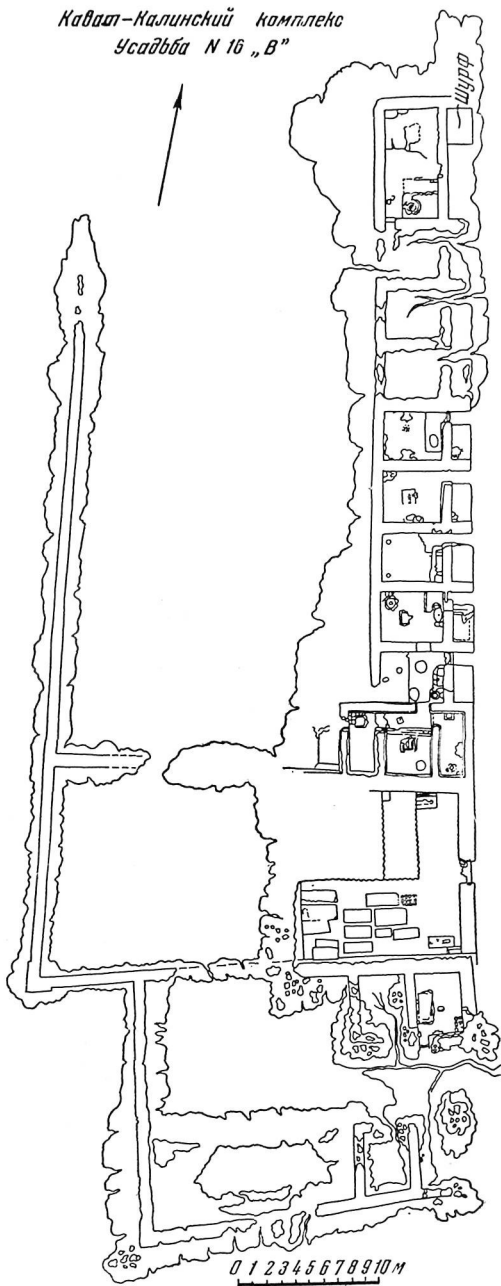

Рис. 11. План усадьбы № 16 «В»

стве порога использована половинка верхней части жернова. Нижний пол представляет собой ряды глиняных с незначительной примесью самана обмазок, положенных на материковый песок различной плотности, в обмазках верхнего пола самана несколько больше. В помещении № 2 на верхнем полу сохранились остатки вымостки из обожженного кирпича. Конструкция суф, имеющихся в большинстве раскопанных помещений, одинакова, передний край их сделан из положенных плашмя сырцовых кирпичей; заполнены суфы песком, иногда с комочками глины, поверхность обмазана; высота суф 30—35 см.

В доме была раскопана лишь одна комната, расположенная справа от входа, размер ее $4,3 \times 3,2$ м. Стены комнаты сохранились на высоту около 3 м, заполнение помещения состояло в основном из наносного песка и намытой глины, общая мощность завального слоя несколько превосходила метр. Раскопками было вскрыто три пола.

На нижнем полу под его верхней обмазкой почти в центре комнаты вышел заглубленный в пол очаг со стенками из поставленных на ребро обожженных кирпичей. В юго-восточном углу находился небольшой загром, оформленный стоящими на ребре сырцовыми кирпичами. В заполнении закрома встречены косточки персика, тыквенные зерна, яичная скорлупа. Второй пол прослежен около западной стены, он покато спускается на нижний пол. Судя по большому количеству овечьего помета на верхнем полу, назначение помещения в этот период изменилось, оно стало служить стойлом для скота.

Приступая к раскопкам помещений, идущих вдоль восточной стены двора, мы считали их надворными хозяйственными или жилыми постройками. Раскопки дали несколько иную картину. С двором оказался связан лишь комплекс хозяйственных и жилых помещений юго-восточного угла (1, 2, 3, 5, 6). Во всех этих помещениях прослеживается два или три горизонта полов. Очаги, хозяйственные ямы, суфы связаны обычно с нижним, основным полом, находки тоже.

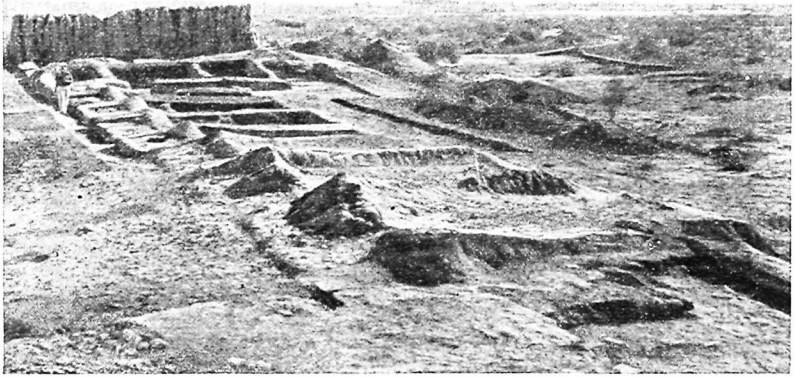
Основные находки с нижнего пола в помещении № 1 — фрагменты лострового сосуда, железный ножик с деревянной ручкой, железная лопаточка для плова, фрагмент железного изделия в виде крючка; в помещении № 2 в завале над нижним полом найден жернов; в помещении № 5 — край бронзового сосуда, нагрудная подвеска конского убора с полустертой арабской надписью, фрагментированный каменный котел.

Вдоль восточной стены двора, как мы уже говорили выше, раскопано пять пар помещений, одинаковых по своим размерам и планировке. В каждую из пар входит вытянутая с запада на восток комната размером $4,60 \times 3,50$ м и примыкающий к ней айван с суфой размером $3,5 \times 1,5$ м. Все помещения имеют единственный проход в айваны, обращенные на восток. Между собой комнаты не сообщаются, проем между помещениями № 5 и 7 относится к верхнему полу, т. е. к тому времени, когда назначение их изменилось.

Во всех раскопанных нами комнатах, за исключением помещения № 11, зачищены суфы. В трех случаях они занимают почти всю площадь пола, оставляя свободным лишь северо-восточный угол у прохода в айван. В помещении № 5 суфа занимает западную половину комнаты. На суфе или, как в помещении № 11, в центре комнаты находился очаг. Очаги, по-видимому, предназначались для обогрева, а не для приготовления пищи.

Помещение № 15, крайнее в восточном ряду, совмещало в себе черты хозяйственного и жилого. По размерам оно равно двум обычным помещениям этого ряда. Юго-восточный угол его занимает суфа с тандыром.

При жизни памятника, связанного с уровнем верхнего пола, в некоторых помещениях была произведена частичная перепланировка. Так, например, в комнате № 7 выход с айвана был смещен ближе к центру,

I

II

Рис. 12. Усадьба № 16 «А» и «В»:

I — общий вид; *II* — мазар

а у восточной стены была устроена ташна. Часть комнат приобрела иное назначение, в частности помещения № 9—12 использовались как стойла для скота.

Восточный двор усадьбы оказался мазаром (рис. 12, II). Стены его сложены из пахсы и первоначально были облицованы саманно-глиняной штукатуркой, переходившей в нижнюю обмазку пола.

Первое погребение приставлено к южной стене, непосредственно к первоначальной штукатурке. Со временем мазар был отремонтирован, вновь была наложена саманная штукатурка и на нее нанесена ганчевая побелка.

Со второй штукатуркой связана вторая обмазка пола, переходящая со стены на пол и оттуда на надгробия. Обмазки пола, идущие выше, — третья и местами четвертая, — сделаны позднее. Обмазки разделены тонкими слоями песчаных намывов. Надгробия были также покрыты штукатуркой; не сохранилась она лишь на надгробиях в середине мазара, где были очень плотные слои намывов и где даже сами кирпичи надгробий сильно размыты.

Надгробья располагаются рядами главным образом в западной части мазара. Ориентация их запад — восток. Всего расчищено здесь три не совсем правильных ряда, проходы между которыми шире, чем между отдельными надгробиями.

Средние размеры надгробий приблизительно $2 \times 0,7-0,8$ м; сохранившаяся высота 45—90 см; есть явно детские. Несколько надгробий длиннее обычных (до 2,5 м). Всего их расчищено 14, и начато пятнадцатое. Погребения не вскрывались. Около одного из надгробий, расположенного почти в центре мазара, зачищена вымостка из обожженного кирпича, по ширине почти равная надгробию.

Сочетание мазара с однотипными жилыми помещениями, похожими на худжры, позволяет видеть в раскопанной усадьбе сооружение вида ханака, находящее себе аналогии в более поздних памятниках бухарского оазиса Чор-бакр¹².

Кроме того, был зачищен юго-восточный угол северного двора и часть западного. Культурный слой во дворах сохранился лишь по углам и около стен. Наружный юго-западный угол северного двора укреплен снаружи прямоугольным контрфорсом, выступающим за линию стены на 30 см.

Керамика, собранная при раскопках усадьбы, типично хорезмшахская. Неполивная характеризуется серым обжигом. Многие из сосудов имеют примесь дресвы, поверхность облицована серым ангобом, часть их украшена налепным орнаментом. Основные виды сосудов — кувшины с округлого сечения ручкой, высоко поднимающейся над краем горла; конические миски с отогнутым наружным краем; тонкостенные лощеные чаши на низком кольцевом поддоне и тарелки с широким бортиком. Поливная посуда украшена тонким гравированным узором и подглазурной красно-коричневой и зеленой росписью. Некоторые из сосудов облицованы с внешней стороны красным ангобом. Таким образом, собранная при раскопках керамика датирует усадьбу № 16 «В» предмонгольским временем.

Продолжение раскопок как самой усадьбы, так и комплекса построек, идущих от нее к усадьбе № 16 «А», позволит окончательно определить ее назначение.

¹² В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 158.

Г. П. Васильева

**РАБОТЫ ТУРКМЕНСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТРЯДА
в 1954—1956 гг.**

В указанные годы тематика работ Туркменского отряда была тесно связана с работами археологических отрядов экспедиции по исследованию памятников средневековья на территории к югу и юго-западу от Куны-Ургенча и по Узбою.

Перед Туркменским отрядом стояла задача выявления и изучения потомков туркменского населения, которому принадлежали эти памятники, создателей сложной ирригации бассейна Сарыкамыша¹ — туркмен племени хыдыр-эли (хызыр-эли средневековых источников), огурджаалипцев — жителей местности Огурджа (Огрыча), находившейся в устье Узбоя при впадении его протока Аджайб в Каспийское море², и, наконец, обследование и изучение туркменских поселений и жилищ XIX в., расположенных в западной части Хорезмского оазиса на землях, орошаемых тогда системой канала Шамурат, идущего по руслу переуглубленного средневекового канала.

Туркмены хыдыр-эли, изучению которых были посвящены работы отряда в 1954 г., населяют центральные районы Чарджоуской области: собственно Чарджоуский, Московский, Дейнаууский и Фарабский и два района Бухарской области Узбекистана — Алатский и Каракульский. Туркмены этой группы, по предположению С. П. Толстова, были потомками средневекового туркменского племени хызыр-эли, жившего в районе озера Сарыкамыш и Верхнего Узбоя. По всей вероятности, ими была создана в XIV—XVI вв. на берегах озера сложная ирригационная система, особенно значительная по восточному берегу; остатки ее были обнаружены во время археологических работ Хорезмской экспедиции. Судя по найденным черепкам глиняной посуды, остаткам гончарных печей и железных криц, эти племена владели искусством гончарного и железоделательного ремесел³.

Хыдыр-эли, о которых писал хивинский хан Абуль-гази в своей «Родословной туркмен»⁴ и которых упоминает как земледельческий народ придворный хивинский историк Мунис в сочинении «Фирдаус-уль-

¹ С. П. Толстов, А. С. Кесъ, Т. А. Жданко. История средневекового Сарыкамышского озера. «Вопросы геоморфологии и палеогеографии Азии». М., 1955.

² С. П. Толстов. Археологические исследования Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г. «Вестник АН СССР», 1953, № 8, стр. 34-35.

³ С. П. Толстов, А. С. Кесъ, Т. А. Жданко. Указ. соч., стр. 62—66.

⁴ Абуль-гази Бохадур хан. Родословная туркмен. Пер. А. Туманского. Асхабад, 1897.

икбаль»⁵, исчезли из местностей, расположенных по берегам Узбоя и Сарыкамыша после начавшегося в конце XVI в. засоления Сарыкамышского озера; в течение последующих двух веков даже имя их нигде не упоминалось. Лишь в начале XIX в. мы снова встречаемся с ним в названии селения Хызыр-эли, расположенного в Гурленском округе⁶. В это же время историк Мир Абуль-Керим Бухарский наряду с другими туркменскими племенами, обитавшими по левому берегу Аму-Дарьи, неподалеку от Чарджоу, называет и туркмен Хедри (т. е. Хыдыр-эли)⁷.

Более полные и точные сведения имеются в «Материалах Комиссии по районированию Средней Азии», относящихся к 1924 г. В работе содержатся сведения о расселении хыдыр-эли в центральных районах Чарджоуской области Туркменской ССР, ряде местностей Бухарской области и близких к Новому Ургенчу районах Хорезмской области Узбекской ССР⁸. Эти данные и послужили основой для выбора в 1954 г. района работы отряда, посетившего все места расселения основной группы хыдыр-эли, кроме Фарабского района (рис. 1).

Интересный дополнительный материал, подтверждающий основные данные 1954 г., получен нами в 1955 г. после посещения хыдыр-эли, живущих в Гурленском районе Хорезмской области⁹ и отселившихся от них в течение последнего столетия в Куния-Ургенчский район (колхоз Кызыл-Юлдуз).

Материалы, собранные отрядом, полностью подтверждают предположение С. П. Толстова о том, что носителями земледельческой культуры на Сарыкамыше и Узбое были хыдыр-эли, и не оставляют сомнения в том, что современные хыдыр-эли являются прямыми потомками этих средневековых земледельцев-туркмен, знавших также поточное и железодельное производство¹⁰.

Районы, занятые туркменами хыдыр-эли в Чарджоуской и Бухарской областях, населены различными, еще в недавнем прошлом отличавшимися друг от друга этническими и племенными группами.

Здесь наряду с туркменскими племенами (эрсари, салоры, сакары и др.) было много таджиков и узбеков. Значительная часть сельского населения либо также причисляла себя к узбекам, либо называлась просто племенным именем (баят, чандыр, дучи), не считая себя ни туркменами, ни узбеками. Особую группу составляли так называемые «чарджоуские туркмены», видимо, исконные насельники этих мест — дейнаули, крачли и др.

Точные сведения о племенной и родовой принадлежности и национальном составе этих районов были собраны в 1924 г. уже упоминавшейся комиссией по районированию¹¹. Наиболее многочисленны были эрсари и салоры¹². Племя хыдыр-эли в указанных районах также одно из самых

⁵ Фирдаус-уль-икбаль. Сочинение Муниса, продолженное и законченное Агехи. МИТТ, т. II, 1938, стр. 324.

⁶ Там же, стр. 363—364.

⁷ Мир Абуль-Керим Бухарский. История Средней Азии, МИТТ, т. II, стр. 202.

⁸ Материалы комиссии по районированию Средней Азии. Территория и население Бухары и Хорезма, кн. 1, ч. 1 — Бухара; кн. 2, ч. 2 — Хорезм. Ташкент, 1926.

О поселении хыдыр-эли на территории Узбекистана писала в свое время и В. Г. Мошкова — «Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпачков и туркмен». («Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР», т. II, «Материалы по археологии и этнографии Узбекистана». Ташкент, 1953, стр. 139—140).

⁹ Эта группа издавна живет здесь в местностях Хызыр-эли (см. выше) и ныне объединена в два колхоза. И. Магидович в 1926 г. считал их численностью в 3900 человек. «Материалы по районированию», кн. 2, ч. II, стр. 98.

¹⁰ Основные выводы и материалы по этому вопросу вкратце уже опубликованы автором; см. КСИЭ, XXVI, 1957.

¹¹ «Материалы комиссии по районированию Средней Азии», кн. 1, ч. I.

¹² Там же, стр. 287, табл. 24. Эрсари — 32 066 человек, салоры — 10 733 человека, стр. 168, 236, 239.

многочисленных; оно насчитывало в Чарджоуской области и Каракульском оазисе Бухарской области — 11 540 человек¹³. Наряду с этими наиболее значительными племенами здесь, как уже указывалось, зафиксировано много более мелких, но обособленных в прошлом групп населения, до последнего времени в какой-то мере сохраняющих локальные особенности культуры. Нами учтено до 22 различных племенных групп.

Больше всего хыдыр-элинцев жило в Фарабском районе Чарджоуской области — 6940 человек¹⁴, в Старо-Чарджоуском — 2575, в Дейнауском — 2025 человек¹⁵. В Бухарском уезде Узбекистана на этот же год учтено 1835 человек; из них 1250 человек проживало в Алате, а 585 человек в Каракуле (оба эти пункта расположены в Каракульском оазисе)¹⁶.

Сплошным массивом хыдыр-элинцы жили только в Фарабском районе, группируясь в селения, носящие название племени; на левом берегу Аму-Дарьи они обитали среди других групп населения, хотя довольно часто образовывали и обособленные поселки.

За 30 лет, протекших со времени работы комиссии, произошли изменения в расселении хыдыр-эли. Так, вследствие размывания правого берега Аму-Дарьи, большая часть их из Фарабского района переселилась на левый берег — в Дейнауский и Московский районы, или в Каракульский оазис¹⁷.

Однако вплоть до середины 30-х годов нашего века, т. е. до упрочения колхозного строя, передвижения населения из Каракульского оазиса в Чарджоускую область и обратно были обычным явлением.

В настоящее время основная масса хыдыр-эли живет в туркменских районах по левому берегу Аму-Дарьи и в Каракульском оазисе.

Вызывает интерес то обстоятельство что в 1924 г. хыдыр-эли на указанной территории не принадлежали к одной национальности: только 3810 человек назывались туркменами¹⁸, большая же их часть (7730) причисляла себя к узбекам, с которыми в Каракульском оазисе¹⁹ хыдыр-эли в известной степени ассимилировались. Этим, вероятно, можно объяснить их стремление причислить себя к узбекам.

В настоящее время все хыдыр-эли Чарджоуской области осознают себя туркменами, указывая в ряде случаев, что раньше их считали узбеками, а живущие в Бухарской области помнят свое туркменское происхождение, но причисляют себя к узбекам. Хорезмские же, точнее гурленские, хыдыр-элинцы хотя и считают себя узбеками, но отличаются от последних по языку (а в прошлом и по занятиям и материнской культуре). Местное узбекское население (узбеки кунград и найман) считает их обузбеченными туркменами, а туркмены-иомуты, чоудоры и др. за туркмен не признают²⁰.

Легенды хыдыр-эли об их происхождении весьма любопытны, так как находят подтверждение в исторической литературе.

Все хыдыр-эли, независимо от их нынешнего размещения, по происхождению считают себя туркменами, родственными салорам и эрсари²¹

¹³ «Материалы комиссии по районированию Средней Азии», кн. 1, ч. I, стр. 287, 288, табл. 24, 25.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 262, табл. 7; стр. 270, табл. 8.

¹⁷ Полевые записи, 1955 г. (Архив ИЭ).

¹⁸ «Материалы комиссии по районированию Средней Азии», стр. 287, табл. 24, 25.

¹⁹ На Аму-Дарью хыдыр-элинцы переселились из Каракульского оазиса. Об этом см. ниже.

²⁰ Полевые записи, 1955 г.

²¹ Полевые записи № 52, 47 за 1954 г., а также полевые записи 1955 г. от Нурметова Надикмеддина и Аташова Довлета.

или, по другим версиям, арабачам и чандырам²². Во всяком случае родство с салорами и эрсаринцами признают почти все наши информаторы. По легенде, записанной со слов 76-летнего Атахана Джораева, колхозника из Каракульского района, родоначальником хыдыр-эли, так же как и салоров, был некий Эрсари-бай. Дочь его стала родоначальницей иолотанских сарыков, старший сын — Салор — салоров, а один из младших сыновей — Хыдыр — был отцом всех хыдыр-эли²³.

По другой легенде, хыдыр-эли — племя сборное, составляют его выходцы из разных туркменских племен, спруппировавшиеся вокруг батыра по имени Ходжа-Хыдыр. Когда их спрашивали, кто они, они отвечали «народ Хыдыра» — Хыдыр-Эли. Племя это жило в стороне Ургенча и было близко к салорам²⁴. В среде гурленцев известны легенды, аналогичные последней. Нам рассказывали, что хыдыр-эли прежде назывались хызыр-эли, а их название пошло от Хызыр-ильяса, который провел в безводной степи канал для земледельцев; этот народ стал называться хызыр-эли²⁵. В состав племени вошли разные люди — из салоров, монголов (мугул) и др.²⁶

Сравнивая легенды с рассказом Абульгази, можно легко убедиться, что в них сохраняются основные элементы предания, существовавшего во времена хана-историка.

В самом же деле, Абульгази говорит об Арсари-бае из племени салор, раб которого был отцом родоначальника хызыр-эли²⁷; в легенде, записанной нами, также фигурирует Эрсари-бай с той разницей, что о племенной принадлежности его не говорится ни слова, но сыном его был некий Салор, старший брат, а по другому варианту — отец Хыдыра.

В легендах рассказывается о батыре Ходжа-Хыдыре (или Хызыре), который провел канал в безводной пустыне для собравшихся вокруг него из разных племен земледельцев; то же говорит Абуль-гази о Хызр-Джуре, занявшемся земледелием на новых местах и принявшем к себе обездоленных из различных племен — салоров, монголов (узбеков) и др., получивших затем имя хызыр-эли²⁸.

Хызыр-эли почти не сохранили, подобно другим туркменским племенам, прежних родовых делений: у бухарских хыдыр-эли²⁹ они заменились, например, локальными прозвищами, объединяющими небольшие родственные группы и, как правило, только в одном районе или селении. Эти названия связаны или с названием той местности, где племена расселены («байраблы», т. е. живущие в сел. Байрабаб возле Чарджику, «мирзакалалы» из сел. Мирзакала около Денау, «гокгоз хыдыр-эли» из местности Гокгоз в Каракульском оазисе и т. д.)³⁰ или же с наименованием земель

²² Полевые записи № 52, 65, 1954 г. По сведениям, полученным от информатора Юлдашева Ходжаненеса, в прежние времена хыдыр-эли, арабачи и чандыры всегда приглашали друг друга на тои, а во время споров и раздоров все трое объединялись в один друг против баятов, эски и других.

²³ Полевая запись № 59, 1954 г. То же самое примерно сообщил нам Кесим-ишан Низамов — полевая запись № 65, 1954 г.

²⁴ Полевая запись № 9, 1954 г.

²⁵ Полевая запись от Сейтакова Курбанбая 6.VIII 1955 г.

²⁶ Полевые записи от Нурметова Наджмеддина 1.VII 1955 г. и от Аташова До-влета 2.VIII 1955 г.

²⁷ Абуль-гази Бохадурхан. Указ. соч., стр. 68.

²⁸ Сам же. См. запись легенды от Нурметова Наджмеддина, в которой говорится, что к Хызыр-Ильясу пришли люди из салоров и монголов.

²⁹ Мы будем в дальнейшем так условно называть южную, основную группу хыдыр-эли, живущих в Каракульском оазисе и в пределах Чарджикуской обл., поскольку они связаны общностью исторических судеб и культуры, сложившихся иначе, чем у гурленских и куия-ургенческих хыдыр-эли. Для последних прием обозначение хорезмских.

³⁰ Полевая запись № 47, 1954 г.

определенной категории (например, «вахымчи» — живущие на землях «вахым», принадлежащих мусульманскому духовенству³¹). Иногда эти прозвища свидетельствуют о происхождении родственной группы из другого района или племени и рода. Таковы, например, «ургенчи»³², «меркит» — небольшая группа, происходящая из узбекского племени меркит, встречающегося в Московском и Дейнауском районах Чарджоуской области, группа «салор», существующая также и у хорезмских хыдыр-эли³³.

В числе таких локальных прозвищ, бытующих в Чарджоуском районе, можно назвать «кыркхалталы» и «кыркэшикли». Это две родственные группы, почти не встречающиеся нигде в других районах³⁴. Оба названия объединены общим началом — «кырк» — («кыркхалта» — сорок мешков и «кыркэшик» — сорок дверей), однако народная этимология³⁵ не дает достаточного объяснения их происхождению.

Наконец, некоторые из родственных групп сохраняют названия, связанные, вероятно, с их занятиями в прошлом; у бухарских хыдыр-эли это «пычакчы» и «касаблы»³⁶, среди хорезмских — «кеширчи» (морковники), «эрикбай» (возделывающие уроковые сады), «уйчилер» (строители кибиток — уй), «темирлер» (кузнецы), «кулял» (гончары) и т. д.³⁷, причем группа «кулял» встречается и у хорезмских и у бухарских хыдыр-элинцев³⁷.

Вообще же хорезмские хыдыр-эли значительно лучше бухарских сохранили родовое деление, хотя сейчас оно в повседневной жизни уже не имеет реального значения и постепенно забывается.

Гурленские хыдыр-эли помнят, что в прошлом они делились на 12 аулов, или, как их официально называли, «мечеткоум» (мечетей), являвшихся в условиях Хивинского ханства податной единицей. Эти «мечеткоум», объединявшие ряд более мелких родственных единиц, связанных общностью происхождения, назывались вахымчы, бахши-аул, байлар-аул, тумен-ходжа, орта-ходжа, ёкары-ходжа, боке-куллар, сартлар, кэширчи, доветшах, карамень (карамет), араплар.

Часть этих названий свидетельствует о происхождении их носителей (араплар, сартлар); анализ других, вероятно, также даст дополнительные сведения для этнической истории хыдыр-эли.

Так, перечисленные названия, связанные с родом занятий, интересны для нас в этногенетическом отношении. Некоторые («кеширчи», «эрикбай») отражают, видимо, недавнюю специализацию их носителей, связанную с необходимостью дополнительного заработка в условиях слабой обеспеченности землей и водой в Хивинском ханстве. Однако такие названия профессий, как «уйчилер», «темирлер», «пычакчы», «кулял» и др., обычно передававшиеся в роду из поколения в поколение, от отца к сыну,

³¹ Полевая запись № 30, 1954 г. Аналогичный род имелся и у хорезмских хыдыр-эли, «вахым» — вакуфные земли.

³² Переселившиеся из Хивинского ханства на Среднюю Аму-Дарью около ста лет назад.

³³ Происхождение этой родственной группы у хорезмских и бухарских хыдыр-эли может быть различно; у бухарских, живущих попеременно с салорами, эта группа, вероятно, позднего образования, наличие группы «салор» среди хорезмских хыдыр-эли может служить подтверждением их происхождения от абугьгазиевских хыдыр-эли.

³⁴ Несколько семей кыркэшикли встретились нам в одном из колхозов Каракульского оазиса. Они переселились из Чарджоуского района совсем недавно.

³⁵ Полевая запись № 23, 1954 г.

³⁶ Полевая запись № 47. «Пычакчы» — дословно поиковщики, «касаблы» — от касаб — мясник.

³⁷ Полевые записи автора и А. Джикиева от Аташова Довлета и Нурметова Наджмедина от 1.VI, 2.VIII 1955 г. и 18.VI 1956 г. (Архив ИЭ).

³⁸ «Кулял» считались не настоящими хыдыр-элинцами, а прикнуженными позднее, и в прошлом находились в несколько припущенном положении.

несомненно свидетельствуют о занятиях предков и являются одним из доказательств прямой родственной связи древних мастеров гончарного и железодельного ремесла, обитавших у озера Сарыкамыш, с современными хыдыр-эли.

Хыдыр-эли, живущие в Чарджоуской области, не считают себя исконными обитателями здешних мест. Они появились сравнительно недавно — 80—110 лет тому назад — из Каракульского оазиса³⁹, где вследствие прекращения тока воды по Зеравшану в его нижнем течении исчезла возможность заниматься земледелием. Вместе с прекращением тока воды, с запада на оазис началось интенсивное наступление песков. Выселялись хыдыр-эли в разные места (в районы Бухары, Самарканда и др.), но главным образом на берега Аму-Дарьи, где из-за частых набегов «йов-йигитлер» (аламанчигов)⁴⁰ в то время было много свободных земель.

Однако на берегах Аму-Дарьи, видимо, еще в начале XIX в. находилась какая-то часть хыдыр-эли⁴¹.

Переселение хыдыр-эли на Аму-Дарью происходило двумя этапами: часть выходцев из Каракуля осела возле Дарган-Ата и Кабаклы, но вскоре поднялась выше по реке и с разрешения эмира бухарского стала осваивать земли вокруг Дейнау и Чарджоу⁴².

Большинство же поселилось на правом берегу Аму-Дарьи вокруг селений Испаз, Ильджик и Фараб, а затем частично перешло на левый берег к Дейнау, Боюн-Узуну и Чарджоу⁴³.

Переселившиеся были связаны с оставшимися в Каракульском оазисе родственными узами. Когда спустя семь лет в Каракульском оазисе снова стало больше воды, многие из них вернулись обратно.

Оставшиеся в Каракульском оазисе, так же как и переселившиеся за Аму-Дарью, родиной своей считают Ургенч⁴⁴. Одни из них говорят, что Хорезм покинут их предками очень давно, и затрудняются назвать даже примерную дату, другие сообщают, что их предки ушли из Хорезма семь поколений (арка) назад⁴⁵.

В. Г. Мошкова предпологает, что хыдыр-эли могли переселиться из Хорезма в XVIII в. во время борьбы за власть между туркменами-иомудами и узбекскими ханами Хивы⁴⁶. Основной причиной переселения наши информаторы считают нападения и притеснения иомудов.

Места, где они обитали в Хорезме до переселения, ни каракульские, ни чарджоуские информаторы не могли указать, помнят они только, что жили вокруг большого озера и занимались земледелием.

Гурленские (хорезмские) хыдыр-эли говорят, что живут здесь давно, и некоторые даже считают эти места своей родиной. Однако большинство информаторов твердо помнит, что родина их предков не здесь, а в местностях, находящихся на западе, на большой реке, которая раньше текла к

³⁹ Полевые записи 6, 7, 11, 37, 1954 г.

⁴⁰ Полевая записка № 10, 1954 г. См. также МИТТ, т. II, 1938, стр. 418—419, 486—487.

⁴¹ МИТТ, т. II, стр. 202.

⁴² Полевые записи 6, 7, а также № 45, 46, 1954 г.

⁴³ Полевые записи № 11, 23 и др., 1954 г.

⁴⁴ Название столицы ханства часто употребляли как название всего государства. И. Мавидович приводит другую версию о родине хыдыр-эли, полученную им во время работы по сбору материала в Бухарской области. Этой родиной, по сообщению его информаторов, является Андхой (Афганский Туркестан). «Материалы комиссии по районированию Средней Азии», кн. I, ч. I, стр. 210.

⁴⁵ Информаторы считают поколение равным 36 годам и говорят, что хыдыр-эли переселились из Хорезма около 250 лет назад. Полевая записка № 61, 1954 г. Некоторые информаторы называют примерное время переселения — 200—300 лет назад. Полевая записка № 62, 1954 г. В научном обиходе поколение считается равным 25 годам, следовательно вероятнее, что переселение произошло примерно 175 лет назад, т. е. в конце XVIII в.

⁴⁶ В. Г. Мошкова. Указ. соч., стр. 140.

Шагадаму (так называют туркмены Красноводское плато)⁴⁷ за крепостью Днарбекир (обычно называемой Ярбекир).

В урочище Ходрейли (хыдыр-эли), т. е. в места современного обитания в Гурленском районе, они переселились около 400 лет тому назад из-за того, что калмыки перегородили реку плотиной и закрыли доступ воды на их земли⁴⁸.

Таким образом, самое точное представление о родине сохранилось у хорезмских хыдыр-эли; у бухарских, которым пришлось переселиться еще дальше, осталось о ней лишь общее представление.

Сопоставив данные наших информаторов с историческими и топонимическими материалами, мы можем считать, что бухарские хыдыр-эли, появившиеся в Каракульском оазисе в конце XVIII в., пришли сюда из района Гурлена, где они некоторое время жили на одной территории с гурленскими сородичами, оставшимися на своих местах после ухода основной массы на юг. Действительно, хыдыр-эли, покинув высыхающие берега Сарыкамыша и верхнего Узоя, в конце XVI в. поселились возле Аму-Дарьи в урочищах, протянувшихся к северо-западу от современного районного центра Гурлена до г. Мангыта и даже несколько севернее его. Здесь в те времена «были большие озера и много свободной земли»⁴⁹.

Топонимика этих мест подтверждает сообщение информаторов⁵⁰.

В начале XVII в. по соседству с южными селениями хыдыр-эли, к востоку от них, по указанию Абуль-гази хана, возник новый Вазир, созданный жителями старого Вазира, прекратившего свое существование из-за отсутствия воды в Дарьялке.

Поселившись вокруг озер, хыдыр-эли занялись земледелием и рыболовством⁵¹.

Однако уже с середины XVIII в., в период начавшейся борьбы за власть между узбекскими ханами Хивы и туркменами-иомудами, их территория подвергается набегам туркмен-иомудов, игравших в этот период большую роль в ханстве и нападавших на всех, кто не оказывал им прямого содействия. Большая часть хыдыр-элинцев вынуждена была уйти на новые места: в Каракульский оазис и на берега средней Аму-Дарьи; небольшая часть осталась в Хивинском ханстве на юге, возле Гурлена, куда не доходили в своих набегах иомуды.

В Каракульском оазисе хыдыр-элинцы поселились вокруг озера Каракуль. Когда оно стало пересыхать, пополняясь лишь изредка водами Зеравшана (обычно один раз в три-пять лет), по рассказам, среди переселившихся стало много скотоводов. Но так как количество земли для скотоводства было также ограниченным, хыдыр-элинцы продолжали заниматься

⁴⁷ Полевые записи от Нурметова Наджмеддина от 1.VII 1955 г., Оразметова Реймбая от 2.VIII 1955 г. и др. Нет никакого сомнения в том, что в предании имеется в виду Узбой.

⁴⁸ Там же. Дата эта довольно верна, она падает на вторую половину XVI в., когда, как мы знаем, прекращается ток воды по Узбою.

⁴⁹ Полевая запись от Атамова Довлета 6.VIII 1955 г. Некоторые из этих озер, например, Зей-кол, Уч-кол, сохранились до начала XX в.

⁵⁰ По карте, помещенной в книге В. Лобачевского «Военно-статистическое описание Туркестанского округа, Хивинский район», два урочища Ходрейли (хыдыр-эли) — южное, возле Гурлена, ныне занятого хыдыр-элинцами, и северное, расположенное примерно в 20 км к югу от Мангыта; к северо-западу от последнего находится озеро Зей, вокруг которого, по словам наших информаторов, также жили хыдыр-эли. Вся северная часть первоначальной их территории у Аму-Дарьи находится в местах, позднее занятых иомудами. В. Л о б а ч е в с к и й. Указ. соч., приложение: карта низовьев Аму-Дарьи 1905 г.

⁵¹ Об этом свидетельствуют как наши хорезмские информаторы, так и старики, живущие в Каракульском оазисе, которые передавали предания о жизни их предков в Ургенче вокруг озер, где основным их занятием было земледелие, а подсобным — рыболовство. Полевые записи, 1954 г.

и земледелием, скотоводство же сосредоточилось в руках зажиточных⁵². В силу недостатка воды земледелие не могло стать основным занятием для большинства хыдыр-элинцев, несмотря на то, что почти все они получили земли на новых местах. Исконные земледельцы (как они себя считают), хыдыр-эли использовали малейшую возможность для орошения своих полей. У живущих вокруг озера Каракуль поля располагались террасообразно по берегам; орошали их, запруживая спад р. Зеравшана в нескольких местах плотинами, выше которых воду отводили в каналы⁵³. Поля на верхних террасах, в большем количестве и чаще получали воду, чем на нижних. Когда в горах таяло много снега, вода, орошая все поля, попадала и в озеро.

Хыдыр-элинцы-земледельцы занимали в основном амляковые земли, немногочисленными мюльковыми землями владело главным образом зажиточное население⁵⁴. Довольно значительная часть хыдыр-эли занималась рыболовством.

Большим подспорьем были ремесла и особенно — гончарное. Наиболее бедная часть населения занималась выжиганием угля в пустыне⁵⁵, продавая его затем в городах. Классовое расслоение было сильным. Большинство населения находилось в зависимости от баев.

Плотность населения в этом районе была очень значительна. Помимо селений, в которых жили земледельцы (Янги-базар, Джигачи, Гок-гоз и др.)⁵⁶, на границе с песками существовал «город» Эски-Асия, заселенный исключительно хыдыр-элинцами — ремесленниками. Теперь вокруг этого «города» сложились различные легенды. Его считают древней столицей хыдыр-эли, где жил их падишах и которая якобы была разрушена после войны с другим, более сильным и злым падишахом. Время существования этой столицы информаторы назвать затрудняются, но утверждают, что это было очень давно⁵⁷. Наиболее достоверные данные сообщил колхозник из колхоза им. Сталина Алатского района⁵⁸, 55-летний Елдашев Кудаш. Он рассказал, что Эски-Асия был «открытый город» (т. е. не укрепленный), вырваший на небольшом участке земли и населенный исключительно бедняками, не имевшими земли и потому вынужденными зарабатывать средства к существованию ремеслом. Они занимались главным образом гончарством. Всю продукцию гончары обязаны были сдавать своим хозяевам Чолли Шайлибаю и Эрниязу Амину, которым принадлежала все земля «города» и все, что на ней было.

Развалины Эски-Асия, находящиеся в 6—7 км на северо-восток от сел. Джигачи (колхоз им. Ленина Каракульского района), напоминают город только плотностью застройки (рис. 2). Видимая площадь этого ремесленного поселения незначительна, большая часть ее скрыта под песками; постройки небольшие — 30—60 м², проходы между отдельными группами комнат достигают 2 м. В южной части поселка — остатки гончарных печей, много шлака и керамики. По определению Н. Н. Вактурской, находки керамики относятся к XIX в., может быть XVIII в. Стены помещений глинобитные из темно-серой глины, резко выделяющиеся на фоне песков. Поселок не укреплен. Вероятно, он существовал с конца XVIII до середины XIX в. и был покинут из-за наступления песков.

⁵² Полевая запись № 61, 1954 г.

⁵³ Полевые записи № 19, 63, 1954 г.

⁵⁴ Земли селений Джигачи, Гок-гоз и др. были вахым (вакуфные) и принадлежали мечети Мухаммед Али-Ходжа — правителя области Чарджуу в конце XVII в. Полевая запись № 61, 1954; МИТТ, т. II, стр. 115—116.

⁵⁵ Полевая запись № 64, 1954 г.

⁵⁶ Полевая запись № 62, 1954 г.

⁵⁷ Полевые записи № 62 и 61, 1954 г.

⁵⁸ Полевая запись № 64, 1954 г.

Поселившиеся в середине XIX в. на левом берегу Аму-Дарьи в районах Чарджоу, Дейшау и Буюнзуна хыдыр-эли стали осваивать земли вместе с пришедшими с ними из Каракульского оазиса туркменами баят, салор и чапдыр. Селения образовывались родственными группами. В большинстве местностей воду на поля приходилось поднимать чигирями, в некоторых местах даже применяли «денме-нова»⁵⁹. Новая территория хыдыр-эли входила в Чарджоуское бекство Бухарского эмирата, землепользователи оставались прежними, а иногда условия были даже хуже для крестьян, чем в Каракульском оазисе. Амляковых земель было мало, приходилось

Рис. 2. Развалины Эски-асия

арендовать мольковые участки и обрабатывать земли вахым. Основными культурами по-прежнему оставались хлопок, пшеница, ячмень, бахчевые и огородные. Техника земледелия была, конечно, та же. Пахали деревянным ралом «сахты»⁶⁰, на которое надевали чугунный лемех «паза». Комья земли разбивали с помощью доски «мала» такой же формы, как и в других местах Средней Азии. Молотили, прогоняя по снопам, разложенным на току, животных, отсевая затем зерно на ветру. Мельницы — «кешкеш» приводились в движение ослом, ходившим по кругу в специальном помещении и вращавшим жернова.

Садоводством и виноградарством в прошлом занимались только зажиточные.

Так же, как в Каракульском оазисе, у хыдыр-элинцев Чарджоуской области существовали различные подсобные занятия: женщины вышивали для продажи тубетейки («келле-пон»), узкие полоски («йорма») для отделки халатов, поясов и штанов⁶¹. Часть хыдыр-эли, кроме земледелия, занималась рыболовством, выделкой циновок («бойра») и выжиганием угля.

⁵⁹ Примитивное сооружение для подъема воды на высокие поля.

⁶⁰ То же орудие, которое в Хивинском ханстве называется «кунде», а у туркмен Закаспийской области — «озал».

⁶¹ Полевая запись № 17, 1954 г.

⁶² Полевая запись № 22, 1954 г.

Богатые разводили крупный рогатый скот; молочные продукты реализовались на рынке.

Развито было гончарство. Гончары («кулял») выделяли на рынок различного рода кувшины для хранения масла и воды («голча», «сув куйзе»), сосуды для сбивания масла («гушпе»), блюда для плова («табак»), кувшины для чигири («дигир») и т. д. На продажу выделяли также тамдыры⁶³.

Гончарное ремесло сохранилось у хыдыр-эли до наших дней, и хотя потомственных гончаров остались единицы, наиболее искусные из них

Рис. 3. Внешний вид хыдыр-элинской гончарной печи

сейчас работают в артели, неподалеку от Чарджоу в сел. Ходжа-кала. О давности этого ремесла у хыдыр-эли и самостоятельном пути его развития свидетельствуют форма и устройство гончарной печи⁶⁴, а также ряд своеобразных терминов.

Гончарная печь хыдыр-элинцев прямоугольная (рис. 3) и меньше круглой хорезмской, но и в той и в другой помещается одинаковое количество изделий.

У хорезмской печи два колена, по которым огонь проходит по кругу через маленькие боковые и центральное большое отверстие, поэтому посуду в такой печи обычно кладут на бок; в хыдыр-элинской печи огонь проникает снизу через маленькие отверстия, расположенные в полу на одинаковом расстоянии от стен. В такой печи посуду ставят вертикально. Еще одно важное отличие хыдыр-элинской печи от хорезмской заключается в том, что поддувало последней значительно меньше. Вместе с тем топочная камера хорезмской печи очень мало углублена в землю, тогда как у хыдыр-элинской печи она наполовину находится в земле.

Хыдыр-элинские гончары, как обычно для ремесленников, образовывали своеобразную замкнутую организацию, имели свои передающиеся

⁶³ Полевые записи № 22, 23, 1954 г. Полевая записка № 1, 1955 г.

⁶⁴ Хыдыр-элинские мастера называют гончарную печь «хумман», хорезмские узбеки-гончары — «куммыз». Полевая записка № 3, 1955 г.

из поколения в поколение приемы работы, правила и устав. Для того чтобы стать мастером-гончаром, требовалось пройти стадию ученичества в течение ряда лет и только после этого получить право быть принятым в мастера.

Материальная культура бухарских хыдыр-эли не отличается от культуры окружающего их весьма своеобразного в историко-этническом отношении населения.

Хорезмские хыдыр-эли, оказавшиеся изолированными от своих бухарских сородичей, имели много общих черт с окружающим их узбекским населением и в занятиях и в материальной культуре. Однако гурленские хыдыр-эли славилась среди населения умением разводить огороды, сады и виноградники. Так же как и их южные сородичи, они страдали от недостатка земли и поэтому занимались различными ремеслами и промыслами. Были среди них также кузнецы и гончары. Хыдыр-элинцем был знаменитый в свое время кузнец Курбан-Темирчи, славившийся своим мастерством далеко за пределами Гурлена.

Живут хыдыр-эли в усадьбах, типичных для северных узбеков, однако старики помнят, что в прошлом они жили в юртах и делали их для продажи. Позже, научившись у узбеков строить дома, хыдыр-эли стали постепенно в них переселяться. Дольше других сохраняли юрты богатые⁶⁵.

* * *

Осенью 1955 г. Туркменский отряд совершил маршрут в юго-западную Туркмению для обследования группы прибрежных туркмен, известных под именем огурджали. Так же как и в предыдущем 1954 г., работа отряда была связана с археологическими исследованиями Хорезмской экспедиции (1952 г.) теперь уже в низовьях Узбоя; здесь у впадения южного протока дельты Узбоя — Аджайба в Каспийское море, в урочище Куня-Огурджа, расположенном на длинном песчаном острове, окруженном шорами, найдены остатки позднесредневекового поселения.

Поселение, расположенное полосой в 50—60 м ширины вдоль края острова, датируется концом XIV—XVI вв. Характер находок свидетельствует о том, что оно заброшено, видимо, в результате какой-то военной катастрофы. На месте поселения обнаружены остатки юрт, деревянных дверей и других предметов, целые хумы своеобразной формы, поливные чаши и другие сосуды⁶⁶.

На более мелких песчаных островах, расположенных вблизи главного, также встречены подобные находки.

Задача Туркменского отряда заключалась в том, чтобы проверить, связаны ли предки современных огурджали с жителями средневековых поселений на Куня-Огурдже. Поэтому основное внимание было направлено на сбор материала по исторической этнографии. Огурджали — прибрежные туркмены, издавна занимающиеся рыболовством, добычей нефти и нефтяных продуктов и торговлей. Они населяют все восточное побережье Каспийского моря от Гасан-кули на юге до Красноводской косы (сел. Кызыл-Су) на севере, занимая также остров Огурчильский и полуостров Челекен, а в Иране — большой населенный пункт Гюмиш-Тепе.

Отряд посетил в Гасан-Кулийском районе два селения — Чикишляр и Гасан-кули, а в Челекенском три (не считая самого соцгорода, где наряду

⁶⁵ Полевые записи от Аташова Довлета от 2.VIII 1955 г. и 18.VI 1956 г. По берегам Сарыкамыша земледельцы хыдыр-эли также жили в юртах. Археологи обнаружили многочисленные площадки для юрт. См. С. П. Толстов. Архангельские исследования Хорезмской экспедиции в 1952 г. «Вестник АН СССР», № 8, 1953, стр. 45.

⁶⁶ С. П. Толстов. Археологические исследования Хорезмской экспедиции в 1952 г., стр. 45.

с туркменами-огурджалинцами очень много туркмен из других местностей, русских, азербайджанцев и т. д.) — селения Кара-гёль, Азибеково и Дагаджик. Из них наиболее давно заселены огурджалинцами Гасан-кули и Кара-гёль.

Селения огурджалинцев отличаются от селений других туркмен по внешнему виду: дома деревянные на сваях («аяклы-там» — дом с поижками) (рис. 4). Крыши двускатные, почти всегда железные, реже из дранки или черепицы; вокруг жилого помещения второго этажа крытый балкон — «саяван». Теперь, когда море отошло от селений, место между сваями под домом используется как хозяйственное помещение, раньше же вода доходила до строений и к сваям привязывали лодки.

Рис. 4. Улица в Гасан-кули

Для домов характерны большие окна, в каждой комнате их не менее двух-трех. Железные двускатные крыши здесь не роскошь и не признак особого богатства, а необходимость. В безводных прибрежных селениях питьевую воду запасают впрок, собирая ее во время дождей с крыши в цистерны («лар»).

Деревянные дома появились в огурджалинских селениях, по словам наших информаторов, не ранее 50—60 лет тому назад⁶⁷.

Первыми мастерами, научившими туркмен строить такие дома, были русские из Астрахани (Аждархан). Лес для строительства также привозили из Астрахани, реже из Ирана. До этого огурджалинцы, так же как и другие туркмены, жили в юртах⁶⁸. Юрта — удобное в условиях кочевания

⁶⁷ См. также Д. Ливкиц. Рыболовство и тюлений промысел на восточном побережье Каспийского моря. СПб., 1902, стр. 138. В 1897 г. в ауле Гасан-кули было 82 деревянных дома. К сожалению, автор не указывает время их постройки.

⁶⁸ Сведения, полученные от наших информаторов, совпадают с сообщениями русских путешественников начала XIX в. Н. Н. Муравьева, Г. С. Карелина, Ф. Бларамберга и др. Смущает лишь сообщение иранского автора — участника иранской военной экспедиции на озеро Челекен в 1837—1838 гг., который пишет, что у жителей Челекена дома построены из дерева (Мухаммед-Тагы-хан, «Насих-ут-таварих». МИТТ, т. II, 1938, стр. 237). Однако участники экспедиции Карелина, бывшие

жилище, никогда не была единственным видом жилья для оседлых земледельцев и рыбаков.

Сырая, засоленная почва побережья, исключая возможность строительства обычных для оседлого населения Средней Азии глинобитных домов и отсутствие строительной глины, естественно вызывали у прибрежных жителей-рыбаков и работающих на промыслах стремление найти другие формы оседлого жилища. Давнишние прочные связи с Россией позволили перенять строительные навыки русских рыбаков Каспия⁶⁹. Однако весьма вероятно, что в более раннее время, наряду с юртами, у огурджалинцев могли быть и другие оседлые формы жилища.

В одежде, украшениях, орнаменте и ряде других элементов материальной культуры огурджали отличаются от соседних туркмен некоторыми своеобразными чертами и большим влиянием городской культуры.

В собранных отрядом легендах и преданиях прибрежных жителей по-разному объясняется происхождение термина «огурджали». Прежде именем огурджали («огурджа») называли отдельный род, независимо от характера занятий его членов; позднее оно приобрело оскорбительный оттенок и применялось не ко всем живущим на побережье, а только к людям, занятым рыболовством и промыслами. С этими занятиями связано наиболее примитивное толкование слова «огурджали» — «воришки», морские разбойники, вообще люди, ведущие у берегов моря тайный образ жизни⁷⁰.

К этому толкованию примыкает еще одно, более логично объясняющее термин «огурджали»: так стали называть людей, бежавших из разных туркменских племен от раздоров и кровной мести, людей, имеющих основания скрываться от своего племени или рода.

Однако наиболее верное объяснение, так же широко распространенное, как и первые два, связывает этот термин с названием местности Огурджа или Кёне-Огурджа на Аджалибе, где, по сведениям наших информаторов, раньше существовало несколько поселений и среди них наиболее крупные — Огурджа, Кызыл-Махтум, Серчали и др. — места прежнего обитания огурджалинцев⁷¹.

В исторической литературе имя огурджали в форме огрыча, огруча встречается с конца XIV в. сначала как название местности⁷², для середины XV в. как имя города⁷³, которое у В. В. Бартольда приводится в трех разных написаниях — Огрыча, Агрыча, Огурча.

в Туркмении за год — полтора до иранского автора, не отметили этого нового для них вида жилища, а писали лишь о юртах.

⁶⁹ Интересно, что у живущих примерно в одинаковых условиях с огурджали оседлых жителей иранских провинций Мазандерина и Гиляна, лежащих на южном берегу Каспийского моря, также встречаются деревянные дома на сваях. О жилище огурджалинцев см. статью А. Джикиева «Поселения и жилища туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря». СЭ, 1957 г., № 4.

⁷⁰ Информаторы сообщили, что такое объяснение широко распространено среди скотоводов, относящихся к рыбакам сывсока. Полевые записи от Клычева Хаджитувака, Махтумова Тангрыберды, Аннаева Хаджикули и др.

То же примерно пишет Г. С. Карелин: «Огурджали по переводу означает — морской разбойник, пират». (Журнал или дневные записки экспедиции 1836 г. — «Зап. РГО по общей географии», т. X. СПб., 1883, стр. 428).

⁷¹ Полевые записки автора и А. Джикиева от Махмудова Амангельды и Худайбердыев Моллакерима. См. также А. А. Марущенко. Существенные поправки: «Огурча — селище на берегу залива Эркекия». «Туркменоведение», № 12, 1930, стр. 13—14.

⁷² Цит. по ст. С. Берг. История исследования Туркмении. Сб. «Туркмения», т. 1. Л., 1929, стр. 79, прим.: также Абдар-раззак Самарканди — «Матла Ас-Садейн». МИТТ, т. I, 1939, стр. 528. Это имя сейчас сохранилось в русском названии острова «Огурчинский» (туркм. «Адак»), лежащего против прежнего места впадения Аджалиба в море.

⁷³ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. ЗВО, т. XIX. СПб., 1914, стр. 90, 92.

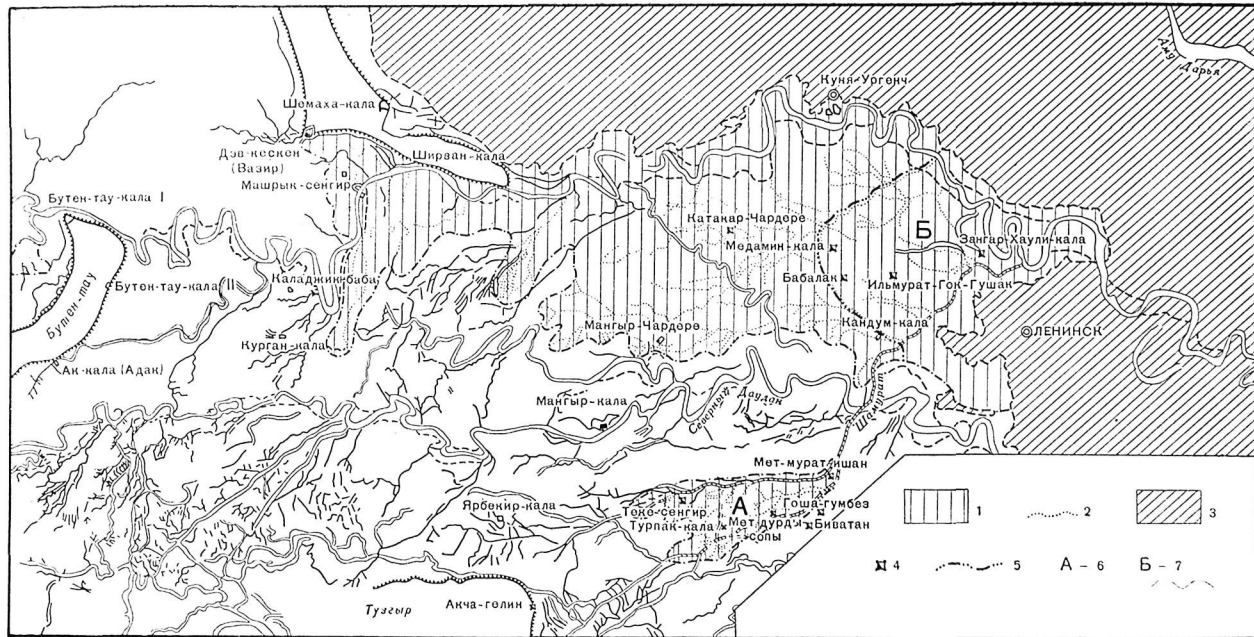

Рис. 5. Территории покинутых туркменских поселений Ташаузской области XIX в.

1—территория покинутых туркменских поселений; 2—туркменские каналы; 3—современная культурная зона; 4—туркменские памятники, обследованные экспедицией; 5—недавно освоенные земли древнего орошения; 6—древние сухие русла и каналы

Абуль-гази, описывая события первой половины XVI в., упоминает Огурчу, мимо которой протекала р. Аму, впадающая затем в Мазандеранское море⁷⁴.

В начале XVIII в. это имя появляется уже как наименование туркменского племени — жителей побережья Каспийского моря. Автор «Тарих-и-Надири»⁷⁵ отличает их от туркмен-иомудов, с которыми они, однако, были связаны. Русские путешественники XVIII в. — Токмачев, Ладыжинский и Войнович, а также англичанин Ганвей, плававший по Каспийскому морю в 1743 г., называют прибрежных туркмен гурджали, огурджалы⁷⁶, или *ogurtjoys*⁷⁷. Интересно, что Ладыжинский, посетивший почти все острова вдоль юго-восточного побережья Каспийского моря, возражает против принятого у русских путешественников названия этих островов огурчинскими, так как туркмены, населяющие их «и владеющие ими, называют себя «гурджалы» и, следовательно, острова должны называться «гурджалинскими»⁷⁸.

Начиная с XVIII в. за прибрежными туркменами закрепляется это имя.

Более подробные сведения дают в начале XIX в. русские путешественники Н. Н. Муравьев, Г. С. Карелин и другие⁷⁹, считающие огурджали, или огурджалинцев, отдельным значительным родом туркмен-иомудов и ставящие их наряду с родом иомудов-джафарбаевцев. Так, Карелин пишет: «Из поколения шерев самые важные по своему влиянию колена суть: джафарбай и огурджале. Они занимают морские берега и острова при них лежащие»⁸⁰.

К. Боде считает их также родом туркмен-иомудов, однако он полагает, что они не чистые иомуды, а примкнувший к ним посторонний род⁸¹.

Того же мнения держится и О. Туманович. Относя огурджали ко второй группе туркменских племен, происходящих от Огузхана, он считает, однако, что огурджали «неправильно отождествляют с иомудами, в то время как они лишь представляют из себя объединение частей разных родственных иомудам родов»⁸².

Вместе с тем указанные выше авторы называют огурджалинцами всех прибрежных туркмен, без различия племенной принадлежности, а лишь по роду занятий. Вот что пишет по этому поводу И. Ф. Бларамберг: «Юмуды делятся еще, по образу жизни, на три отдела: чочуров, чорвов и огурджали... Огурджали зовутся те, которые живут по берегам моря и занимаются рыболовством, перевозкою нефти и соли в Персию и морским разбоем.

⁷⁴ Цит. по ст.: В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древних времен до XVII в. «Изв. Туркест. отдела РГО», т. IV, 1902, стр. 93.

⁷⁵ Мирза Мехди-хан Астрабадский «Тарих-и-Надири», МИТТ, т. II, 1938, стр. 132.

⁷⁶ Цит. по ст.: Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 86.

⁷⁷ Исторический журнал бывшей в 1781 и 1782 гг. на Каспийском море Российской эскадры под командою флота капитана второго ранга графа Войновича. М., 1809, стр. 83.

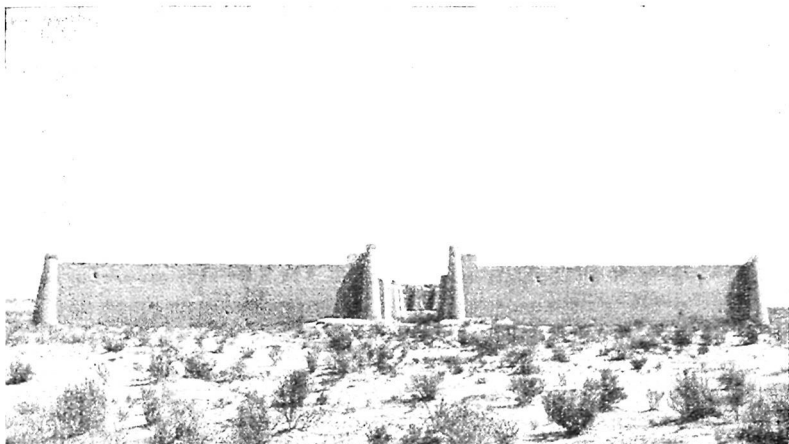
⁷⁸ Тит. по ст.: Л. Т. Берг. Указ. соч., стр. 86.

⁷⁹ Н. Н. Муравьев-Карельский. Записки 1821 г. «Русский архив 1888 г.», № 1—3; Г. С. Карелин. Журнал или дневные записки экспедиции 1836 г. «Записки РГО по общей географии», т. X, 1883; И. Ф. Бларамберг. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюб-Карагана. «Записки РГО», 1850, кн. IV.

⁸⁰ Г. С. Карелин. Обзорные восточных берегов Каспийского моря в отношениях статистическом, топографическом и физическом. «Записки РГО по общей географии», т. X, 1883, стр. 427. То же самое пишет и Бларамберг (указ. соч., стр. 106).

⁸¹ К. Боде. Очерк туркменской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря. «Отечественные записки». 1856, кн. 8, приложение.

⁸² О. Туманович. Туркманистан и туркмены (материалы к изучению истории и этнографии). Асхабад-Полторац, 1926, стр. 86; И. Стебницкий. Заметки о Туркмении. «Записки Кавк. отд. РГО», кн. 8, Тифлис, 1873, стр. 78.

1

2

Рис. 6. Урочище Уаз. Вид туркменских усадеб:

1 — усадьба Мет-мурад-иплана; 2 — усадьба крестьянина-туземца в центре урочища

К нему последнему отделу принадлежат жители Челекени, Гасап-Кули и Серебряного бугра»⁸³.

Как и большинство других туркменских племенных групп, огурджали до последнего времени сохраняли деление на роды, причем в разные времена (на протяжении последних двух-трех столетий) состав и количество родов менялось; основными и наиболее древними, по данным наших информаторов, считаются недим, герей, махтум и ширван, причем первые два фигурируют как основные также и в XIX в.⁸⁴ Однако тогда вместо родов махтум и ширван в число основных четырех включались семедия и терикме, первый из которых в настоящее время среди огурджалинцев Советского Союза почти не встречается. Основные роды центром своего расселения считают район Гасап-Кули и на полуостров Челекен переселились сравнительно недавно.

Сейчас в состав огурджалинцев входят многие джафарбаевские роды: тумач, караинджик, кельте, кор и др. Они не забывают своего номудского происхождения, а представителями основных родов считаются «настоящими» огурджалинцами.

Интересна история еще одного, довольно многочисленного рода — тиведжи (дудежи), расселившегося сейчас по всей территории, занимаемой огурджалинцами, а в прошлом преобладавшего на севере. Их положение довольно близко джафарбаевским родам, которые вошли в состав огурджали в течение последнего столетия⁸⁵.

Тиведжи — давние обитатели местностей, принадлежащих огурджали, и на нижнем Узбое упоминаются еще в XV в. По новому переводу рукописи Абуль-гази, сделанному А. Н. Кононовым, «верхним пределом... юрта (тиведжи.— Г. В.) является Актан, а основанием Огурча»⁸⁶. Абуль-гази пишет, что тиведжи объединились в XV в. с племенем кара-ейли⁸⁷, жившем на нижнем Узбое в местности, где земля была неудобна для земледелия, и занялись, как и кара-ейли, рыбным промыслом. Спустя некоторое время тиведжи стали многочисленным народом⁸⁸, среди которого были и скотоводы и земледельцы⁸⁹. Кара-ейли, жившие среди тиведжи несколько поколений⁹⁰, видимо, в конце концов утратили свое племенное имя и стали называться по имени центра своего расселения Огурчи — огурджали; они-то, видимо, и составили ядро будущего огурджалинского племени, передав это имя объединившейся с ним в силу каких-то причин южной группе прибрежных туркмен-рыболовов. Тиведжи благодаря своей многочисленности сохранили родовое имя, хотя и вошли в состав огурджали. Часть скотоводов-тиведжи вошла, видимо, затем в состав номудского подразделения, но поддерживала и сохраняла родственные связи

⁸³ И. Ф. Б л а р а м б е р г. Указ. соч., стр. 109; Г. С. К а р е л и н. Указ. соч., стр. 428.

⁸⁴ Г. С. К а р е л и н. Указ. соч., стр. 427. По данным А. Джикиева, полученным им от информатора Худайбердыева Молдакерима, роды махтум и ширван примкнули к основным родам недим в герей несколько позже, но вместе с тем достаточно давно для того, чтобы числиться среди основных. Последние происходят от братьев — кузнецов.

⁸⁵ Среди номудов — джафарбаевцев также есть роды кор, кельте, дудежи, караинджик и др.

⁸⁶ Абуль-гази Бохадурхан. Родословная туркмен. Пер. А. Н. Кононова, М.—Л., 1957.

⁸⁷ Как пишет Абуль-гази, эта группа туркмен стала называться кара-ейлю (чернодомными) потому, что была беднее других и их земля была неудобна для земледелия. Основатель племени кара-ейли Кашга был младшим братом Хызр-Джурю. Абуль-гази. Указ. соч., стр. 71.

⁸⁸ Абуль-гази. Указ. соч. Пер. А. Туманского, стр. 72.

⁸⁹ В. В. Б а р т о л ь д. Очерк истории туркменского народа. Сб. «Туркмения», т. 1, Л., 1929, стр. 41. По рассказу Абуль-гази, тиведжи платили хорезмскому хану десятиую часть урожая и налог со стад.

⁹⁰ Абуль-гази. Указ. соч. Пер. А. Туманского, стр. 72—73

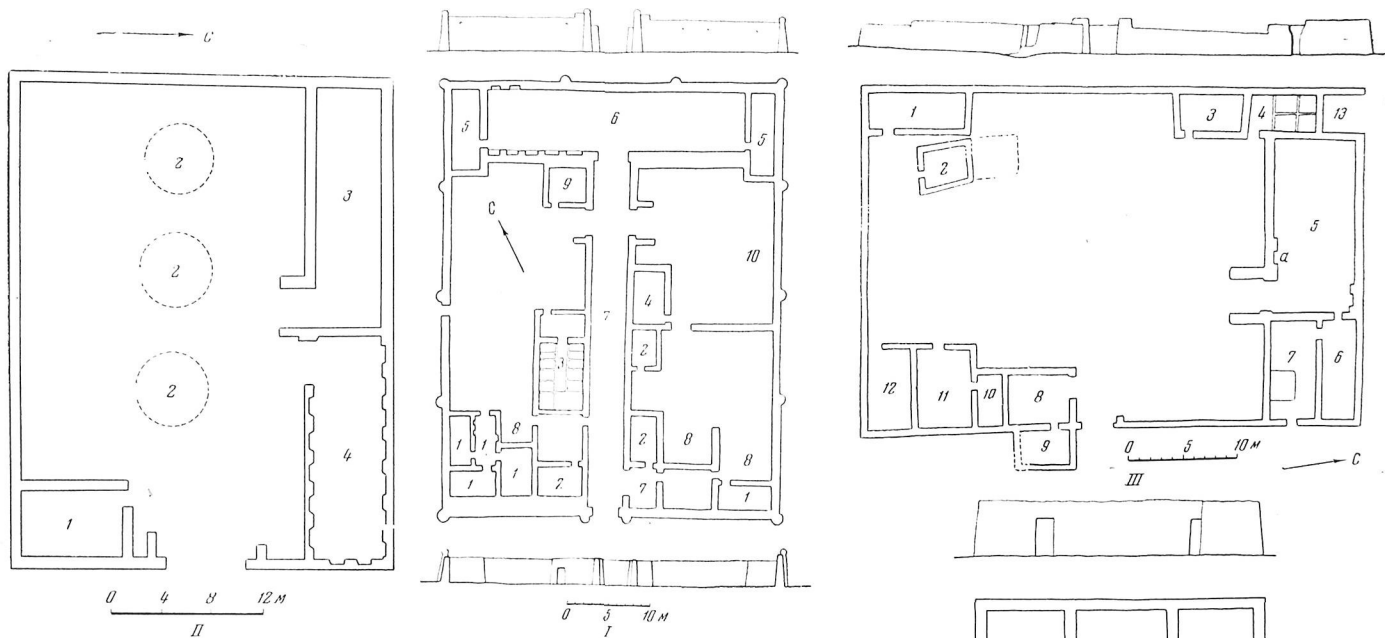

Рис. 7. Типы туркменских усадьб:

I — усадьба Мег Мурад-ишана со сложной застройкой; 1 — худжры — зимние комнаты и помещения для занятий с учениками; 2 — михман-хана (комната для приема гостей); 3 — телен (склад); 4 — тана-йтак (помещение для телят); 5 — саман-хана (склад для овса); 6 — сене-хана (конюшня); 7 — далан (крытый коридор); 8 — тере-ойван; 9 — усса-джайм; 10 — две-йтак (помещение для верблюдов). *II* — усадьба Ханчи Байдишана, емрели: 1 — галла-хана (склад); 2 — места для юрт; 3 — две-йтак; 4 — сене-хана. *III* — усадьба Туримена у молодца Карадашлы: 1 — худжра (зимняя комната); 2 — дегирмен-там (помещение для ручной мельницы); 3, 10, 11 — михман-хана; 4 — телен; 5 — сене-хана (а — ахыр — кормушка для скота); 6 — саман-хана; 7 — джуваз-там (маслобойка); 8, 9 — помещение для вещей; 13 — тере-ойван. *IV* — усадьба ридового туркмена в Узле

с огурджалинскими тюркскими. С иомудами огурджали были связаны не только узлами родства. Заслуживает специального внимания сообщение ряда авторов и наших информаторов о связи огурджалинцев и иомудов-джафарбаев отношениями вассалитета⁹¹, выражавшихся в том, что у каждого огурджалинца был свой патрон из иомудов-джафарбаев. У последних сохранилось деление на десятки («онлуки»), которых было десять. К ним призывало еще два онлука, включавшие четыре основных рода огурджали⁹². Деление на онлуки возникло очень давно. По преданию, оно было введено прародителем иомудов Союн-ханом⁹³. Явление это наводит на мысль о связи деления на онлуки с военной организацией племени и помогает понять причины подчиненного положения огурджали. Бедность прибрежных жителей, мирный образ жизни и род занятий, мешавший подвижности, необходимой в условиях того времени, делали их уязвимыми для врагов и заставляли искать защиты у более сильных соседей и родственников, какими были иомуды-джафарбаевы. Вступив в отношения вассалитета, огурджали образовали два дополнительных онлука (сверх десяти), входившие в состав военной организации иомудов.

В связи с этим предположением становится ясным, почему, как сообщает иранский автор «Тахир-и-Надир», в 1792 г. огурджа предупредили иомудов о приближении иранского войска Надир-шаха и те успели рассеяться по степи⁹⁴. Подчиненное положение огурджалинцев, ставившее их в зависимость от иомудов, вызывало у последних несколько презрительное отношение и, возможно, было одной из причин указанного выше вольного переосмысления имени «огурджали».

Прочная связь между обоими племенами легко объясняется и тем, что беднейшие слои джафарбаевцев, не имевшие скота, оседали на берегу моря, становясь рыбаками. Отсюда смещение понятия отдельного племени с термином, обозначающим род занятий. Рекогносцировочная поездка выявила все же несомненную связь основной части современных огурджали с жителями средневекового поселения на Аджайбе. Разработка проблемы в целом дается в работе молодого ученого А. Джикиева, посвященной историко-этнографическому исследованию этой своеобразной группы туркмен.

* * *

В период полевых работ 1955 и 1956 гг. основное внимание Туркменского этнографического отряда было направлено на исследование покинутых туркменских поселений XIX в., расположенных на землях древнего и средневекового орошения в западной части Хорезмского оазиса, южнее г. Куля-Ургенча: в урочище Уз (Вас) и местностях Таджик-ой, Таза-яб. Махтум-ой, Медемин-кала, Кетгенли-ой и др., в северо-западной части Ленинского района по старым каналам Шамурат, Сипай-яб, Каттакар. Ялдыр-яб (рис. 5). Основным населением этих территорий были в XIX в. туркмены различных племен: текинцы, карадашлы, емрели, а также иомудские роды бога, бехельке, машрык, окуз, салак, кожжук и др.

До 30-х годов прошлого века здесь не было оседлого населения, так как средневековые оросительные каналы оставались заброшенными. Однако с середины 30-х годов хивинские ханы, используя начавшееся с рубежа XVIII и XIX вв. обводнение Лоудана, стали проводить оросительные

⁹¹ И. И. Стебницкий. Указ. соч., стр. 73—79. Б. А. Литвинский. К истории добычи полезных ископаемых на Челекене (до русского завоевания). «Материалы ЮТАКЭ», вып. I, Ашхабад, 1956, стр. 88—89.

⁹² Полевая запись автора от Ильяс Хыдыркулиева и Муссы Баллиева. Об онлуках пишет также К. Боде, который указывает на два дополнительных онлука огурджали. Указ. соч., приложение.

⁹³ Те же полев. записи.

⁹⁴ Мирза Мехди-хан Астрабадский. «Тахир-и-Надир». МИИТ, т. II, 1938, стр. 132.

работы, чтобы увеличить количество государственных («падшалычных») земель.

В 30—40-х годах XIX в. в западной части ханства силами узбеков и каракалпаков были проведены большие ирригационные работы; проложен

1

2

Рис. 8. Усадьбы туркмен-колхозников:

1 — фасад дома Айлака Карлиева (Ленинский р-н); 2 — дом с высоким телеком (Ленинский р-н)

Калпак-ярған, затем Сипай-яб и, наконец, в 1848—1849 гг. переуглублен средневековый канал, идущий к урочищу Уз. Он был назван по имени везира хана — Шамурат. Территории, орошенные новыми каналами, получили название Ханбад. Земли были розданы хивинским сановникам, безземельным («беветан») узбекам и туркменам — нукерам⁹⁵. Последние,

⁹⁵ Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, стр. 221.

как обычно делалось в Хивинском ханстве, получили земли преимущественно в хвостовых частях каналов. Кроме нукеров, на земли Ханабада переселились туркмены, арендовавшие участки у ханских сановников.

Ханабад существовал около десятилетия. Уже в 1857 г. в ответ на восстание иомудов против хивинского хана на Лоудане была построена плотина, закрывшая воде путь к обширным культурным землям в Ханабаде и по Дарьялыку. Началось постепенное запустение этих территорий и в первую очередь Узаского оазиса, лежащего в самых низовьях канала Шамурат. Ушли узбеки-беватаны и некоторые из туркменских племен:

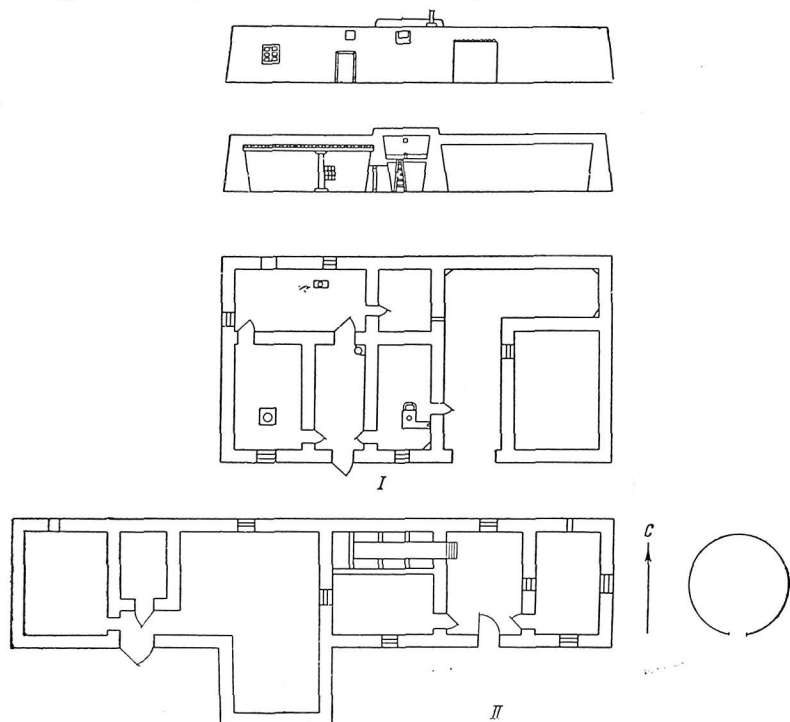

Рис. 9. Планы усадеб колхозников:
I — дом Айлака Карлиева; II — дом с телеком

сакары и часть текинцев. В период восстания 1855—1856 гг. дворцы ханских сановников, выстроенные в Ханабаде, также были оставлены владельцами. В урочище Узас произошла смена населения. Вместо ушедших узбеков-беватанов и текинцев поселились туркмены емрели, карадашлы и иомуды, увеличив число ранее обитавших здесь туркмен.

Жившие в урочищах Махтум-ой, Кетгенли-ой, Таджик-ой туркмены емрели и иомуды или покинули эти места, переселившись на восток (емрели), или почти полностью перешли к кочеванию, используя изредка доходившую к ним воду для орошения небольших участков. В Узас в конце XIX в. вода проходила один раз в несколько лет и возможность занятия земледелием все уменьшалась, однако окончательно урочище оставлено земледельцами лишь на самом рубеже XIX и XX вв.

Туркменский отряд обследовал и изучил поселения и жилище туркмен в урочище Уаз и западной части Ленинского района, связав эти обследования с опросом большого числа стариков и пожилых людей, живших в прилегающих к покинутым поселениям колхозах. Люди старшего поколения хорошо помнили жизнь этих поселений, а зачастую и сами были участниками событий. Их сведения о национальном составе населения покинутых территорий, хозяйственной жизни, земельно-водных отношениях помогли воссоздать более или менее полную картину жизни туркмен, обитавших здесь в конце XIX в.

Существенную помощь оказали нам информаторы и в изучении жилища, что позволило выяснить назначение отдельных помещений усадеб, восстановить внешний облик в пору их существования, определить племенную принадлежность и имена строителей и владельцев усадеб.

Посещенные вторично в 1956 г. поселения и жилища в урочище Уаз исследованы более детально, чем поселения туркмен в западной части Ленинского района, существовавшие менее длительный срок и сохранившиеся хуже.

Основные итоги исследования как 1955, так и 1956 г. уже опубликованы⁹⁶; здесь следует остановиться лишь на одном, чрезвычайно интересном и важном вопросе — преемственности в развитии современного туркменского жилища в примыкающих к Уазу колхозах Ленинского района. Еще окончательно не изжито неправильное мнение о том, что туркмены (и в частности, хорезмские) не имеют и не могут иметь своих традиций в создании оседлого жилища, так как не знали такого жилища в прошлом, что все усадьбы туркмен, существовавшие до советской власти, созданы под узбекским влиянием и почти всегда руками мастеров-узбеков.

Материалы отряда, собранные по Уазу, в западной части Ленинского района и в туркменских поселениях по Дарьяльку, исследованных Б. В. Андриановым⁹⁷, позволяют утверждать, что в туркменских усадьбах обследованных районов и особенно урочища Уаз (рис. 6), хорошо прослеживается преемственность архитектурных традиций (в планировке, внешнем и внутреннем облике, во внутреннем оформлении) от туркменского жилища XIX в. к современному.

По предварительному изучению туркменские усадьбы Уаза можно отнести к нескольким типам⁹⁸. Современные жилые дома туркмен-емрели, распространенные в колхозе им. Вышинского, восточных поселках колхоза им. Тельмана Ленинского района, весьма близки по планировке и внешнему виду к первому типу усадеб со сплошной застройкой, выделенному нами в урочище Уаз (рис. 7). В таких домах иногда живут две-три родственные семьи (семьи братьев, семья отца и сына и т. д.).

В качестве наиболее типичного дома подобного типа назовем дом, принадлежащий Айлаку Карлиеву в поселке им. Калинина колхоза им. Вышинского Ленинского района. Дом, состоящий из четырех комнат и коридора («дализ»), соединяющего их, построен в 1951 г. на месте старого, причем хозяин старался сохранить прежний план без изменения. С востока примыкает отгороженное капитальной стеной помещение для скота («сеисхана»), в котором отделен сарай для сена («саманхана»). В жилом доме слева от входа — михман-хана, справа — ашхана. Прямо против входа дверь из коридора ведет в «эйван» — большое прямоугольное помещение,

⁹⁶ Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Покинутые туркменские поселения XIX века в Хорезмском оазисе. КСИЭ, XXVIII, 1957; Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в. «Изв. АН Туркм. ССР», 1957, № 2,

⁹⁷ Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Опыт археолого-этнографического изучения..., стр. 103, 104.

⁹⁸ Там же, стр. 101, 102.

из которого можно пройти в двухэтажную кладовую («телек»). В первом этаже хранятся дыни, арбузы, различная утварь; верхний служит хранилищем для зерна. Здесь устроено четыре земляных закрома («ахыр»). В стенах сделаны ниши («тегче») для хранения различных семян. В кухне против входа — печь, а в углу — высокая полка из пахсы для различной утвари.

В комнатах и хозяйственных помещениях устроены ниши различной величины и формы.

Окна расположены на разной высоте, в некоторых из них вместо стекол — ставни. Такие окна называются дередже. В доме Карлиева дередже освещают айван, одно из них соединяет кухню с сараем.

Кроме айванов, довольно часто устраиваются терсайваны — крытые летние террасы, выходящие на север, в сторону, противоположную фасаду (обычно фасад расположен на юг или юго-запад)⁹⁹.

Телек в таких домах очень часто бывает двухэтажным; зерно, семена, мешки с мукой хранятся на втором этаже, чтобы спасти их от сырости и мышей (рис. 8 и 9). Встречаются отдельно стоящие двухэтажные телеки¹⁰⁰.

В подобных многокамерных домах, где кроме двух-трех жилых комнат есть ряд помещений, предназначенных для хозяйственных целей, в качестве строительного материала максимально используется глина (глиняные полки, суфы, закрома-ахыры и кормушки в хозяйственных помещениях, ниши). Эти дома, как уже указывалось выше, наиболее полно сохраняют традиции туркменского жилища XIX в. и распространены среди емрелинцев, но встречаются также и у иомудов Куня-Ургенчского района, часть которых переселилась на места нынешнего обитания из покинутых поселений в западной части Ленинского района.

* * *

Тематика и результаты работ Туркменского отряда в полевые сезоны 1954—1956 гг. не исчерпываются вышеизложенным. Так, в эти годы отряд проводил планомерное исследование родоплеменного и национального состава населения Ташаузской области и изучал его материальную культуру. Итоги работ в этой области найдут отражение в других публикациях.

---

⁹⁹ Терсайван — «противолежащий айван», айван с обратной стороны (терсине — обратно, противоположный). Встречается и в жилищах Уза.

¹⁰⁰ У колхозника Курта Тураева (поселок им. 8 марта Куя-Ургенчского района).

Т. А. Жданко

**РАБОТЫ КАРАКАЛПАКСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТРЯДА
в 1956 г.**

Каракалпакский этнографический отряд Хорезмской экспедиции в 1956 г. работал в течение июля месяца, совместно с Каракалпакским научно-исследовательским Институтом АН Узбекской ССР и при участии сотрудников Нукусского и Самаркандского музеев, в составе 16 человек¹.

Работы проводились в Кегейлинском районе (колхозы им. Ленина, им. Жданова, им. Микояна), в Чимбайском районе (колхоз им. Ленина и др.), в Кара-Узьякском районе (колхоз им. Жданова), в Муйнакском районе (колхозы «Кзыл аскер» и «Кенес»). Кроме того, отрядом были совершены археологические поездки на крепость Хайван-кала (VIII в.) в Кегейлинском районе и в горы Кушкана-тау, где была открыта крепость Куюк-кала (VI—VIII вв.) с расположенным близ нее оссуарным могильником. Основной задачей Каракалпакского отряда было продолжение начатого в 1954 г. историко-этнографического изучения аульной земельно-водной общины каракалпаков XIX — начала XX в. Наряду с этим в план работы входило изучение семейно-бытового уклада путем применения подворно-посемейного анкетного обследования в отдельных колхозных аулах и записи обычаев и обрядов, связанных с бытом каракалпакской семьи и пережитками древних верований. Наконец, значительное место в плане полевых исследований в связи с подготовкой историко-этнографического атласа Средней Азии занимала материальная культура — изучение некоторых типов жилища, ряда ремесел, народного костюма, прикладного искусства. В задачу работавших в составе отряда сотрудников Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института Академии наук Узбекской ССР входили главным образом сбор устного исторического фольклора, в том числе сведений об антихивинских восстаниях каракалпаков середины XIX в. Работники Нукусского и Самаркандского музеев присоединились к отряду с целью приобретения для музеев коллекций каракалпакской утвари, одежды и предметов народного прикладного искусства.

¹ Состав отряда: начальник Т. А. Жданко, младшие сотрудники Б. И. Вайнберг и Н. П. Лобачева, архитектор Г. С. Костин, художник И. В. Савицкий, фотограф Г. А. Аргиропуло, ст. науч. сотр. Каракалпакского ин-та экономики и культуры С. К. Камалов, младшие научные сотрудники Каракалпакского ин-та экономики и культуры Алтымшбай Турев и Хожа Ахмет Есбергенев, студент-практикант Каракалпакского пед. ин-та Турганбай Бекжанов, зав. отделом истории Каракалпакского гос. музея в Нукусе Исмет Мадьяров, научные сотрудники Самаркандского музея, прикомандированные к отряду, З. Ю. Мухаммедиев и Е. Е. Урыфал, шоферы Н. С. Горин, Н. В. Петуниц, повар Г. Хафизова.

Историко-этнографическое изучение аульной общины каракалпаков было начато нами еще в 1954 г. в двух экономически различных районах: в Караузякском районе — на северо-востоке республики, в прошлом очень плохо обеспеченном водой в связи с частым пересыханием главного канала Ишим, с повсеместным применением чигирей из-за маловодья арыков, — и в другом, густонаселенном, издавна земледельческом Кегейлинском районе, с самотечным орошением, базирующимся на водах протока Кегейли в его верхнем и среднем течении, т. е. в наиболее полноводной его части.

Нам удалось выявить крайнюю неравномерность сохранения пережитков аульной земельно-водной общины у каракалпаков; в первом случае (Караузякский район) она оказалась к началу XX в. в сильной степени изжитой. Основные средства водопользования — чигири — находились в руках частных владельцев, зажиточных крестьян, богачей-баев; приобрести это дорогое сооружение было не под силу средним и бедным земледельцам; некоторые покупали чигирь в складчину, но острое классовое расслоение и в этих случаях препятствовало регулярному снабжению водой их хозяйств, так как большая часть воды, вопреки законам общинного равноправия, шла на полив полей богачей-баев, под разными предлогами нарушавших традиционные правила водопользования. Также нарушались и правила песения грудовой повинности по очистке каналов («казу»).

Маловодье приводило к неустойчивости населения, к частым его передвижениям. Разорившиеся, обнищавшие крестьяне уходили в другие районы; оставшиеся занимались батраками или, не имея возможности прокормиться скудными урожаями, занимались отходничеством. Как удалось выяснить², очень много каракалпаков, живших в бассейне Есыма (Ишима), к 1914—1916 гг. стали сезонными рабочими, из года в год уходившими работать на хлопкоочистительные заводы Нового Ургенча и других городов Хорезмского оазиса.

Во втором районе наших работ, Кегейлинском, на территории колхоза им. Калинина (быв. адм. аул № 2 Кегейлинской волости) пережитки аульной общины были в начале XX в. более устойчивыми. Разумеется, и здесь классовое расслоение было очень велико, переделы земель не практиковались в связи с развитием частной собственности на землю. «Один из баев нашего аула, — рассказывают старики, — Касимбай, имел две с половиной тысячи баранов и коз, сто голов крупного рогатого скота, 90 верблюдов и очень много земли»; кроме него перечисляют еще много баев и представителей духовенства (ахуна, ишанов, мулл). Однако местные жители каракалпаки-тараклы (родовое подразделение тараклы входило в состав племени кенегес) сохранили предания о том, как их род тараклы отвел от Кегейли свой канал — Тараклы-жаб; земли по этому каналу они считают исконными угодьями своего рода (ата-бабамыз жер еди); вдоль канала они жили компактно, в шести аулах, по 20—30 хозяйств в каждом, расположенных по соседству друг от друга; жители каждого из аулов считались мелким подразделением («коше») рода тараклы, близко-родственной группой, «детьми (потомством) одного отца». Каждое коше отвело себе от канала Тараклы ответвление — «салма». Как самый аул, так и салма носили название коше. Вода, подведенная каналом Тараклы к земельным угодьям этого рода, считалась общей и подлежала распределению между аулами-коше.

Узаконенные традицией, строго соблюдавшиеся правила водопользования у тараклынцев были основаны на поочередном предоставлении воды каждому из аулов, в порядке их расположения — сверху вниз по

² См. полевые записи У. Шалекеенова 1954 г. в колхозе им. Ленина Караузякского района (Архив ИЭ).

каналу; равномерное распределение воды достигалось путем устройства «аспек» — перегораживающих сооружений — ниже голов аульных салма, для подъема уровня воды Тараклы-жаба и большего пропуска воды в салма.

В докладе на среднеазиатском совещании археологов и этнографов в Сталинабаде мы дали подробное описание системы водопользования кенегесов-тараклынцев по нашим материалам 1954 г.³

В 1956 г. мы сосредоточили свое внимание на изучении «коше» — тех родственных групп, которые в некоторых случаях составляли целый поселок-аул, а иногда объединялись в более крупные селения, выделяясь в них, однако, компактными комплексами близко соседящих друг с другом усадеб; в своем быту семьи, входящие в определенное коше, отличались теснейшими традиционными связями, сложными взаимоотношениями, пронизанными древними, патриархальными обрядами и обычаями. Родственные группы, подобные коше, обнаруженные в настоящее время этнографами у многих народов Средней Азии, Кавказа и др. (М. О. Косвен назвал их патронимиями), представляют собой пережитки древней формы большой патриархальной семьи, одного из первоначальных этапов развития ее, как патриархально-родовой общины. Устойчивые пережитки этих древних форм большесемейной патриархальной общины прекрасно прослеживаются, например, по типам поселений и жилищ, на археологическом материале, в частности на хорезмском (как в земледельческих оазисах, так и в степи) в эпохи рабовладельческую и раннефеодальную; в позднефеодальном периоде на помощь археологии приходят богатые письменные источники, а затем и этнографические. Как показывают новейшие исследования, у полукочевых племен Приаралья, предков каракалпаков, в эпоху античности рабовладельческие отношения, проникшие в их среду, еще тесно переплетались с патриархально-родовым укладом; с VI—VIII вв. н. э. эти степные племена северной периферии Хорезма, как и население оазисов, стали переходить к феодальным отношениям; однако последние, вследствие сильного влияния унаследованных от предыдущих этапов исторического развития патриархально-родовых пережитков, также приобрели форму патриархально-феодальных⁴.

На протяжении многовекового исторического процесса, консервируясь в той или иной степени у отсталых, ведущих натуральное хозяйство народов или некоторых групп народа, многие пережиточные патриархально-родовые институты дожили почти до наших дней, причем сохраняли реальное и довольно существенное значение не только в семейном быту и идеологии, но и в установлениях форм общественной жизни и экономике.

Пути развития патриархальной семейной общины, постепенно перераставшей в территориальную, были различными у разных народов, находясь в зависимости от разных исторических условий, хозяйственной жизни, уровня социально-экономического строя, в котором она сохранялась в качестве пережитка; очевидно, что она должна была иметь своеобразные, более архаические формы у народов отсталых, кочевых и полукочевых, для которых типичными в XIX — начале XX в. были патриархально-феодальные отношения. Эта проблема в настоящее время исследуется на материале киргизов С. М. Абрамзон; он дискутирует с исследователями, отрицающими наличие брамзоной семьи у кочевников Средней Азии и Казахстана. С. М. Абрамзон доказывает, что большая семья здесь имела лишь

³ Т. А. Жданко. Новые материалы по патриархальным пережиткам в земельно-водной общине Средней Азии. «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959.

⁴ С. П. Толстов. Варварские племена периферии античного Хорезма по новейшим археологическим данным. «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии».

особые формы, связанные с преобладанием скотоводческого хозяйства и кочевого образа жизни; в частности, вместо больших общих жилищ у них были родственные аулы.

У полуседлого населения Средней Азии патриархальная семья сочетала эти же особенности типа поселения со многими чертами, свойственными земельно-водным оседлым общинам, где архаические общинные порядки стойко держались благодаря коллективному водопользованию, которое сильно тормозило распад патриархальных связей. Этнографы за последние годы находят все больше подтверждений тому, ставшему уже общепризнанным факту, что в XIX и начале XX в. в условиях быстро прогрессирующего процесса распада под влиянием проникновения капитализма архаических патриархальных институтов социально-экономического строя народов Средней Азии такой ячейкой их общества, в которой эти пережитки консервировались особенно долго и прочно, оказывая действительное влияние на быт народа, были именно мелкие родственные группы — «ата баласы» у казахов, «биратанын балдары» у киргизов, «коше» у каракалпаков (см. работы С. М. Абрамзона, Г. П. Снесарева, Т. А. Жданко). Без изучения таких групп, остатки которых находить этнографам в наше время стало не так уж просто, нельзя правильно понять ни историю социально-экономического строя, в частности — историю аульной земельно-водной общины, ни историю семьи, развивавшейся в условиях преобладания патриархально-феодалных отношений.

В предыдущие годы работы Каракалпакского отряда (1946—1954) мы не раз отмечали наличие коше, записывали у разных информаторов определения сущности, особенностей этих групп; но нам надо было путем специального обследования отдельных коше более конкретно выяснить степень консервации патриархально-родовых пережитков внутри коше, в первую очередь — вопрос о том, являлись ли они действительно кровнородственными группами, каково было их внутреннее, независимое от установленной ханской или царской властью административной системы самоуправление, как отражалось объединение отдельных семей в коше на производственной жизни и в быту. Все эти вопросы, конечно, до конца пока не удалось разрешить, но следует отметить один из итогов нашего анкетного подворно-посемейного обследования, касающегося реальности родственных уз внутри коше.

В 1956 г. мы, по специально составленной анкете, провели сперва выборочное обследование групп усадеб родственных семей в ряде колхозов Кегейлинского района, затем — сплошное обследование аула из 28 хозяйств ябы-кыпчаков в одном из колхозов Чимбайского района, собрав при этом хороший материал по каракалпакскому жилищно-земледельческой полосе и по семье, но не уловив уже четкого деления на коше в этом, прежде несомненно «родовом» ауле, ныне составляющем производственную бригаду колхоза. Наконец, мы направились на север, к Аральскому морю, в Муйнакский район и, обнаружив там в крупном селении колхоза Кзыл-аскер остатки традиционного типа расселения по коше, провели сплошное обследование (посемейно-подворные этнографические анкеты, план поселка, описания и планы усадеб, домов, биографические сведения о членах семьи, дополняющие анкету) части селения, в которой сгруппировались близкородственные семьи одного из коше мюйтенского рода кентгау.

Селение расположено на протоке Аму-Дарья — Казах-Дарье, близ самого моря. Колхоз рыболовецкий; как известно, мюйтены — одна из приморских каракалпакских племенных групп, издревле живущих в дельте и занимающихся преимущественно рыболовством и скотоводством, в меньшей степени земледелием; их тамгой была острога — «шанышкы». Среди мюйтенев — творцов древнего эпоса «Кырк-кыз», всегда были особенно живучи исторические традиции каракалпакского народа. Старинки этой

группы каракалпаков сообщили нам много исторических преданий, легенд, обычаев своего народа. Когда мы были впервые в этом же мюйтенском колхозе в 1946 г., мы обратили внимание на характер расселения колхозников по берегам Казах-Дарьи; в планировке большого аула (здесь не «хуторской» тип расселения; аулы вытянуты вдоль берегов протока) (рис. 1) очень четко отражалось родовое деление мюйтенцев, причем внутри каждой из таких частей населения выделялись небольшие группы усадеб, близко примыкавших друг к другу и принадлежавших родственникам, семьям, объединенным в коше. После десятилетнего перерыва мы нашли значительные изменения в расселении. Родственные группы теперь живут более смешанно, разбросанно в разных частях селения, что явилось следствием не только изживания старых традиций, естественного в передовом рыболовецком колхозе, жители которого очень тесно связаны в своем труде и быту с близлежащим крупным рыбзаводом, но и нескольких вынужденных переселений из-за неустойчивого уровня Аральского моря. Колхозный аул в эти годы неоднократно затоплялся, и жители переносили свои дома, юрты и хозяйственные постройки выше по течению Казах-Дарьи. Все же в большом (охватывающем 161 хозяйство) колхозном селении мюйтенцев мы обнаружили одно компактно поселившееся коше рода кентенау, состоящее из 10 хозяйств (рис. 2). Название этого коше — «жекенсал» (плот из тростника — джекена) — связано с прозвищем (лакаб) предка этого коше.

После обобщения анкетных сведений и дополнения их расспросами местных жителей нам удалось на этот раз восстановить генеалогическую структуру всего коше «жекенсал» как всех ныне здравствующих, так и части умерших членов родственных семей, считавшихся его членами. Эта генеалогия (рис. 3) полностью подтвердила то утверждение, которое мы неоднократно слышали от стариков, что члены коше являлись кровными родственниками по мужской линии. Тем самым подтвердилось и наше предположение, высказанное еще в работе 1950 г.⁵, о том, что по отношению к каракалпакам, как и туркменам и некоторым другим народам Средней Азии, нельзя говорить о полном изживании в сельской (аульной) общине той «сильной, но узкой» связи кровного родства ее членов, которую К. Маркс, а также и В. И. Ленин считали совершенно уже исчезнувшей, например, в русской сельской общине XIX — начала XX в.

Генеалогия включает восемь поколений («ата»), из которых в настоящее время живы представители пяти поколений (см. схему). Общее число членов коше по нашим данным — 44 человека, в том числе к самому старшему из пяти живых поколений относится 1 человек в возрасте 100 лет; к следующему поколению 12 человек в возрасте от 55—80 лет; к среднему — 15 человек, большинство из них в возрасте до 30 лет, остальные — старше. К младшему — 16 человек, в том числе семь до 10 лет, и, наконец, к самому младшему один человек — девочка Сарыбике в возрасте полутора месяцев.

Опрошенные нами старики подтвердили, что в коше жекенсал были до недавнего времени очень сильны патриархально-родовые традиции, свойственные всем группам «бир ата баласы»: близкое кровное родство (все главы семей были родственниками по мужской линии); тесное соседство усадеб; совместная пастьба скота; подчинение в вопросах производственной жизни кошебию, который, по словам наших информаторов, назначал сроки проведения всех хозяйственных работ, выездов на рыбную ловлю, распределял налоги и распоряжался всей жизнью коше; с ним советовались и в делах хозяйственных, и в семейно-бытовых.

⁵ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. «Труды ИЭ», т. IX, 1950, стр. 66.

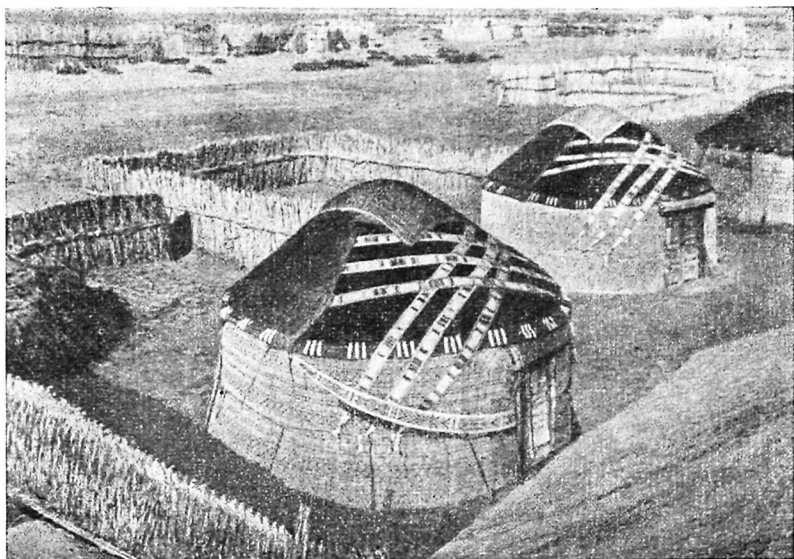

Рис. 1. Поселок колхоза «Кзыл-аскер» в Муйнакском р-не Каракалпакской АССР на берегу Казах-Дары

Анализ анкетного материала, собранного у мюйтенгов, нами еще не вполне закончен, так же как не разработаны данные анкетного подворного обследования жилища и семей близко-родственных коше, проведенного в Кегейлинском и Чимбайском районах.

Можно считать, что мы пока лишь положили начало изучению места и роли коше в аульной земельно-водной общине установлением родственных

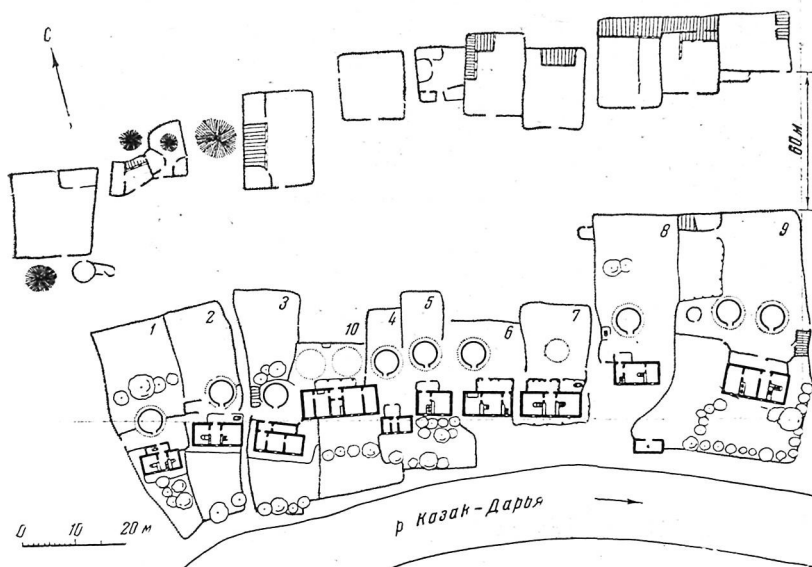

Рис. 2. План расположения усадеб жителей поселка «Кзыл-аскер», причислявшихся в прошлом к коше жекенсал мюйтенского рода кенгтану

взаимосвязей его членов, выявлением степени устойчивости патриархально-родовых пережитков в этом исторически сложившемся маленьком замкнутом, родственном объединении. Однако уже ясно, что эту работу надо продолжить. Этнографам и историкам следует тщательно исследовать у разных народов это пока еще плохо изученное звено социальной структуры населения Средней Азии.

* * *

Заполнение свыше пятидесяти этнографических вопросников-анкет, составленных нами с учетом особенностей быта каракалпаков, дало довольно солидный материал для анализа некоторых вопросов семейного быта (средняя численность семей, занятия членов семьи, связь с городом через живущих там членов семьи, культурный уровень разных поколений и др.). Вместе с тем выявлена и документально удостоверена «живучесть» ряда патриархально-родовых пережитков и бытующих в настоящее время старинных обычаев: устойчивость экзогамии, повсеместное сохранение архаичной номенклатуры родства, отражающей следы группового брака, широкое бытование обычая избегания — запрета женщинам называть имя мужа и старших родственников по мужской линии из рода мужа. Этот обычай вызвал значительные трудности при заполнении анкет в тех случаях, когда наш отряд застал дома одних женщин. Было зафиксировано несколько

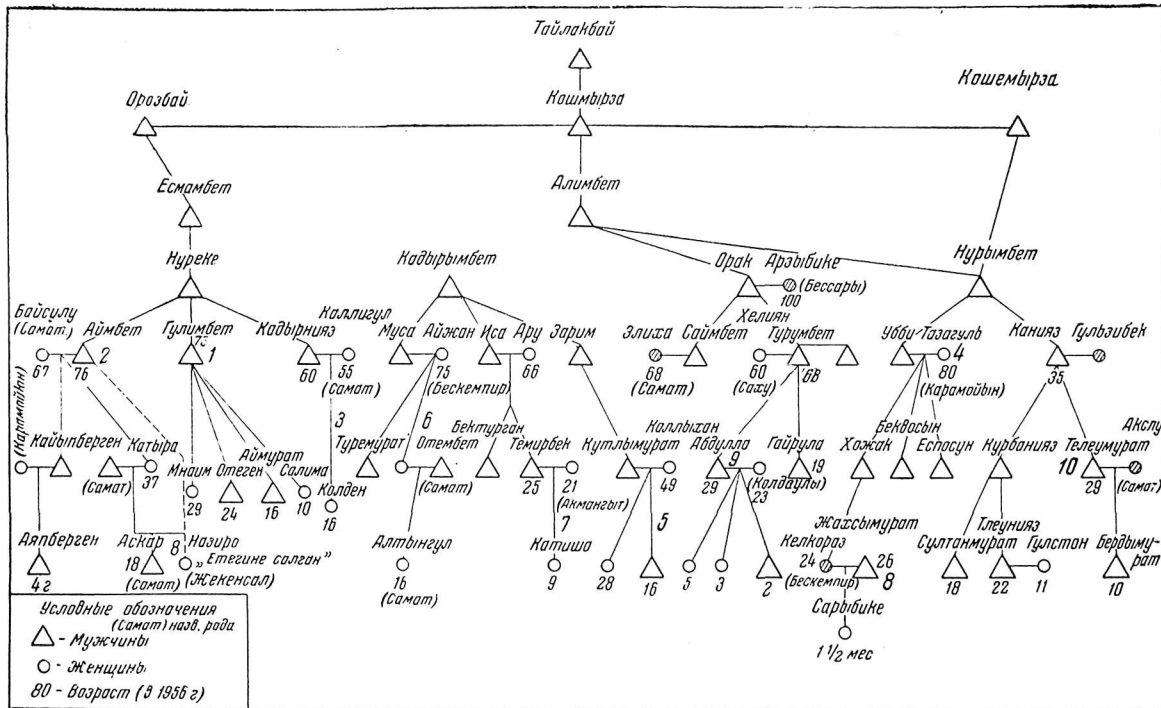

Рис. 3. Геневалогическая структура коше жекенсал мыйтенов-кентгану (по историко-этнографическим материалам Каракалпакского отряда Хорезмской экспедиции. (Крупные цифры 1—10 соответствуют нумерации усадеб, в которых живут данные семьи)

случаев левирата с характерной для него разницей в возрасте супругов, когда вдова, перешедшая после смерти мужа к его младшему брату, значительно старше последнего. Выявлены неоднократные случаи бытования обычая усыновления — так называемое «етегине салгап» — «положенный в подол». В одном из таких случаев отцу, не имеющему сыновей, дочь передала на воспитание своего сына первенца. В другом — ребенок был передан братом другому брату, не имевшему детей. Ребенок по этому обычаю

Рис. 4. Улица в поселке колхоза «Кзыл_аскер»

причисляется к роду усыновившего, называет его отцом. Передача ребенка происходит торжественно, в присутствии сородичей; ребенка кладут в подол жены усыновляющего его родственника.

* * *

Поскольку посемейное обследование сочеталось с фиксацией и описанием жилища, собран значительный материал и по этой теме. Наиболее интересен среди нового материала комплекс сведений по жилищу северного, приморского района — Муйнакского; яркий пример этого своеобразного типа «камышевой» архитектуры, известной в северных районах и ранее, но получившей большое развитие и новые формы в годы Советской власти, — селение колхоза Кзыл Аскер. Фундамент, стены, двускатные крыши колхозных домов, хозяйственные постройки, изгороди — все здесь делается из камыша (рис. 4). Каркасы стен делают из дерева, а все заполнение — из высоких, плотных, хорошо пригоняемых друг к другу камышевых снопов: затем стены обмазывают внутри и снаружи глиной и белят. На месте оконных и дверных проемов камыш ровно подрезают острым ножом. В домах устанавливают печи; жилище этой конструкции теплое, светлое и недорогое; последнее имеет существенное значение, если учитывать частые затопления и вынужденные переселения колхозных рыбацких поселков-

аулов. Можно сказать, что местные мастера, народные зодчие, достигли виртуозности в использовании для строительных целей обширных камышевых зарослей дельты Аму-Дарьи. Рыбаки делают себе также в местах рыбалок, на берегу, временные жилища — навесы из камыша — совершенно без деревянных жердей, применяя камышевые снопы разной толщины для стояков и перекрытий. Такое рыбацкое жилище каракалпаков, построенное на камышевой «щетке», впервые зарисовал художник Н. Каразин, участник Аму-Дарьинской экспедиции 1874 г.⁶

* * *

Вопреки неосновательным свидетельствам некоторых авторов XIX в., утверждавших, что ремесло у каракалпаков находится на низком уровне развития, русские исследователи еще в первой половине XVIII в. сообщали о том, что это народ, на который «прежде обносились, якобы воровскими набегами в российских владениях разорение чинят, но что кажется по последним известиям ложно, ибо они обращаются в земледельство и в рукодельстве и торгу, отчего без воровства довольство имеют»...⁷

Мы находим много подтверждений давности развития ремесел у каракалпаков; ремесленники являлись членами аульных общин и обслуживали своих сородичей, за что община выделяла им натурой определенную долю продуктов. Основные ремесла, наравне с другими хозяйственными занятиями, считались «пирли ис» — имеющими своих покровителей — пиров: так, Дехан-баба — был покровителем земледельцев, Зенги-ата — покровителем пастухов рогатого скота, Шопан-ата — покровителем пастухов овец, Арык-мерген — покровителем охотников, Ильяс найгамбар — рыбаков, Даут-ата — покровителем кузнецов, Саддуакас — покровителем плотников и столяров, Биби Фатима — покровительницей ткачих и т. д.

Большой интерес представляют собранные материалы по кузнечеству, которое считают не заимствованным у узбеков ремеслом, а издавна известным каракалпакам. Говорят, что Хазрет Даут, покровитель кузнецов, передал это ремесло одновременно и узбекам, и каракалпакам еще до их переселения в Хорезм.

Кузнец Есымурад Дурусов, 59 лет, кенегес-оймаут, житель колхоза им. Ленина (Кегейлинский р-н), сообщил, что 18 поколений его предков были кузнецами. Его прапрадед Тастемир так славился своим мастерством, что о нем говорили:

Тастемир соккан тас кеседи

(«Что делает (скует — Т. Ж.) Тастемир, то режет камень»).

Тас кеспесе бас кеседи

(«Если не режет камень, то срежет голову»).

Он жил в ауле, где сейчас колхоз им. Жданова, в Кегейлинском районе. Есымурад тоже родом из этого аула. Сейчас эта наследственная преемственность ремесла в их семье прерывается — сын Есымурада, вернувшись из армии, где служил танкистом, поступает в Институт механизации сельского хозяйства. Другой кузнец перечислил 8 поколений своих предков-уста. Каракалпакские кузнецы делали в старину не только железные вещи, но и медные, например котлы для варки пицци, которые тогда ковали из меди; а позже делали самовары, по форме отличающиеся от изделий хивинских мастеров. По преданиям, Хазрет Даут вручную делал железные вещи, «как из глины», а потом стал применять клещи, щипцы и другие инструменты.

⁶ См. «Живописная Россия», СПб., 1885, т. X, стр. 77.

⁷ Проект обер-секретаря И. Кириллова об удержании в русском подданстве киргиз. 1733 г. «Полное собрание законов Российской империи», т. 9, стр. 309.

Кузнечное ремесло считалось «пирли ис» — ремесло, имеющее покровителя. Мастерская кузнеца (дукан) являлась «киели»⁸. Женщинам и детям не разрешалось входить туда, любопытствовать, брать оттуда что-нибудь. Людям с душевным расстройством рекомендовали для исцеления переночевать в кузнице. Кузнецы рассказывают, что в давние времена лечиться ходили в кузницу, а потом уже стали ходить к ишанам и шейхам. Различные верования, связанные с представлением о сакраментальном характере кузнечного ремесла, кузницы, наковальни, широко распространены не только у кочевых и полукочевых народов Средней Азии, например у киргизов, туркмен⁹, но и в зарубежных странах Востока и в Африке¹⁰.

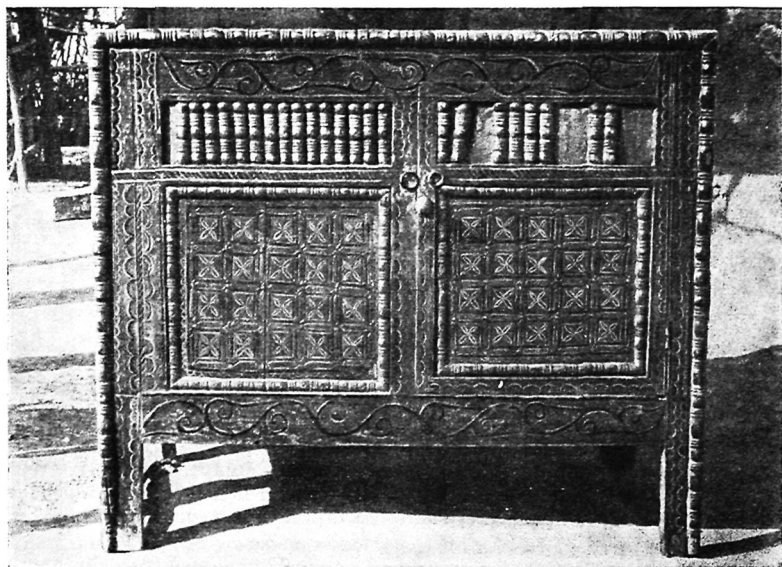

Рис. 5. Художественная резьба по дереву: каракалпакский резной шкафчик «сандык»

Раньше в каждом ауле были свои кузнецы. Они зимой и летом работали на односельчан в долг; оплата отдельных вещей не производилась, а осенью все хозяйства аула давали мастеру определенную часть своего урожая за его работу натурой, зерном.

Изделия кузнецов в связи с особенностями материальной культуры каракалпаков столь своеобразны, что и в настоящее время колхозные мастера полностью загружены работой по выработке разного инвентаря, отсутствующего в торговой сети. Делают кетмени, пять видов лопат, три вида серпов, остроги и крюки «илме» для рыбной ловли, замки, капканы,

⁸ Непереводимое слово, по значению близко к понятию вместилища духов.

⁹ См., например, кандидатские диссертации А. Ф. Бурковского «Техника современных домашних промыслов и ремесел в киргизских колхозах», 1951 и И. Джаббарова «Городское ремесло узбеков Хорезма в конце XIX — начале XX в.», 1954.

¹⁰ См., например, А. Т. Брайт. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953, стр. 238, 240.

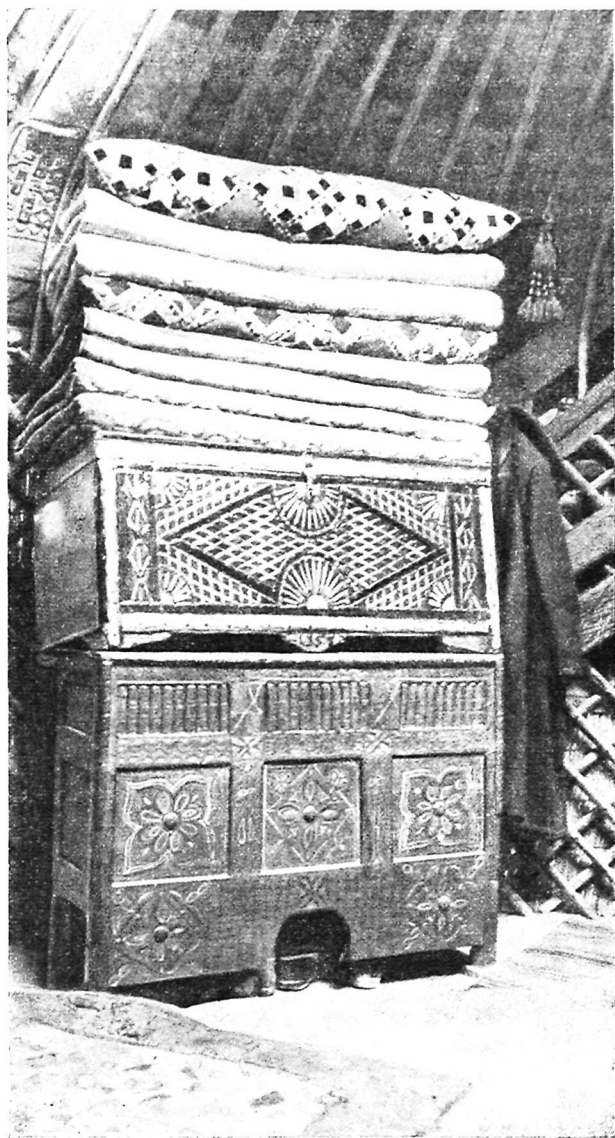

Рис. 6. Традиционное расположение в каракалпакской юрте шкафика («сандык»), сундука, украшенного жостью («арша»), одеял и подушек

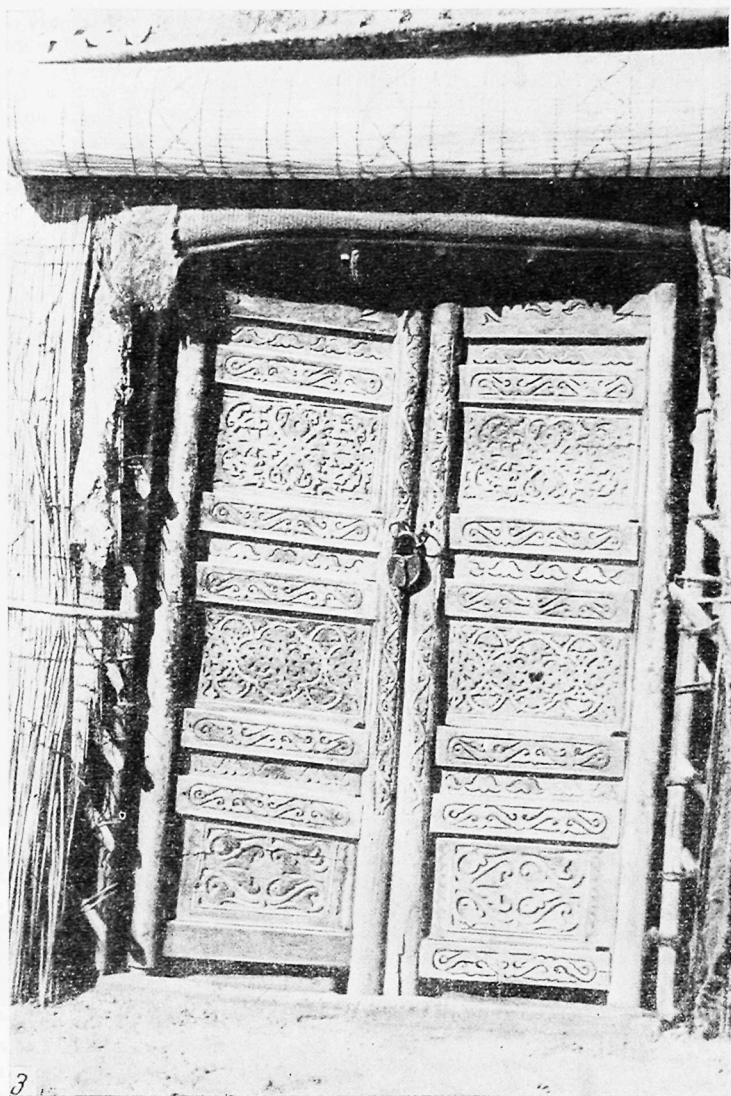

Рис. 7. Резные двери каракалпакской юрты. Кегейлинский район

подковы, стремяна, гвозди для арб и другие хозяйственные предметы. Интересно, что продающиеся в большом количестве в сельмагах лопаты широко используются кузнецами в качестве полуфабриката для выработки лопат местной формы: их расправляют и переделывают в «келше»; иногда из них же делают маленькие кетмени. Конечно, и те и другие получаются немного измененными по размерам и форме сравнительно с традиционным типом.

Рис. 8. Старики-колхозники информаторы Каракалпакского этнографического отряда. Колхоз им. Ленина Кегейлинского р-на Каракалпакской АССР

Собран новый материал также по деревообделочному ремеслу. Многие его отрасли уже исчезают, в том числе, к сожалению, чудесное каракалпакское искусство резьбы по дереву. Мы старались зафиксировать как можно больше образцов резных дверей, шкафчиков (сандык) и других предметов с резьбой (рис. 5, 6, 7), устанавливая имена выполнивших их мастеров, их родовую и этнографическую группу. Это — кропотливая работа, так как двери переходят из поколения в поколение, из юрты в юрту, и иногда очень старые, так что нынешние владельцы часто не знают имен резчиков, но все же некоторых успехов в этом деле мы достигли.

Сейчас в артелях местной промышленности (в частности, в Чимбае) вырабатываются юрты, арбы; есть артели по производству лодок. Один колхозный мастер в Кегейлинском районе выполняет самые разнообразные заказы на изготовление предметов сельскохозяйственного инвентаря и домашнего обихода: оконные рамы и двери для домов, деревянные лопаты; ремонтирует арбы, омачи (кунде), лодки и в то же время искусно изготавливает музыкальные инструменты — дутары. Другой колхозный мастер, производство которого у нас описано, ерши — седельщик, вырабатывающий деревянные ленточки седел.

Столярное ремесло у каракалпаков тоже считается старинным занятием.

Как и в предыдущие поездки, мы уделяли много внимания ткачеству, в этом году — в особенности узорному ткачеству паласной ткани «алаша», домашнее производство которой мы застали в Кегейлинском районе у

трех мастериц. Техника тканья «алаша» на узкопальной станке «ормек» подробно сфотографирована и снята на кинолентку. Этот вид безворсовых ковровых изделий, известный в Узбекистане под названием паласов «кокма», у каракалпаков разнообразен: цветные нити основы, подобранные в определенном порядке при заправке станка, при тканье полосатой алаши перекрывают одноцветный уток, а при тканье узорной алаши сквозь нити основы, по счету, пропускается дополнительная цветная уточная нить. Сшитые из узких полос «алаша» большие паласы чрезвычайно декоративны. Их делают чистшерстяными, полушерстяными и хлопчатобумажными и часто обрамляют сверху красивой разноцветной бахромой из шелковых ниток. Орнаменты «алаша» очень разнообразны; удалось установить довольно много наименований узоров.

В Муйнакском районе мы неоднократно наблюдали также тканье аккуров; к сожалению, до сих пор ни разу не удалось встретить производство ворсовых ковриков и полуворсовых — акбаскуров и жанбау (рис. 9, 1, 2).

Попытки выяснить вопрос о распространенности у каракалпаков тканья больших ковров, как и в прежние поездки, не увенчались успехом, так как сведения оказались очень противоречивы. Нам неоднократно показывали большие ковры, типа туркменских, тканые каракалпачками. Однако нигде не сохранилось сведений о бытовании у них широкопальной станок, которые считаются туркменскими. Говорят, что каракалпачки умели ткать большие ковры, но ткали по туркменским образцам.

* * *

При изучении народного костюма в этом году мы выяснили ряд вопросов, связанных с процессом производства одежды. Уточнился вопрос о видах хлопчатобумажных, шерстяных и кендырных тканей, которые издавна вырабатывались каракалпаками; собраны данные о лощении тканей для халатов. Найденный нами в одном из колхозов мастер-лощильщик — «мореша» — уже много лет не работает, переключившись на профессию плотника, но о технике лощения он дал необходимые сведения. Окончательно установлено отсутствие у каракалпаков шелкоткачества — все виды бытующих у них шелковых тканей всегда были привозными — из Хивы, Бухары, Ферганы. Записаны и зарисованы способы кройки, названия частей одежды, швы, меры (связанные с рукой), используемые при кройке одежды, для измерения ткани и др.

Вместе с тем важные уточнения сделаны и по вопросам старинной одежды¹¹, в частности о способе ношения головного убора саукеле, сочетания его с тобелек — серебряной ювелирной работы шапочкой, надевавшейся поверх саукеле. Этот интересный головной убор каракалпаков дает основание включить их в группу этнически связанных друг с другом народов, которую рассматривает в своей работе о терюханах Поволжья С. П. Толстов, включая в нее также туркмен с их девичьей металлической тубетейкой¹².

Выявлены возрастные особенности покроя и вышивки кимешека, жегде, некоторые детали, касающиеся интереснейшего предмета старинной женской одежды — синеи вышитой рубахи — кок-койлек, которая по своему типу расположения вышивок и стилю орнамента перекликается с некоторыми видами народного костюма обских угров.

Удалось пополнить образцы еще одной интересной детали старинного женского костюма — так называемых «женгсе» — вышитых нарукавников,

¹¹ Описание старинной одежды каракалпаков см. Т. А. Жданко. Каракалпачки Хорезмского оазиса. «Труды ХЭ», т. I, 1952.

¹² S. Tolstov. Les principales étapes du développement de la civilisation terioukhane. «Eurasia Septentrionalis Antiqua», VI, 1931, fig. 12.

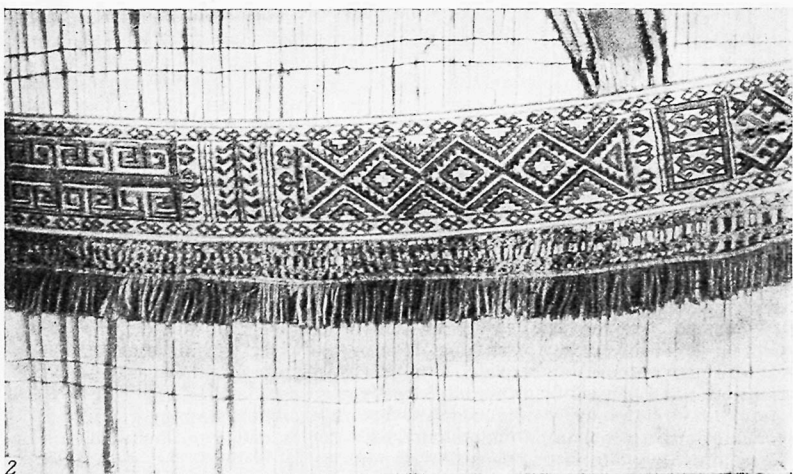
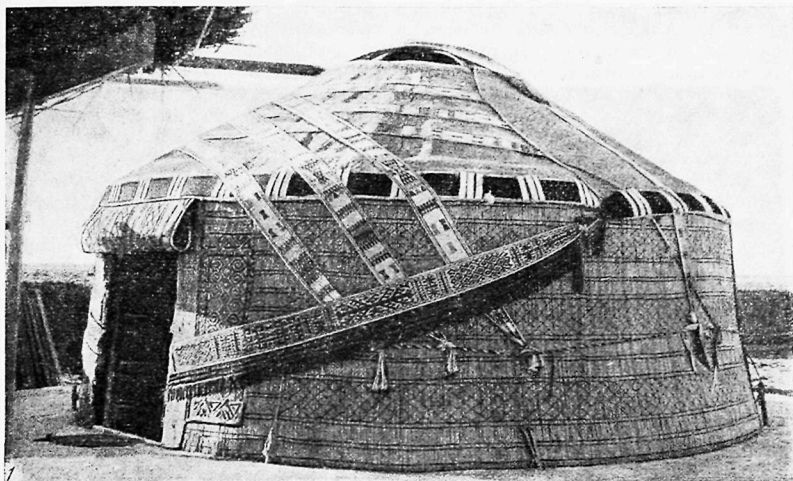

Рис. 9. Внешнее убранство каракалпакской юрты (1) и деталь орнамента на жанбау (2)

отороченных мехом; С. П. Толстов сопоставляет их с нашивными паруканниками некоторых народов Поволжья. Этнографические аналогии каракалпакских женские мы встречаем под тем же названием у ногайцев. Изучался вопрос о составе приданого, в которое у каракалпаков входила, кроме комплекса одежды невесты и собственноручно вышитого ею для свекрови ак-кимешека, юрта со всеми ковровыми принадлежностями: их полагалось соткать самой невесте.

Очень хорошие комплексы старинной каракалпакской одежды удалось приобрести во время работ отряда заведующему отделом истории Нукусского музея П. Мадыарову, а также прикомандированным к отряду сотрудникам Самаркандского музея.

Попутно со всей описанной работой в области материальной культуры пополнялись сведения о разнообразных изделиях прикладного искусства, и, в частности, образцы народного орнамента¹³, опыт исследования которого опубликован вместе с довольно значительным собранием образцов узоров¹⁴.

Весьма важны новые данные по линии изучения орнамента как исторического источника, в частности в плане этнической истории каракалпакского народа.

В одной из первых работ о каракалпакском орнаменте нами отмечалось сохранение в нем арханческих мотивов орнамента андроновской и тазабагыбской культур бронзового века. Однако при этом сопоставлении получался большой разрыв, не было промежуточных звеньев, свидетельствующих о сохранении этих мотивов в эпоху античности и средневековья и тех племен и народов, которые участвовали в этногенезе каракалпаков.

В этом году Хорезмской экспедицией было проведено изучение нескольких памятников эпохи античности и раннего средневековья (VI—VIII вв.), характеризующих культуру кочевых и полукочевых племен северной периферии Хорезма, территории, прилегающей к Аральскому морю, охватывающей современную и древние дельты Аму-Дарьи. Археологические находки, сделанные на этих памятниках (орнамент на керамике), дали недостающие звенья, протянули нити культурной связи преемственности с культурой древнейших предков каракалпаков.

* * *

Весьма пополнили работами этого года материал по древним верованиям каракалпаков, в частности «пантеон» злых и добрых духов («жин-перн урейлери»).

Образы мифических существ — перн, дэвов, шайтана, джинов, албасты, мастеп, жестырпак и др., так же как духов предков — арук — в основном имеют сходные черты с представлениями о них у других народов Средней Азии; однако требуется еще большая работа по сравнительному анализу, чтобы выявить в этом сложном мире духов специфические черты верований каракалпаков, связанные с особенностями их быта, а, возможно, и этнической истории.

¹³ Приятно отметить, что собранный нами орнаментальный материал по возвращении отряда в Нукус был немедленно использован художниками — оформителями литературы, издаваемой к декаде каракалпакского искусства, и его можно сейчас уже видеть воплощенным в новые формы — на обложках и в заставках целого ряда изданий художественной литературы.

¹⁴ См. предварительную публикацию исследования каракалпакского орнамента — Т. А. Жданко. Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков. СЭ, 1955, № 4, стр. 56—69.

Не завершен нами еще и сбор материалов о каракалпакских мазарах, почти всегда расположенных на территории определенного родового подразделения, считающего мазар местом захоронения своего предка-покровителя. До сих пор соблюдался обычай хоронить умерших на кладбищах близ своего родового мазара.

Рис. 10. Информатор фольклорной группы Каракалпакского отряда, народный певец Каражан-бахсы

При изучении семейных обрядов и пережитков древних верований нельзя не обратить внимание на отношение населения к различным животным и птицам, отражающим, очевидно, следы древних тотемических представлений предков каракалпаков. Не имея возможности остановиться на этом вопросе подробно, хочу лишь отметить как специфическую особенность большое место в этих представлениях тигра, быка, собаки, кабана и рыб. Из числа последних сазану приписывался целый ряд благодетельных свойств, вплоть до способности излечивать женщин от бездетности; в противоположной, враждебной человеку роли выступал сом, проглатывающий живых людей, приносящий вред целым местностям, городам (легенды о Кыз-аулия, о Куюк-кале). Одну из пород сома — «ак-ала» — запрещалось есть на белой кошме, в «полосатой» тени (с бликами солнечных лучей); считали, что несоблюдение этого правила вызывает заболевание проказой. Рыбаки говорили: «Остерегайся сома!» («ылақадан сақлан!»).

В заключение следует высоко оценить большую собирательскую работу сотрудников Каракалпакского комплексного института, принявших живейшее участие в сборе материала по программе нашего отряда и кроме того, под руководством кандидата исторических наук С. Камалова, записавших много устных исторических преданий, историко-этнографического фольклора (рис. 10). Изучая репертуар народных певцов и сказителей —

жирау, С. Камалов сделал важное для этнографии каракалпаков наблюдение — он нашел в рассказах стариков подтверждение того факта, что древний каракалпакский эпос «Кырк-кыз» был создан исконными каракалпакскими племенами, жителями приморских районов. Отцы некоторых наших информаторов сами слышали выступления знаменитого певца-сказителя племени мойтеп, рода абыз — Жиеп-Жирау, исполнившего этот эпос. Таким образом, корни этого своеобразного и прекрасного произведения, имеющего глубоко-народную почву, действительно восходят к историческому прошлому каракалпакского народа и сюжет его не был (как это склонны были в последнее время предполагать некоторые литературоведы) навеян какими-то внешними влияниями позднейшим исполнителям «Кырк-кыза» — жителям южных районов Каракалпакии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ** — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗВО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИЭ — Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ХЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>С. П. Толстов.</i> Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг.	3
<i>Н. Н. Вактурская.</i> О поездке в Южные Кызыл-Кумы в 1955 г.	39
<i>М. А. Итина.</i> Новые стоянки тазабагыбской культуры (работы 1956 г.)	52
<i>М. Г. Воробьева.</i> Раскопки архаического поселения близ Дингильдже	70
<i>Е. Е. Перазик, М. С. Лапиров-Скобло.</i> Раскопки Барак-тама-I в 1956 г.	81
<i>Е. Е. Перазик.</i> Раскопки в Беркут-калинском оазисе в 1953—1956 гг.	96
<i>Е. Е. Перазик, Ю. А. Рапопорт.</i> Куук-кала в 1956 г.	128
<i>Б. В. Андрианов.</i> Археолого-топографические исследования на землях древнего орошения Турткульского и Бирунийского районов Каракалпакской АССР в 1955—1956 гг.	143
<i>Н. Н. Вактурская и О. А. Вишневская.</i> Памятники Хорезма эпохи Великих Хорезмшахов (XII — начало XIII в.)	150
<i>Г. П. Васильева.</i> Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—1956 гг.	168
<i>Т. А. Жданко.</i> Работы Каракалпакского этнографического отряда в 1956 г.	190
Список сокращений	209

**Полевые исследования
хорезмской экспедиции
1954—1956 гг.**

**Материалы Хорезмской археологической
экспедиции, вып. 1**

*Утверждено к печати Институтом
этнографии им. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редакторы издательства *В. Р. Швейковская, Т. Д. Златковская*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*

РИСО АН СССР №2-16Р. Сдано в набор 23/IV 1959 г.
Подписано к печати 8/X 1959 г. Формат 70×108^{1/4}₁₆
Печ. л. 13,25=18,15+1 вкл. Уч.-изд. л. 17,3+3 вкл.
(0,5 уч. изд. л.) Тираж 1300 Т-10458. Изд. № 3343.

Тип. зак. № 1986

Цена 11 р. 65 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
44	27 св.	рис. 7, 8	рис. 7, 2
64	6 св.	III	II
75	Рис. 5, 3	алебастра	талька
76	26 св.	Кобадли	Кобадлиан
134	20 св.	Кувшин	Кувшины
169	9 св.	1953	1950
172	20 св.	37	38
181	Подпись к карте	5 — недавно освоенные земли древнего орошения; 6 — древние сухие русла и каналы.	5 — граница недавно освоенных земель древнего орошения; 6 — вновь освоенные земли, А — на территории Уаза, Б — на территории Ханабада
182	13 св.	Н. Н. Муравьев-Карельский	Н. Н. Муравьев-Карский
184	17 св.	Молдакерима	Моллакерима
185	14 св.	бога	бага
186	4 св.	Ханбад	Ханабад
190	2 св.	Е. Е. Урыфал	Е. Е. Упфал
197	Рис. 3		Черту, соединяющую имена Кошемырза и Нурембет не читать

Цена 11 р. 65 к.